

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТАТИСТСКИЕ МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Москва
2002

УДК 300.350
ББК 15.50
Э 89

Ответственный редактор
доктор филос. наук *В.Н.Шевченко*

Рецензенты
доктор филос. наук *Н.М.Смирнова*
доктор филос. наук *О.А.Митрошенков*

Э 89 **Этагистские модели модернизации.** — М., 2002. — 154 с.

В сборнике рассматриваются проблемы истории, методологии и практики этагизма, а также возможности и лимиты социальных преобразований в периоды переходного развития от одного общественного устройства к другому на основе модели «сильного государства». Проблемы идеологии государственности проанализированы как в контексте учений классической политической философии, так и на материалах и фактах последних лет.

Предисловие

В 90-е годы прошлого века в постсоветской России была предпринята еще одна попытка ускоренного реформирования общества. Общественное мнение сегодняшних дней на редкость единодушно в своих оценках тех итогов реформирования, которые получила страна к концу десятилетия. Реформы провалились вместе с надеждами радикальных реформаторов на чудодейственную силу «невидимой руки рынка», на поверку оказавшейся настоящим стихийным бедствием, нанесшим огромный урон всему обществу.

На наш взгляд, главная причина провального курса реформ состоит в том, что реформаторами была полностью отвергнута созидательная роль государства как социального института в преобразовании российского общества. Влияние государства на становление нового типа экономики было ограничено контролем за рядом макроэкономических показателей — за уровнем инфляции, объемом денежной массы, находящейся в обращении, налоговыми показателями. Богатый мировой опыт использования государственной власти в проведении модернизации общества был оставлен без внимания.

Цель настоящей коллективной монографии и состоит в том, чтобы показать действительную сущность «этатистской модели модернизации». История многих стран наглядно продемонстрировала, к каким успехам может привести «сильное государство», становящееся ведущим фактором модернизационных преобразований, способствующим целенаправленным изменениям в экономической, социальной, политической и т.д. областях жизни общества.

В конечном счете, обсуждение вышеназванных проблем в книге предполагает определение реальных возможностей и пределов участия российского государства в новом витке реформ, начавшегося со сменой президента и всей президентской команды на рубеже двух веков.

Если говорить о логике проведенного исследования, то здесь можно выделить три группы задач, которые рассматриваются в большей или меньшей степени всеми авторами книги и которые, как нам представляется, органично связаны друг с другом. Это рассмотрение понятийного аппарата, затем различных исторических типов модернизационных преобразований, и наконец, политико-философское осмысление конкретных примеров успешного воплощения в жизнь этатистской модели модернизации.

При рассмотрении понятийного аппарата авторы книги основное внимание обращают на осмысление модернизации (или осовременивания) общества как на объективный процесс постоянного изменения и обновления явлений общественной жизни, процесс, который начинает приобретать самостоятельный характер в Новое время. Модернизация всегда связана с выдвиганием перед обществом целей, отнесен-

ных к будущему, т.е. таких целей, которые находятся за пределами настоящей жизни общества. Поэтому идею модернизации, подчеркивается в книге, нельзя рассматривать как идею той или иной одной партии. Это идея, которая должна принадлежать всему обществу. Только при этом условии государство способно стать политическим центром модернизации, выступать в качестве ведущего агента (актера) модернизационных перемен, и следовательно, только оно способно поддерживать идентичность социального целого в ходе его модернизации.

Еще одна задача, решению которой посвящены усилия авторов книги, связана с теоретическим обоснованием позитивной направленности политико-философской концепции этатизма, с необходимостью преодоления негативистского отношения к самой идее этатистского варианта модернизации.

В книге подробно рассматриваются два варианта, два типа модернизации. Классический пример первого типа модернизации, складывавшегося как естественно исторический процесс, можно найти в истории США, для которых характерно наличие с точки зрения проблем модернизации именно «слабого государства» на всем протяжении истории. Напротив, новая история Франции – это классический пример успешной модернизаторской деятельности «сильного государства». На первых порах оно оказалось высоко вознесенным над всем остальным обществом и лишь впоследствии, в самые последние десятилетия, стало допускать к формированию стратегических целей модернизации отдельные институты гражданского общества.

В этой связи авторы предприняли попытку рассмотреть положение личности в различных типах модернизации. Каким образом сочетается постоянное стремление общества к расширению сферы свободной деятельности личности в ходе модернизации и усиление государственного вмешательства прежде всего в рыночную экономику с целью придания ей все более рационального и вместе с тем социально ориентированного характера.

До сих пор остаются слабо изученными в политико-философском плане конкретные примеры успешного применения «этатистской модели модернизации» в XX в. в таких странах как Германия, Япония, социалистический Китай после прихода к власти Дэн-Сяопина. Особую актуальность приобретает сегодня изучение того, как удавалось модернизаторам эффективно учитывать национальную специфику страны. Авторы книги пытаются восполнить имеющиеся здесь пробелы.

Много внимания в монографии уделено анализу гегелевского учения о государстве, которое, на наш взгляд, не нашло еще должной позитивной оценки в отечественной философской литературе. Мы разделяем мысль современного немецкого философа Г. Рормозера о том, что Россия еще найдет в философии Гегеля немало нового и значительно больше, чем обнаружил там в свое время «правильный марксизм».

Наконец, следует сказать еще об одном весьма новом для науки явлении, ставшем предметом детального рассмотрения в книге, — это неизбежность трансформации всех модернизаторских идей и идеологий в условиях растущей глобализации и конечно же трансформации содержания ключевого понятия для всей проблематики книги в целом — понятия современности. На этапе глобального развития культура становится главным фактором решения насущных проблем общественного развития.

Сквозной темой для всех разделов книги выступает рассмотрение различных аспектов российского пути модернизации, начиная от петровских времени и вплоть до реформ прошедшего десятилетия. Наряду с выводами, касающимися причин провала реформ 90-х г., авторы книги попытались наметить контуры той «этатистской модели реформирования», которую рано или поздно должна обрести Россия, если она еще желает стать могущественным, демократическим и процветающим государством.

И здесь мы подходим к самому главному. Авторский коллектив монографии сознает недостаточность тех отдельных рассуждений о российском пути модернизации, которые в обилии можно встретить на страницах книги. Авторский коллектив сегодня подошел к такому рубежу, когда проделанная им работа открывает перед ним перспективу создания целостной концепции этатистской модели модернизации применительно к современным потребностям развития России в условиях растущей глобализации. Таковы «далеко идущие» творческие замыслы сотрудников сектора философских проблем политики.

В. Н. Шевченко

Модернизация сегодняшней России

Модернизация — синоним, точнее вариант развития, совершенствования, накопления позитивных качественных изменений, которые обычно, но не всегда¹ связаны с ростом, накоплением количественных изменений (экономических, социальных, демографических, культурных и др.). Различие между этими двумя понятиями, однако, немаловажно: «осовременивание» означает наличие образца, некоего эталона современности («модерности»), и сравнение с ним и порождает стремление уравниваться с высшим уровнем. Неравномерность развития, сосуществование так называемых передовых, развитых и отставших, менее развитых стран делает пресловутое «догоняющее развитие» нормальным и постоянным историческим процессом.

Вся история цивилизации состоит из взаимоотношений быстрее или в каком-либо отношении лучше развивающихся стран и других, которые стремились их догнать. При этом места в состязании нередко менялись. Политическое, экономическое могущество переходило от одной страны к другой вместе с образцами культуры и социального устройства. Могущественная в XVI веке Испания Карла V постепенно превратилась во второразрядную державу и только теперь, в наши дни, догоняет передовую Европу.

«Современность» к тому же весьма противоречива. Отсталая *полуфеодалная Германия так и не состоялась по сей день* как унитарное государство, подобное соседним Франции или Англии, зато после второй мировой войны она обрела наиболее развитую форму государственного федеративного устройства².

В XVIII—XIX веках та же Германия служила Европе и остальному миру школой философии, естествознания и искусства (Германия того времени — родина нового культурного направления — романтизма), но свою промышленную и военную мощь она ковала в конце XIX — начале XX веков, заимствуя инженерно-технические достижения более развитых стран. И при этом она вышла вперед в соревновательном движении, став родиной автомобиля и звукозаписи — двух великих технических и культурных революций современной цивилизации. В XX веке она же стала лидером военного производства: первые крылатые ракеты, реактивные самолеты и пр. Зато теперь она далеко отстала от США, Японии и других стран в области тонких и высоких (компьютерных) технологий. Модернизация идет по принципу stop and go — стоп и вперед.

Расеем таким образом одно весьма распространенное заблуждение: стыдливое отношение к «догоняющему развитию». В конце концов, в истории все всегда кого-то в чем-то догоняют. Тому свидетельство — история США в XIX веке. Молодое государство усиленно догоняло Европу. Все в нем было привозным — техника, наука, политический опыт (не стоит забывать, что американский демократический конституционализм был списан у европейских теоретиков). Еще разительнее в этом отношении пример послевоенной Японии и ее стремительной модернизации, и модернизационный опыт многих малых стран Азии — Южной Кореи, Тайваня, Гонконга и пр.

Модернизация — отнюдь не фатальный процесс погони за идущими впереди. Догоняющее развитие, как мы только что видели, может сменяться обгоняющим развитием, хотя, естественно, такое развитие — прерогатива цивилизационного авангарда. Его существование — историческая необходимость. Однако и в догоняющем развитии — это необходимость и неизбежность самого императивного характера. В самом подобном развитии нет ничего предосудительного или унижительного, оно, напротив, выгодно, как велосипедная гонка за лидером, который рассекает воздух. Мы еще вернемся к обсуждению этого маневра. Сейчас же отметим, что действительно предосудительно: стыдливое отношение к необходимости осовременивания, обновления, которое, несомненно, пагубнее самого отставания. Оно свидетельствует о дефиците самопонимания.

Догоняющее развитие — обычный процесс и внутри отдельных стран, когда какая-либо среда жизни общества «подтягивается» до уровня более развитых сфер, осовременивается (вспом-

ним, например, лозунги первых советских пятилеток: «техника решает все», затем «кадры, овладевшие техникой, решают все»). Так же и обгоняющее развитие обычно внутри страны: это политика государственных и общественных приоритетов, как, например, приоритет промышленности средств производства по отношению к средствам потребления. Оба процесса — весьма важные аспекты внутренней модернизационной политики.

Постоянное «осовременивание» — объективный цивилизационный процесс, что, естественно, предполагает и различные формы противодействия: непонимание, косность, традиционализм, консерватизм, предрассудки, медлительность и прямое мракобесие и борьбу с этими видами сопротивления и с их последствиями: отставанием, усилением внешней зависимости, застоём и кризисами. По этим, а также многим другим причинам модернизация обычно частична и неравномерна: обновляются отдельные социальные и политические институты, отрасли промышленности и предприятия, товары, задачи и идеологии, общественные настроения и т.д.

Социальная эффективность фрагментарной модернизации весьма ограничена. Она медлительна и постоянно оставляет нетронутым островки отсталости и противодействия (прогрессивное меньшинство и консервативное большинство, передовая техника и плохая подготовка специалистов, хорошо обученные профессионалы и отсутствие техники, яркие идеи и важные открытия и невозможность их реализовать и т.д.). В подобной ситуации особенно важна регулятивная роль какой-либо внешней инстанции, способной направить частичный модернизационный процесс и сделать его более точным и последовательным. Таких инстанций две: общество и государство, если мы согласимся, что, составляя единое целое, они все-таки разделены и способны развиваться разными темпами и даже в разных направлениях и с не совпадающими результатами.

Европейское общество, начиная с романо-средневекового периода, естественно, развивалось и модернизировалось, условно говоря, осваивая новые возможности, средства и формы существования несколькими видами средневековой и раннебуржуазной «модерности» (по выражению Лео Штрауса), перехода от руин римской имперской цивилизации и своеволия воинственных кочевых германских племен к феодальной, а затем и к буржуазной политической, экономической и культурной организации. В этом процессе была весьма жива (по крайней мере до XIII в.) демократическая кон-

цепция правового и политического суверенитета народа (от Комментариев к Кодексу Юстиниана 529 г., Ульпина и др. до Фомы Аквинского и Марсилия Падуанского): власть и право принадлежат народу и лишь временно и при условии соблюдения закона доверяются правителю. Одновременно в политической практике формировалось (с VI–VII вв.) и крепло демократическое городское коммунальное самоуправление (начиная с феодальных коммун, феодально-буржуазных, затем буржуазных и народных). Параллельно, хотя и в более поздние эпохи, формировался парламентаризм, вначале в рамках регионального самоуправления, затем и центральный. Весь этот каскад «модерности», казалось бы, подталкивал государство двигаться в том же направлении прогрессивной модернизации.

Государство, конечно, изменялось вместе с обществом и под его воздействием, оно тоже модернизировалось, но совсем иным путем. В XIII–XVI вв. в Европе (включая и Россию) сложилось государство Нового времени, в котором прежние связи личной, кровнородственной преданности (*affectio*) сменились служением долгу (*officium*), т.е. государству, а не правителю, сформировался бюрократический аппарат управления, возникли регулярные армии и структуры права, сыска, финансовые учреждения.

Что же касается идеологии нового государства, то ее модернизация политической технологии не коснулась. Централизованное государство опиралось на крестьянские массы, «народ», о суверенитете которого уже не было речи, и сотрудничая одновременно с городом, и используя его.

Модернизация государства, связанная с централизацией и концентрацией власти, привела к возникновению абсолютизма и к апологии королевского суверенитета. Н.Макиавелли запечатлел новую ситуацию — разновременную и нравственную модернизацию общества и государства, сочетание сильного модернизированного государства, отказавшегося от сентиментальных религиозных и моральных связей, всесильно управляющего безропотным обществом, которое еще не пробудилось и ждет осовременивания.

В этой асимметрии государство может господствовать, ничего не изменяя в обществе (французский абсолютизм, русское самодержавие), но может и стать агентом его модернизации. Именно на государство полагался абсолютист Т.Гоббс как на силу, способную обеспечить формирование гражданского общества, т.е. полного обновления общественных отношений и

человеческого измерения политики. Решительную модернизационную ломку российского застоя предпринял Петр I. Бисмарк, создавая во второй половине XIX в. унитарное германское государство (II Рейх), осуществил не только промышленную, но и социальную модернизацию. Наконец (не рассчитывая исчерпать подобные примеры), напомним самую решительную модернизацию, «сверху», осуществленную советским государством в 20–60-е годы.

Другой вариант развития возникает, если государство не модернизируется само и избегает модернизации общества либо тормозит его модернизацию и препятствует ей. Тогда наступают эпохи кризисов, революций, борьбы с консерватизмом и реакцией, которые модернизируют и государство, и общество. Модернизационный процесс они и подталкивают, и сдерживают. Подлинно эффективная модернизация реальна при совместном, одновременном, согласованном участии государства и общества в модернизацию страны. Модернизация — системный процесс, который тормозится или прекращается, если одна из структур этой системы или хотя бы ее часть (часть общества, государственных учреждений) выпадает из него. Модернизационные программы развития, которые разрабатывались коллективами исследователей и ученых в рамках программы развития ООН в послевоенные годы для слаборазвитых стран (Латинской Америки и других частей мира), предусматривали целостный процесс, в котором находили себе место и государственное управление, и деятельность предпринимателей, и национальные интересы, и особенности культуры страны, и идеология развития, которую государство стремилось привить обществу.

Вместе с тем в совместном модернизационном процессе функции государства и общества не однозначны. Небольшой экскурс в историю современной модернизации позволяет говорить об определенном разделении труда в модернизационном процессе. Общество, в которое, естественно, входит и политический класс, непосредственно причастный власти, политике и управлению, порождает настроение, духовный подъем, вдохновение и осознанное желание перемен³.

Существуют, однако, специфические задачи модернизации, которые выполняются силами государства, кроме его обычных функций: выбор стратегии развития, его парадигмы. Речь идет о совокупности всех видов материальной и духовной деятельности и о ее основной, осевой линии, способной направить разви-

тие. Правильный или ошибочный выбор такой осевой линии может определить судьбу всей модернизации на длительное время. Так выбор приоритетного развития средств производства, тяжелой промышленности в СССР в 30–50-е годы был верным *первым* шагом модернизации. Вокруг металлургии и тяжелого машиностроения развивались другие отрасли промышленности и многие науки. Но выбор производства вооружения в последующие годы не был в принципе модернизационным и сорвал незавершенную научно-техническую, промышленную и социальную модернизацию. В качестве второго шага модернизации милитаризация оказалась губительной. Она (*милитаризация*) сорвала процесс модернизации и стала одной из причин идеологического, политического, экономического, социального и морального кризиса общества и государства.

Отмечу здесь, что осевой линией модернизации развитых стран на протяжении последних двух столетий было и осталось развитие коммуникаций, связывающих людей, центры сырья и производства, культуры, проводники энергии всех видов, вокруг которых концентрировалась наука, производство, политика и культура. Новая цивилизация складывалась как коммуникативный процесс: от парусного флота к паровому, далее к железным дорогам, автомобилю, строительству шоссе, авиации, электрификации железнодорожного транспорта, ко все новым средствам электрической связи — телеграфу, телефону, радио, телевидению, компьютерной технике (электронная почта, сеть интернет), к передаче энергии на расстояния по проводам, по нефте- и газопроводам. Осмелюсь высказать предположение, что возобновление модернизации России должно было пойти по тому же пути и прежде начаться с создания современной информационной сети — нервной системы страны, а также современной сети шоссе, новой транспортной техники, прежде всего автомобильной, которая мобилизует большинство основных отраслей промышленности (металлургическую, нефтехимическую, производство синтетических материалов и т.д.). Напомню, что именно этим путем США, Европа пришли к расцвету, а за ними и Япония.

Универсализация общения мобилизует его материальные и социальные средства, его политическую и общественную энергетику, стимулирует пространственную и профессиональную мобильность населения, политическую и экономическую активность общества. Возможность общения и передвижения, как все

мы хорошо знаем, — показатель общественного развития страны, уровня и качества жизни ее граждан, а значит, и одна из важных предпосылок демократической социальной, политической и культурной организации общества. Не трудно убедиться, что движущим механизмом такой всеохватывающей организации является государство. Оно тем самым выступает в качестве функционального начала модернизации.

Модернизационный опыт коммуникативного развития следует, вне всякого сомнения, использовать и в России, как это было сделано в конце XIX — начале XX веков — в эпоху бурного железнодорожного строительства.

К модернизации России нам еще предстоит вернуться, но прежде обратимся к краткой истории самого понятия «модернизация», которая была задумана после второй мировой войны неолиберальными идеалистами, стремившимися переосознать и объединить мир, затем поддержана трезвыми прагматиками, понимавшими опасность неравномерного мира, состоящего из богатого развитого Севера (или Запада) и неразвитого, отсталого и бедного Юга (Востока), и, наконец, осуществлена *специалистами* ООН и самими поднявшимися до идеи модернизации странами.

Современная модернизация, как мы знаем, это почти полвека исследований и конкретной преобразовательной практики. Обстоятельства требуют внимательнее, чем когда-либо прежде, отнестись к теории и реализации модернизационного процесса и уточнить некоторые его принципиальные аспекты: одни из них еще не исследованы, другие мало известны.

Нет, видимо, оснований сомневаться в том, что проблема модернизации — это одна из проблем общественного развития, а сама теория модернизации — одна из теорий общественного развития, целая система *которых* была разработана во второй половине XX в. Это известные теории или концепции индустриального и постиндустриального общества, прогностические (или, как их очень удачно называют, футурологические) концепции глобальной экологии, новой цивилизации, новых посткапиталистических и постсоциалистических обществ будущего. О них не так уж много писали и не всегда квалифицированно, зато почти всегда недоброжелательно или же просто их отвергали, потом, совсем напрасно, о них забыли, хотя именно сейчас о них самое время вспомнить⁴.

Между тем все они при вполне естественных апологетических тенденциях (кто, кстати говоря, у нас в среде социальных теоретиков и философов не был апологетом?) наполнены не-

сомненным антикризисным и конструктивным содержанием. Несомненно и то, что разработанная в теориях развития проблематика экономического, социального, культурного, технологического роста, социального изменения, революции производственных сил, прогресса, стала теоретической основой новой, современной и массовой идеологии развития, культурным явлением, сравнимым по масштабам и результатам с этикой развития, о которой писал в свое время М.Вебер. Вместе с целой гаммой посткейсианских экономических учений, социологических и политических исследований и теорий, совместно также с интенсивными изысканиями в области философии права, политики, власти, культуры, социальной философии и другими направлениями общественности эти концепции развития образовали обширное исследовательское поле, на котором отрабатывалась конкретная антикризисная практика нескольких послевоенных десятилетий. Был готов, короче говоря, огромный арсенал интеллектуальных и практических средств, позволяющих организовать современный выход из кризиса (грозящего или уже состоявшегося). Достаточно, видимо, напомнить в этой связи о теории и реальных успехах демократического процесса, об успешном, в целом, опыте централизации и децентрализации власти, сбалансирования государственного вмешательства в экономику и ответной дезэтизации, о продвижении на пути к созданию гражданского общества, правового и так называемого социального государства и т.д. Если бы у нас весь этот творческий и созидательный арсенал был хотя бы частично использован так, как на Западе, который с его помощью ушел от кризиса настоящего исторического масштаба (хотя, конечно, и не избавился от всяческих кризисов — это вообще невозможно), то облик страны мог бы неузнаваемо измениться к лучшему без потрясений нашего времени.

Упустив эту возможность и вступив в конце концов в полосу кризиса, наша страна была вынуждена перейти на ступень ниже и остановилась теперь уже не перед проблемами модернизации развитого мира, проблемами индустриализма и постиндустриализма, а перед задачами почти начального этапа обновления и осовременивания. Возникает к тому же или может возникнуть вопрос, как нам следует относиться к модернизации. Теперь нам недостает упустить и этот модернизационный шанс, наталкиваясь на идеологические, политические и культурные пороги, чтобы окончательно зайти в тупик. Постаремся же ра-

зобратъся в некоторых принципиальных аспектах теорий модернизации, а затем и в особенностях восприятия модернизационной идеи у нас, включая и определение роли государства в модернизационном процессе.

Каковы бы ни были идеологические и политические цели и формы такого развития, определяющие государственное устройство бывших зависимых или полузависимых стран, их политический и общественный строй, идеи модернизации объективно ориентированы несколькими императивами.

Для развитых стран модернизация — соревновательный процесс, в котором, как уже отмечалось, обновляются и осовремениваются отдельные сферы жизни общества, отрасли производства, методы управления, сферы и уклады культуры и быта — догоняющее и обгоняющее развитие в этом процессе чередуются.

Для отставших по тем или иным причинам стран необходима тотальная модернизация, охватывающая все стороны жизни. Для таких стран это особенно сложная проблема — цивилизационный сдвиг, требующий полной мобилизации общества и немало времени. Решение столь сложной задачи и стало поэтому интернациональной проблемой.

В организации мира после второй мировой войны произошел ряд радикальных изменений, вызванных деколонизацией, отмиранием имперской политической архаики, заменой захвата территории и порабощений народов новой стратегией обмена ресурсами, международного разделения и кооперации труда, интернационализации техники и знания, новых форм жизни и культуры, новых международных отношений равноправных (по крайней мере формально) государств, но при сохранении или прежнего, или возникновении нового неравенства между ними. Если до второй мировой войны стабильность мира нарушалась борьбой империй за его передел, то в постколониальном мире стабильности мировой системы стала угрожать именно консервация неравенства, причем угроза эта имела или могла получить не столько экономическую и политическую, сколько идеологическую и культурную подоплеку⁵. Так или иначе это неравенство постоянно могло перерасти в соперничество и борьбу, которая началась сразу после деколонизации, но не между освободившимися народами и их бывшими метрополиями (исключениями были попытки части имперских центров удержать владения), а внутри пресловутого третьего мира. За деколонизацией, как хорошо известно, и в самом деле последовали

сотни межгосударственных и внутригосударственных этнических, племенных и прочих войн и вооруженных конфликтов. На этом конфликтном фоне назревал великий раскол мира, точнее даже углубление уже возникшего раскола на развитый и богатый Север и бедный, слабо развитый Юг (которым занималась в 70-е годы Комиссия В.Брандта), либо деление мира по тому же признаку на Запад и Восток, куда рисковал попасть по ряду признаков и бывший Советский Союз. Нынешняя ситуация на его территории к тому же весьма напоминает мир после войны 1939—45 гг.

Разрыв между развитым и слабо развитым мирами стал на самом деле еще более глубоким, чем одно время казалось: западные страны вступали (теперь уже вступили) в новую фазу исторического развития — фазу перехода от индустриального к постиндустриальному обществу (какими бы условными мы не считали эти понятия); другая часть мира оставалась, а в значительной мере и остается, на стадии доиндустриального, докапиталистического и даже дофеодального развития. В одной части мира стремительно развивалась наука, генерировалась новая техника, формировалась новая творческая, созидаящая цивилизация, другая, значительно большая, коснела в тенетах вековой и даже тысячелетней отсталости, в плену террористических режимов, внутренних и внешних конфликтов и древнейших предрассудков. Вскоре после войны достигло угрожающих масштабов новое явление — глобальные процессы и проблемы, проблемы необходимого развития и его торможения, если не вообще прекращения — уничтожения природы, истощения ее ресурсов, ракетно-ядерной милитаризации, холодной войны и многое другое. Одни из них охватили третий мир, и возникли в нем эндемический голод, хронические инфекции, а теперь и новейший «подарок» природы СПИД, массовая неграмотность и проч., другие катастрофы (загрязнение среды обитания, в т.ч. ядерного) стали угрожать развитой части мира. Однако быстро выяснилось, что решение планетарных проблем возможно только в масштабах планеты, только совместными усилиями, а значит, партнерами, которые хоть в какой-то мере сближаются в понимании проблем, разделяют общие идеи, готовы и могут сотрудничать. Этот естественный и хорошо известный вывод нам нужен для другого вывода, не менее естественного, но менее известного, а для многих в силу укоренившейся подозрительности и спорного: развитие слаборазвитых стран, т.е. их модернизация,

составляют предмет общих интересов, включая интересы самых развитых частей мира, даже если их невольный альтруизм и продиктован прагматическими соображениями. Такова объективная необходимость выравнивания мира и решения общих задач его надежной стабилизации.

Если принять во внимание, что концепция модернизации разрабатывалась неолиберальными теоретиками, такими, как И.Л.Горовиц⁶, С.П.Хантингтон⁷, К.Фуртадо⁸, Д.Лернер⁹, Р.Редфилд¹⁰, Б.Хозелиц и У.Е.Мур¹¹, М.Дж.Леви мл.¹², С.Айзенштадт¹³ и другими авторами той же ориентации, то станут яснее и пресловутые субъективные мотивы модернизационной деятельности. Для них речь шла, по существу, о цивилизационном процессе гоббсианского типа, о переходе от более примитивных, менее организованных форм общества или сообщества людей, менее развитой культуры к ее более совершенным формам, от биологических атавизмов к социальной и политической организации современного типа. Неуютное соседство нищеты и благосостояния, раздоров и порядка, резкий дисбаланс мировой системы никого не привлекали. Они сулили уже в середине века новые и весьма серьезные осложнения¹⁴. Чтобы их предупредить, требовался цивилизованный сдвиг, нужна была интернационализация того типа развития, выработанного новыми обществами с тем, чтобы вместе они могли образовать новое мировое сообщество.

Напомню, что такое понимание обновления в процессе развития возникло еще в прошлом веке. Ф.Тённис уже тогда истолковывал этот процесс как переход от «сообщества» к обществу (т.е. от архаической, «природной» формы совместной жизни людей к обществу, или от «народного» — к договорному обществу)¹⁵. Позже появляется идея перехода от традиционного (патриархального, сельского) общества к городскому с новым стилем жизни, новыми ценностями, новой рациональностью, с доминирующим влиянием образования и техники¹⁶. Его направляющей роли и неолиберальная, и неоконсервативная мысль отводили важнейшее место. «Невидимую руку» рынка сменила видимая рука власти. Управляемое развитие ассоциируется неолиберальной модернизационной идеологией с универсальностью поступательного исторического движения мирового сообщества. «Все идут в одном направлении, несмотря на различие темпов, рубежей и препятствий», — писал У.Мур, — модернизация — это рационализация общественной организации и социальной активности. Такой рациональный процесс ведет к сбли-

жению уровней развития. Модернизация поэтому — путь к конвергенции стран с различной исторической судьбой в едином мировом сообществе»¹⁷. В действительности ход истории не столь рационален.

История России советского периода (и, естественно, Советского Союза) была в сущности опытом социалистической модернизации и складывалась из общеисторических процессов, о которых шла речь. И поскольку стоит вопрос, как надо полагать, о возобновлении российской модернизации на новых началах, о ее возможности и условиях, продолжим краткий анализ характеристик уже опробованной в мире теории обновления.

Технико-экономическая модификация развивающегося общества естественно и закономерно признавалась основой модернизации¹⁸, но не единственной. Экономическая и сопутствующая ей социальная перестройка общества предварялись теоретиками модернизации ее решающими культурными предпосылками: наличием у социальных групп, классов и лидеров развивающегося общества «факторов подъема», импульсов к реформе¹⁹. Уже ранние теоретики модернизации относили к ее исходным факторам общественные и групповые настроения, политические и идеологические взгляды, культурные и иные ценности, т.е. изменения самого человека, «модернизацию личности»²⁰: теория модернизации имела отчетливый антропологический смысл, сформулированный впоследствии в известной книге А.Печчеи «Человеческое качество»²¹.

Идея модернизации эволютивна и намеренно нейтральна политически. Она не предполагает никаких принудительных и тем более насильственных действий, а значит, и не может никого отпугивать. «Модернизация, — утверждает И.Горовиц, — может быть определена как путь изменения без разрушительного потенциала революций»²². Интернациональный процесс модернизации мыслится также не как экспансия более развитых общественных форм и тем более не как их конфликт с менее развитыми. Это органический процесс выравнивания неравномерно развивающегося мира и реорганизации прежней мировой системы в новый, более однородный и по возможности более справедливый *мировой порядок* — не только экономический, но и политический, и культурный, и моральный. Создание такого порядка оказывается также одной из глобальных проблем, как и сама модернизация: проблема системной организации мира. Само же понятие модернизации обобщается, поэтому в представле-

ние об общем обновлении мира включаются и развивающиеся, и развитые страны, которые тоже развиваются. Движущее начало процесса обновления и его критерий — инновация, экономические, технические, социальные, культурные нововведения. Они стимулируют и все виды социального и духовного изменения²³. Естественно, возникал вопрос об источнике инноваций, их образцах.

Следует еще раз оттенить различие двух взаимосвязанных процессов, о которых идет речь. Оно имеет не только теоретическое, но и весьма практическое значение. Развитие включает модернизацию в качестве его начального этапа. Более часто модернизация представляет собой определенную форму развития. В своем наиболее полном виде этот процесс развития включает в себя две составляющие: инвентивный процесс (от лат. *Inventio* — открытие), т.е. процесс открытий и изобретений, и инновативный процесс (от лат. *Innovatio* — нововведение), т.е. процесс внедрения открытий и изобретений. Но процесс модернизации может состоять и из одного из них — в зависимости от характера модернизации как формы развития. В международном разделении труда одни страны берут на себя инвентивную цивилизационную миссию, другие могут заняться внедрением. Это и будет пресловутое «догоняющее» развитие. Существует мнение, что общества разделяются на два типа — инвентивные и инновативные (предложение английского социолога ...*Склэра*). В самом деле, большинство стран отличает этот культурный признак. Преобладают заимствующие внедряющие страны. Для некоторых из них, названных выше, инновативный процесс — временный модернизационный этап догоняющего развития, который сменяется сочетанием с инвентивным процессом. Существует и третий тип обществ, образующих центры цивилизационного развития, которые сочетают оба процесса (речь здесь не идет о странах, которые не знают или не признают ни одного из них, — таких практически почти и не осталось). И наконец, особый удел в этом смысле выпал на долю России. При исключительно высоком инвентивном потенциале (начиная с технических и научных открытий и кончая социальными инновациями) российское государство и общество, не исключая советского периода, роковым образом страдали и страдают от слабого, замедленного внедрения. Отсюда и пассивность инновационных процессов (если не говорить об отдельных, главным образом военных, отраслях производства). Прямая задача государства поэтому и зак-

лючается в устранении административных, бюрократических, финансовых, организационных помех инновациям всех видов, стимулировании инициативы инициаторов. Модернизация успешно осуществляется активным и работоспособным обществом, в котором, как показал опыт новейшей истории, модернизационный активизм превращается в органически усвоенную идеологию развития.

Отсюда и стремление ориентировать развивающиеся страны на образцы, уже полученные развитыми странами, а вместе с тем и включить развивающиеся страны в общий процесс развития, который для третьего мира поневоле означает необходимость так называемого «догоняющего» и «зависимого» развития²⁴. Таким образом, проблема патернализма совсем не столь однозначна, как принято думать, равно как вопрос о восприятии чужого опыта, представлении о нем, как о чужом, но не чуждом, либо наоборот, о смешении этих двух понятий. Оставим при этом в стороне вопрос о плате за отсталость или отставание и о цене развития. К идее его самостоятельности и самобытности мы еще вернемся.

Отмечу другую важную проблему модернизационного развития — его культурные противоречия, подобные тем, которые Д.Белл называл культурными противоречиями капитализма в развитых странах²⁵.

Успех модернизации во многом *кроется* в отказе от всевозможных идеологических шор и мифологии, какой бы она ни была благонамеренной. Не следует забывать о негативной роли некритического самосознания, еще недавно владевшего многими умами и не преодоленного во многом и до сих пор.

Опыт второй половины XX в. показал справедливость основного условия модернизации: социальной, идеологической и культурной мобилизации развивающегося общества. Идея модернизации — это идея не партии, не группы, не лидера, — она должна быть всеобщей, не оставляющей места «брожению умов», которому неизбежно сопутствует не развитие, а инволюция, попятное движение, распад. Такая идея противоположна всему, что разрушает отношения в обществе и отношения общества с его внешним окружением: самоизоляции, ксенофобии, культивированию вражды, подозрительности. Идея модернизации и становится тогда мобилизующей, побуждающей общество развиваться. Тогда модернизация становится фактором культуры и соответственно фактором модернизации. При этом возникает

вопрос, будет ли, сможет ли историческое своеобразие страны, ее культурная, социальная, национальная и прочая самобытность стимулировать обновление или препятствовать ему.

Иными словами, это вопрос, что именно в оригинальности общества может и должно быть трансформировано или использовано в неизменном виде, от какого своего исторического своеобразия общество сможет или захочет отказаться ради инновационного процесса и не может ли быть сформирована новая инновационная самобытность как модус поведения, «способ жизни» развивающегося общества. Между тем идее самобытности нередко придают самый разнообразный смысл, по большей части почерпнутый из мало удачных находок прошлого.

Надо сказать, что и сама идея самобытности отнюдь не самобытна, она составляет монопольное достояние отечественных теоретиков. Самобытны все народы и все по-своему. «Самобытностей» сколько угодно и самых разных. Тут никто не оригинален. Ситуацию проясняет суть или содержание самобытности, отличие созидательной, активной, деятельной самобытности от бессодержательной, наполненной безосновательными претензиями, предрассудками, мифами, мечтательностью и фантазиями. Самобытность может реально проявиться в развитии, перевоплотиться в него, когда она слеплена из прочных материалов: экономического могущества, цивилизованного политического и социального строя, развитой культуры. Такая самобытность освобождает общество от внутренних и внешних конфликтов и для равноправного партнерства с внешним окружением. Иначе говоря, мобилизация какого-либо рода отсталости в интересах развития или хотя бы выхода из кризиса модернизации не послужит.

Чтобы хоть отчасти разобраться в этой проблеме, вспомним некоторые эпизоды российской истории. Послереволюционный период (с 1917—18 гг.) начался с настоящей эпидемии самобытных особенностей, новых, а не наследованных. Все стало особенным, невиданным: директор — красным, офицер — красным, Путиловец (завод) — красным, Пролетарий (тоже завод) — красным, Академия (не путать с платоновской) — коммунистической, реализм — социалистическим, человек — все тем же простым, но советским, диктатура пролетариата — самой демократической в мире, и все общество стало лучшим и ни на что и ни на кого не похожим. Но то были святые надежды на решительное обновление мира, иначе говоря, на его социалистическую модернизацию. Но нехитрыми приемами — добавлением извес-

тных эпитетов к известным словам дело не ограничивалось, дошло и до разработки собственных технических стандартов. Организация экономики, сельского хозяйства, промышленности, финансовой системы, а также политической и идеологической и в самом деле пошла своим невиданным путем. Так что выбор особого пути уже испробован, и хорошо известно, куда и к чему он привел: к необходимости новой реальной модернизации, без идеологических мифов и политических ширм, самообмана и иллюзий.

Между тем закономерная борьба идей в наши дни быстро выродилась в поиски новых мифов, не говоря уже о возрождении старых. Опять в ходу идея особой избранности, а также собственного или «третьего» пути в истории, либо по крайней мере особого пути развития. Но и самые громкие призывы пойти неким своеобразным путем так и не были подкреплены хоть какими бы то ни было здравыми соображениями и конструктивными аргументами. И это понятно: в современном мире никакого «третьего» или исключительного пути попросту нет, и никакие заклинания его не откроют. Советская история России и многих других стран (вот еще что интересно) это убедительно продемонстрировала.

Возникает в этой связи еще один вопрос о самобытности: следует ли защищать ее от модернизации, т.е. от развития, исходя из предположения, что модернизация угрожает самобытности модели культуры отечественного общества, или защищать модернизацию от самобытности, точнее, от ее определенного понимания. Или иначе: может ли самобытность как феномен культуры и сама культура, которая в определенном смысле (как исторически сложившаяся культура народа) тоже самобытна, оказаться препятствием модернизации и, следовательно, неизбежен выбор между этими двумя ценностями, либо они вовсе не альтернативны и могут не только сосуществовать, но и успешно взаимодействовать. Или же в самобытной культуре может быть выделено позитивное содержание (как это произошло во всех действительных развивающихся странах, в том числе восточных, мобилизовавших вековые навыки кропотливого труда и конфуцианской дисциплины) и отсеяно из нее отжившее и ненужное. В этой связи остановлюсь на именно этой стороне культурного развития.

Общественное сознание как важнейший фактор развития во всех его формах, будь то модернизация, догоняющее, зависимое или независимое развитие, — свидетельство ведущей роли

общества во всех этих процессах, которой определяется соответствующая роль государства. Не может быть принудительной модернизации. Опыт нашей истории вполне это доказал. Такая модернизация плохо отражается на обществе и еще хуже заканчивается. Однако речь может и должна идти о руководящей роли государства и о его непосредственном участии в модернизационном процессе. Такой опыт был получен в эпоху послевоенного развития в XX веке. Он заслуживает особого внимания.

Современные государственные центры власти располагают и распоряжаются исключительными по масштабам, физическим объемам материальных ресурсов, которые созданы совместным трудом государства и частных предприятий. Владение — распоряжение растущим научным, технико-производственным, экономическим потенциалом решительно изменит облик макрополитической власти и ее функции. Эта сторона современной политики достаточно известна, но краткий обзор основных явлений, характеризующих развитие функций государственной власти, видимо, будет уместен в политико-философском исследовании. Государственный и частный капитализм имеет дело в развитых странах с колоссальными материальными ценностями, определенными в форме средств производства, и массами людей, занятых в различных видах производства. Валовой национальный продукт, ежегодно создаваемый производительными силами таких стран, может создать представление о масштабе деятельности власти, необходимой для приведения их в действие: для США, например, он исчислялся в 1980 г. 2.518 млрд. дол.²⁶.

Доля государственного сектора общественного производства в воспроизводимом материальном богатстве (сосредоточенном, в частности, в авангардных отраслях производства, таких, как электроника, атомная, космическая техника и т.д.) достигла уже в 50-е годы в США 13%, в ФРГ — 20%, во Франции — 42% и т.д.²⁷

Развитие производительных сил, техники и науки, ее все более полное технологическое использование требует значительного роста затрат, таких инвестиций, которые нередко оказываются посильными лишь крупным монополиям и государству. В условиях роста удельного веса постоянного капитала и снижения нормы прибыли организация производства, а следовательно, и политическая функция воспроизводства производственных отношений, специфической социальности общества становится невозможной без непосредственного участия государства

в общественном производстве, создания и расширения государственного рынка, спрос которого оказывает большое влияние на развитие экономики²⁸.

Особые политические задачи современное государство вынуждено решать в сфере наемного труда²⁹.

Важная сторона деятельности современного государства — ранее небывалый по масштабам контроль кредитно-финансовых операций, регулирование денежного обращения и банковского кредита и т.п. Посредством налогов государство увеличивает обобществление фонда прибавочной стоимости, поскольку изымает возрастающую часть ее в свое распоряжение. Государство следует в области кредитно-финансовой деятельности по пути ее интернационализации.

Важнейшей и притом прямой формой участия государства в развитии производства становится все более широкая экономическая деятельность самого государства.

Расширение государственного сектора экономики — главная форма вмешательства («участия») государства в эту систему. Прошедшая после второй мировой войны полоса национализаций в развитых европейских капиталистических странах явилась выражением именно этого расширения социально-экономической деятельности и политического управления.

Обрисованное выше развитие происходит, как известно, в условиях интенсивного научно- и технико-экономического роста. Его результатом предполагается в разных системах взглядов целая гамма социальных, точнее социально-политических, «революций», трансформирующих капиталистическое общество, превращающих его в *посткапитализм разного рода*, помимо хорошо известного постиндустриального: кооперативное, альтернативное общество, зрелое, великое, рациональное, приемлемое, изобильное и т.п.

Государство участвует не только в материальном, но и в духовном производстве. В развитых странах ему принадлежит значительная часть индустриально организованных лабораторных исследований и конструкторских разработок, в общем, оно так или иначе финансирует научно-исследовательскую работу.

Вмешательство и прямое участие государства вытесняет рыночные механизмы прежде всего в таких областях, как удовлетворение общественной потребности в функционировании и развитии инфраструктур (услуги, транспорт, коммунальное хозяйство и т.п.), образование, финансирование и проведение науч-

ных исследований, охрана окружающей среды, создание всех видов общественных и культурных условий для расширенного воспроизводства.

Государственное регулирование создало новые формы разрешения противоречия между производством и потреблением путем изменения структуры потребления, а не сокращения его объема. Это последнее обстоятельство немаловажно с точки зрения исследованного К.Марксом единства производства и потребления. Регулируя производство, но не направляя соответствующим образом процессы потребления, государственный регуляторный механизм социально-экономического управления не смог бы осуществлять процесс воспроизводства. Отсюда политика доходов, регулирование спроса — лишь первая, значительная по масштабам, но уже ставшая традиционной форма экономической деятельности государства. К числу других, непосредственно связанных с обеспечением функционирования общественного производства средствами государственного управления (и использованием финансов государства), относятся государственные меры, принимаемые для управления трудовыми ресурсами общества для формирования рабочей силы, деятельности в сферах образования, здравоохранения, обслуживания, в области владения и управления, расширения наемного труда³⁰.

Относительно новой функцией регулирования производства государством является долгосрочное программирование и планирование. Государственное планирование развития отражает объективные потребности интенсивного обобществления в рамках отдельных обществ и за их пределами интернационализованного производства. Экономическое планирование и программирование — попытка распространить в масштабах государства, группы государств и планеты опыт управления корпорацией (через масштаб многонациональной монополии) и на основе новых методов сбора данных и их анализа. Новое знание об обществе и природе стимулирует попытку охватить организацией и рационализировать их отношения. Отсюда новые экологические функции государства.

Социальное равновесие призвано обеспечить и экономическое равновесие (идея неоклассической экономики) или, во всяком случае, управляемость экономики, если используются динамические механизмы ее развития (идея неокейнсианства, кембриджской школы экономики и др.).

Характерную для этой концепции развития модель соотношения политики и экономики разработал Т.Хюппе. Опираясь на теорию социального обмена Дж.Хоманса, Т.Хюппе уподобляет рыночные механизмы обмена некоторым элементам политических отношений: цены он рассматривает как нормы, рыночную регуляцию цен, спроса и предложения — как форму социального контроля, распределение прибыли — как распределение власти. Тогда, например, инфляцию можно считать нарушением нормы и т.п.³¹.

Сталкиваясь со всеми этими проблемами, политическая философия обращается к центральной проблеме исконной социально-политической философской традиции — к проблеме общего блага, решение которой признано основной задачей государственной власти. Идеология общего блага как цели государственной политики всегда была двойственной. Она неизменно питала аргументами любое политическое сознание от искренних помыслов торжественных политических деклараций времен Французской революции и Американской войны за независимость, официально политическую фразеологию всех времен и явную демагогию вплоть до ее самых чудовищных извращений фашистского и нацистского типа. В прокламировании целей достижения общего блага состоит «идеологическая политика», которая давно дискредитирована, в связи с чем (в числе других причин) в послевоенные годы в буржуазной политической философии возникло движение против идеологии в политике и вообще против «идеологии». Однако критическое отношение к идеологии общего блага не исключает этой идеи из концептуального аппарата политической философии³², ибо реализация такого блага всегда может рассматриваться как идеальная цель политики, которая закономерно достигается лишь частично и столь же закономерно остается основной и общепризнанной целью политической власти, какой бы скепсис не вызывали декларации этой цели в конкретных проявлениях и в деятельности реальной власти.

Еще два обстоятельства прочно удерживают идею общего блага в политическом языке и в политической философии. Прежде всего, ни один практический политик или теоретик политики не решится провозгласить целью политики нанесение вреда обществу, хотя реально именно таков подлинный результат весьма многих политических процессов. Еще важнее фактическая необходимость решения политической властью многих общезначимых задач: организации жизнедеятельности, совместной жизни различных общественных классов и групп, общественных отношений, внешнеполитических связей, устройство го-

сударственной территории, инфраструктур, общественных служб, администрации, защита от внешних врагов и т.п. Если соответствующая деятельность власти на деле служит интересам лишь части общества, разного рода классов и групп, вплоть до отдельных лиц, действия политической власти тем не менее могут быть представлены как общий интерес. Не случайно в легитимизации власти мотив общего блага всегда играет важную роль вплоть до оправдания, по существу, антиобщественных, классовых политических целей — милитаризма, внешней агрессии, нарушения гражданских свобод и прав и т.п.

Концепция общего блага видоизменяется, и ее содержание весьма многообразно. От «свободы, равенства и братства» она эволюционировала до разного рода конкретных форм, и каждый раз трактуется исследователями, исходя из конкретной исторической ситуации и господствующей идеологии. За последние несколько десятилетий идея общего блага претерпела ряд существенных изменений. Она была предельно развита либеральной социально-политической философской теорией, пережила ее в рамках несомненный кризис и из контекста либерально-реформистской идеологии перешла в неоконсервативные разработки. Любая политическая теория считает своим правом определять, что именно в жизни общества является для него благом.

Наиболее существенные утверждения относительно общего блага как цели и содержания политики можно кратко изложить следующим образом.

Концепция общего блага исторична. Она развивается во времени, и ее формирование определяется уровнем развития самого общества, с чем нельзя не согласиться. Однако критерии зрелости политического сознания, способного осознать идею общего блага, нередко модернизируются в духе стадияльной схематики, разработанной У.Ростоу и вслед за ним теоретиками индустриального и постиндустриального обществ. Так считается, что общества, не прошедшие доиндустриальную стадию модернизации, решают лишь задачу избавления от частных и локальных интересов и целей, формируют вместе с созданием политической общности и общие понятия политического блага. Только тогда, считает Р.Бенжамен, возникает вопрос о всеобщем социальном благоденствии, и он занимает ведущее положение — как задача централизованной политической власти³³.

Неточность этого мнения очевидна, поскольку идея общего блага существует на любой стадии так или иначе сформированного общества. Но она действительно изменяется во времени,

хотя зависит не от автоматизмов перехода общества от одного типа к другому, а от множества политических, социальных, экономических и культурных факторов.

Наиболее созвучна линия развития концепции общего блага идее политического счастья и утилитаристической концепции полезности, которая, в конце концов, переросла в социально-философскую концепцию благоденствия и завершилась комплексной политической и социально-экономической теорией общества всеобщего благоденствия. В рамках этой общей теории были разработаны теории частных и коллективных благ, причем эти последние признаются материальным эффектом, который производит правительство для общества³⁴.

Политическая концепция общего блага дала жизнь целой линии социально-философских и политико-экономических исследований и концепций — маргиналистских теорий экономической полезности, различных теорий экономической политики неокейнсианского направления. Они далеко выходят за пределы политики, хотя все основаны на ее принципиальной установке: создать общество, в котором были бы реализованы экономические интересы его граждан.

Экономические интерпретации концепции общего блага также выходят за пределы политической философии³⁵. Важна, однако, идейная связь философской политической мысли с новыми, порожденными ею отраслями знания и концепциями. К ним принадлежат также и выделившиеся из философии теории равенства, справедливости, свободы и других политических ценностей, которые включены в понимание блага человека и общества. К концепции общего блага примыкает идея оценить в определенных понятиях жизнь человека как ее образ, уровень, качество и т.д. Эволюция этой идеи известна: от количественных материальных оценок к качественным, в которых преобладают социальные, культурные, духовные критерии³⁶.

Государство, таким образом, не только вынуждено ходом общественного процесса брать на себя ранее не свойственные ему функции. Оно оказывается политическим центром, к которому обращены растущие притязания общества, в этой ситуации и формируются цели, средства институциональной власти, осуществляются ее функции. Она определяет отношения государственной макровласти с ее аппаратами, а также пресловутый кризис власти, которым так много занимается современная западная философия.

Примечания

- ¹ Так позитивное развитие управления отнюдь не обязательно связано с ростом аппарата управления, скорее наоборот. Не случайно в начале 70-х годов возникла концепция пределов роста (первый доклад Римскому клубу) и нулевого роста при интенсивном качественном развитии общества.
- ² Возникает вопрос, так ли уж стремился кайзеровский Второй рейх к унитаризму. Не будем забывать, что и во все времена Бисмарка, и уже в Веймарской республике при жесткой централизации до прихода к власти нацистов сохранялись 32 квазигосударственных образования. Эти остатки феодальной мозаики и удалось, как известно, после второй мировой войны преобразовать в Земли — субъекты *федеративного* государства.
- ³ Разумеется, такое идеальное единство в реальном обществе на деле весьма редкое явление. Общество неоднородно и по отношению к модернизации может быть разделено на активных сторонников и участников, на безучастных и на враждебных граждан с соответствующими идеологами и партиями. Успех модернизации зависит от того, насколько умело мобилизуются ее сторонники и нейтрализуются или переубеждаются менее развитые, менее прогрессивные, а может быть, что-то проигрывающие слои.
- ⁴ Сошлюсь на свою работу «Экологическая проблема в современных теориях общественного развития». М., 1982. И она тоже, хотя в несравненно меньшей обычной мере грешит нашей идеологической критикой.
- ⁵ Что и сказалось на выборе социалистической ориентации множеством молодых государств в ранний постколониальный период.
- ⁶ *Horowitz I.L.* Three Worlds of development: The theory and practice of international development. N.Y., 1966.
- ⁷ *Huntington S.P.* Political order in changing societies. New Haven, 1968.
- ⁸ *Furtado C.* Development and underdevelopment. Berkley; Los Angeles, 1964.
- ⁹ *Learner D.* The passing traditional satiety modernises the Middle East. Glnce (III), 1964.
- ¹⁰ *Redfield R.* The primitive world and its transformations. Ithaca (N.Y), 1953.
- ¹¹ *Industrialisation and society* (Ed by Hoselitz B.F. and Moore W.E. The Hague, 1963.
- ¹² *Levy M.JR.* Modernisation and the structure of society: A setting international affairs. Princeton (N.Y.), 1966.
- ¹³ *Eisenstadt S.N.* Modernisation: protest and change. Englewood Cliffs (N.J.), 1966.
- ¹⁴ Как известно, серьезные проблемы возникли и в развитых странах, куда устремились потоки мигрантов, беженцев из неблагополучных стран, группы террористов, потекли наркотики.
- ¹⁵ См.: *Tönnis F.* Gemeinschaft und Gesellschaft. Leipzig, 1935.
- ¹⁶ См. цитируемую работу Б.Хозелица: *Hoselitz B.F.* Main concepts in the analysis of the social implications of technical change||*Industrialisation and society*, op. cit; *Hoselitz B.F.* Sociological aspects of economic growth. — Glnce (III), 1960; *VcClelland D.C.* The achieving society. — Princeton (III), 1961.
- ¹⁷ См.: *Moore W.E.* World modernisation. The limits of convergence. N.Y., 1979.
- ¹⁸ Что, кстати сказать, отвечает марксистской идее «технического базиса» общества и самой марксовой концепции общественных функций экономики.

- ¹⁹ См.: *Horowitz I.L.* The sociology of development and the ideology of sociology // Social growth. Process and implication / Ed. by Hawley A.H. N.Y. etc., 1979.
- ²⁰ Становление самого человека описал, в частности, Айнкельс. Культурный облик такого человека весьма близок к характеристике человека «Активного общества» А.Этциони. Активность, таким образом, синонимична современности. Готового к модернизации человека отличает способность перенимать новый опыт; свобода по отношению к традиционным формам социальной и культурной зависимости; стремление к деятельной политической и ассоциативной жизни (участию в партийных, профессиональных, народных движениях и организациях); стремление бороться с трудностями, преодоление апатии и пассивности; умение организовывать и планировать свою деятельность; интерес к общегражданским и государственным делам (*Inkeles A.* Making men modern // Amer. J. of social., 1969. Vol. 75. № 2. P. 210); *Etzioni A.* The active society; A theory of social and political processes. L., 1968.
- ²¹ *Печеву А.* Человеческое качество. М., 1980.
- ²² *Horowitz I.L.* The sociology of development. P. 281.
- ²³ См., например: *Brown R.D.* Modernisation The transformation of american life. 1600—1865. N.Y. 1976; *Helzler S.* Technological growth and social change. Achieving modernisation. N.Y., 1969.
- ²⁴ Не забудем, что точно такую же ситуацию, если не хуже, создавал для развивающихся стран, ступавших на так называемый социалистический путь развития, их социалистический патронаж.
- ²⁵ *Bell D.* The cultural contradiction of capitalism. N.Y., 1976.
- ²⁶ См.: *Gaddis D.L.* Strategies of containment. A critical appraisal of post-war American national security policy. N.Y., 1982. P. 359.
- ²⁷ Политическая экономия современного монополистического капитализма. Т. 1. С. 371. Расширение государственного сектора экономики — главная форма вмешательства («участия») государства в систему «свободного предпринимательства». Уже в 70-е годы доля государства в национальном богатстве США составляла свыше 20% (из них две пятых приходились на товары военного назначения). Государство занимало 18,4% совокупной рабочей силы. (*Previtt K., Verba S.* Principles of American government. N.Y. etc., 1875. P. 7.) Государству принадлежало свыше 20% инвестиций в структуре капиталовложений. (Economic report of the president, transmitted to the Congress, Feb. 1974, together with Annual report of the Council of economic advisers. Wash.; Gov. Print off., 1974. P. 249.) Удельный вес жалования государственных служащих в общем фонде заработной платы составлял свыше 20% (ib. P. 274). Около 30% всей электроэнергии поступало потребителям с государственных электростанций. Две трети научно-исследовательских и конструкторских работ в США финансировались за счет федерального бюджета (*Hirsch W.L.* The economics of state and local government. N.Y. etc., 1970. P. 8). Развитие государственно-монополистического капитализма в ФРГ сказалось уже к началу 60-х годов. В 1960 г. федеральное правительство владело 40% угольной, горной и сталелитейной промышленности, 62% электротехнической, 72% алюминиевой, 60% кредитных учреждений и полностью центральными банками. (*Lieberman S.* The growth of European mixed economics 1945—1970. A concises study of the economic evolution of six countries. N.Y., etc., 1977. P. 186).

- 28 Значительную часть этого рынка представляют собой заказы на производство вооружения, роль которых в экономике и обществе — это растрата производительных сил.
- 29 «Более двух третей из 10 млн. новых рабочих мест, созданных между 1960 и 1970 гг., возникли благодаря расширению правительственных заказов, половина из них непосредственно оплачивалась из общественной кассы (особенно государственной и местной) и половина — косвенно из частных источников, образованных правительственными заказами». Учитывая расходы населения и его участие в расходах на общественные нужды, следует считать, что «более 100 млн. человек — половина с лишним американского народа ныне зависит в получении своего каждодневного хлеба от средств, пушенных в оборот для общественных нужд» (*Piel G. The acceleration of history. N.Y. 1972. P. 356–357*).
- 30 Расширение наемного труда в процентах от экономически активного населения очевидно из сравнения данных за двадцать лет: в США — в 1950 г. — 70,4%, в 1970 г. — 89,9%, в ФРГ соответственно — 70,8% и 82,8%, в Англии в 1951 г. — 87,8%. В 1970 г. — 90,1%. (Политическая экономия современного монополистического капитализма. Т. 1. С. 211.) В целом в капиталистической Европе уровень наемного труда достиг в 1978 г. 85%. За время с 1960 г. по 1978 г. произошло расширение женского наемного труда с 33% до 37% (*Andre Ch. Capitalisme ... P. 60*).
- 31 *Hippes T. Op. cit. P. 128–160*.
- 32 Идеологичность идеи общего блага как цели политики выявилась в самом отдаленном прошлом, утопический и научный социализм это показали в самые ранние времена ее расцвета. Современные политические философы модернизируют ее. «В начале двадцатого столетия, — пишет Г.Ионеску, — идеологическая политика стала во все большей мере неадекватным средством регулирования совместной жизни людей в индустриальном обществе и оказалась дисфункциональной». См.: *Yonescu G. Politics and pursuit of happiness. An inquiry into involvement of human beings in the politics of industrial society. L., 1984. P. 2–45*.
- 33 См.: *Benjamin R. The limits of politics. Collective goods and the political challenge in post-industrial societies. Chicago, 1980*.
- 34 *Ibid. P. 11*.
- 35 Развитый математический аппарат, которым они оснащены, присущий им концептуальный аппарат весьма специальный, и это делает их отраслью экономической науки.
- 36 См.: *Fromm E. To have or to be? N.Y., 1976; King A. Science, technology and the quality of life — Turbidge Wells: ICR, 1972; Qualite de la vie, vie de la qualite. Toulouse: Privat, 1977 etc.*

Демократическая перспектива этатистской модели государственности в современной России

Эволюция концепций модернизации во второй половине XX века прошла путь от модернизаторского универсализма 60-х годов, рассматривавшего развитие общества как всеобщий процесс, имеющий одни и те же закономерности и этапы для всех стран и народов, до признания торжества процессов «контрмодернизации» и «антимодернизации», которые, по мнению А.Турена, составляют главную тенденцию закончившегося столетия¹.

Методологической основой универсализма был технологический детерминизм, который, как полагали, определял глобальность логики модернизации, отождествляемой для Европы с американизацией, а для остального мира — с вестернизацией. «Индустриализация неизбежна, она стремится ко всеобщности», — писал в конце 60-х годов известный французский социолог Р.Арон².

Теоретики универсалистской модернизации опирались на социологическую теорию Т.Парсонса, определяя этот процесс как историческую эволюцию от традиционных обществ к современности, когда традиционные общества получают ресурсы для того, что Т.Парсонс назвал общим процессом «адаптивного повышения», результатом которого должны были стать экономический взлет индустриализации; демократизация на основе права и секуляризации; сциентистский культурно-образовательный код³.

Однако уже к 70-ым годам XX века дали знать о себе эффекты бумеранга от предлагаемых модернизаторских программ. Поощрение иностранных капиталовложений в развивающиеся

страны, стимулирование в них неравенства в доходах и создание богатого сословия новой местной буржуазии, по замыслу, должны были привести к подъему национальной экономики. Однако вместо ожидаемого эффекта быстрого развития усилились отток капиталов, неконтролируемые эксплуатация и расхищение ценных природных ресурсов, разрушение традиционных отраслей национальной экономики. И все это — на фоне гедонистического образа жизни новых богатых вкупе с ростом нищеты основной массы населения.

«Обратные эффекты» подстегнули кристаллизацию новой модернизационной стратегии. Центральной проблемой преобразуемых стран были признаны ускорение процесса формирования человеческого капитала, наращивание вложений в сферу образования. На этом же этапе стала явной и главная их трудность — отсутствие развитого гражданского общества, что в корне подрывало становление ведущего звена модернизационного процесса — политической трансформации общества.

В разных вариантах получила распространение идея о том, что существует устойчивый «код развития», определяющий ход и особенности самого процесса модернизации. В этой связи была позитивно оценена умело вписанная в трансформацию национальная специфичность. Как указывал известный исследователь Ш.Эйзенштадт, модернизация не может полностью «перемолоть» традиционность, которая во многом предопределяет ход и черты самой модернизации, а приверженность общества собственным традициям действует как стабилизирующий фактор, придает модернизации устойчивость и последовательность⁴.

Во второй половине 80-х и начале 90-х годов в зарубежной научной литературе провалы и успешность модернизационных действий стали однозначно связываться с тем, насколько эти процессы смогли или нет вписаться в социокультурные особенности каждой страны. Один из крупнейших аналитиков «модернити» А.Турен в конце 80-х решительно заявил, что судьба мировой цивилизации отныне зависит от того, будет ли найден компромисс между развитием как универсальной целью и культурой как ценностным выбором⁵.

К концу столетия всесторонний анализ конфликтов и разрывов социума, разрушительных для всего процесса модернизации, выявил необходимость поиска основ объединения, консенсуса. Особый интерес вызвало рассмотрение социально-политических механизмов трансформации и прежде всего исследование

значения ключевого института всякой политической системы — государства. Роль последнего в процессе глобального изменения общества была подвергнута радикальной переоценке. Вместо функции «ночного сторожа», предпочтительно лишенного инициативы в ходе преобразовательного процесса, государство стало рассматривать в качестве ведущего агента таких перемен.

Этатистская модернизация

Россия вступила на путь масштабной социальной перестройки в конце 80-х — начале 90-х годов. Ориентируясь, однако, исключительно на универсалистские составляющие модернизации и избрав в качестве идеала США, теоретики преобразований в нашей стране выделили как приоритетные направления политической модернизации минимизацию роли государства, прогрессирующую федерализацию, ликвидацию бюрократической ригидности командно-административной системы правления при опоре на саморазвивающееся гражданское общество.

Однако узы недавней российской истории, отмеченной тотальными запретами на любую гражданскую активность, сильно мешали конституированию полноценного гражданского общества. В то же время необходимо принять во внимание, что по сравнению с развитыми странами, проходившими путь индустриализации в прошлом веке, современный мир оказался в гораздо большей степени зависим от государственного управления. В такой ситуации, замечает А.Турен, возрастает разъединение смысла, функций, задач гражданского общества и государства. Становится неизбежным этатистский вариант модернизации — под нажимом своего государства или чужого. Сегодня, пишет он, «растущее число стран все более ускоренно и энергично вступает в процесс индустриализации. Чем более этот процесс энергичный, тем менее он управляется социальными силами, которые еще и не конституировались, и тем более он, следовательно, управляется государством, национальным или иностранным»⁶.

Современная политическая ситуация в России оставляет в стороне вопрос об иностранном водителе и недвусмысленно отмечает поворот российской властвующей элиты к «опоре на собственные силы». В связи с этим следует более внимательно проанализировать ситуацию приоритетности роли и функции института государства в процессе модернизации. А.Турен

считает, что такого рода трансформации производятся государством постольку, поскольку только в государственной сфере возможна «поддержка идентичности социального целого в его движении от прошлого к будущему». При этом он особо подчеркивает, что природа и смысл гражданского общества совершенно иные. Гражданское общество, которое представляет собой естественное поле множественности мозаичных конфликтов и переговоров, не может выполнять жизненно важную функцию сохранения социально-исторической идентичности⁷.

Однако заключение о необходимости максимизации роли государства в переходный период — это только одна — количественная — сторона проблемы. Существует и другой, более неожиданный аспект, предусматривающий ответ на вопрос: каково должно или может быть само это государство, насколько ему следует или является для него императивным требование отказа от прерогатив «сильного государства» для успешного проведения преобразований?

В самом деле, в перспективе глобалистской ориентации на модернизационный идеал США сильное государство и модернизация виделись как вещи совершенно несовместимые, а скорее взаимоисключающие. Однако опыт развитых стран Запада показывает примеры успешной трансформации и построения современного индустриального общества как в странах традиционно обладающих «сильным» государством (Германия, Франция), так и наследующих исторически «слабое» государство (США, Великобритания).

Более того, исследования западных теоретиков конца столетия свидетельствуют о том, что в такого рода макропроцессе, каким является модернизация, не следует преувеличивать волюнтаристскую составляющую и полагаться на действия акторов на политической сцене. Несмотря на политическую волю, присутствующую во всяком изменении, модернизация носит скорее структурный характер. Можно сказать, что модернизации не делаются, они приходят. Это означает, что они вызваны насущностью изменений, которые объективно созрели внутри старого режима или старой системы. Структурная заданность модернизационного процесса во внутреннем плане предполагает определенную преемственность развития. Если государство при прежнем режиме относилось к разряду «сильного», то после периода революционной ломки и несмотря на революционный волюнтаризм его структура вновь выстроится, сохраняя вышеприведенные характеристики сильного государства⁸.

В подтверждение этого вывода достаточно вспомнить, что США, изначально формировавшиеся как «слабое» государство с характерной парцелляцией и федерализацией власти, были «слабым» государством во времена Дикого Запада и остались им в конце XX столетия. Напротив, централизованная и бюрократизированная Франция эпохи Людовиков сохранила себя как «сильное» государство и после Великой французской революции, о которой А. де Токвилль сказал, что она в конечном счете только лишь усилила государство Старого режима и при генерале де - Голле, и при социалисте Миттеране.

В этом отношении интересно сопоставить две великие революции XVIII века — американскую и французскую, давшие толчок модернизационным сдвигам Старого и Нового света. Обе произошли практически одновременно, но оставили для истории и политологического анализа два, по существу, противоположных «эталона» модернизации, порожденных соответственно двумя совершенно разными условиями и задачами.

В США революция 1775–76-х годов происходила как процесс высвобождения уже полностью сложившегося к тому времени гражданского инициативного и самостоятельного общества от опеки государства, причем чужого — британского. Главной задачей была выработка средств и методов защиты существующего самостоятельного общества от чрезмерного давления государственной власти. Именно для этого была обоснована и создана практическая система сдержек и противовесов, разделение трех ветвей власти.

Исторически французская революция происходила совсем иначе, и задачи были у нее прямо противоположные. Она совершилась в столице и ознаменовала борьбу передового авангарда, составляющего к тому же численное меньшинство общества, с косным большинством. В такой ситуации главной задачей являлись не защита общества от притязаний власти, а стремление ослабить вероятное давление отсталого социума на прогрессивные усилия модернизаторской элиты. Но для этого необходимо было «сильное» государство.

Приведенное сравнение исторических событий, инициирующих модернизаторские образцы современности, позволяет охарактеризовать процессы, происходившие в США после революции XVIII века, как модель органической модернизации, которая, собственно, и не осознавалась как таковая. Несмотря на революционные эпизоды, социально-политические процессы

представляли собой развитие, плавную естественную эволюцию, освобождающую силы общества. Другое дело — Франция. Именно французская революция стала прообразом императивной, происходившей под внешним давлением, насильственной трансформации общества (хотя и созревшей в системном плане) — процесса, с которым вполне адекватно ассоциируется современный термин — модернизация.

США как идеальный тип слабого государства

В современных западных исследованиях⁹ различают сильное и слабое государства на основе двух взаимосвязанных критериев: степени их внутренней структурированности и степени их автономии по отношению к окружающей среде, прежде всего к гражданскому обществу. В научной литературе в качестве моделей выделяют два предельно приближающихся к идеальным типам так называемых парадигматических случая — США как максимально соответствующих эталону «слабого» государства и Франции как наиболее адекватного образца «сильного» государства.

Историческое образование американской нации не есть результат деятельности централизующей силы государства; напротив, общественность в них как бы самоорганизуется вне всякого традиционно понимаемого государства. Наиболее знаменитый исследователь американской демократии А. де Токвилль писал, что общество в США действует само по себе и на самого себя безо всякой внешней власти. «Можно сказать, что народ сам управляет страной, ибо права, предоставленные правительству, весьма незначительны и ограничены; правительство постоянно чувствует свою изначальную связь с народом и повинуетя той силе, которая создала его. Народ властвует в мире американской политики, словно Господь Бог во Вселенной. Он — начало и конец всему сущему; все исходит от него и все возвращается к нему»¹⁰.

Гегель объяснял такое относительное отсутствие государства в США простотой и изоляцией рождающегося американского общества. Оно не испытывало внешней угрозы, да и внутренние конфликты быстро рассеивались по мере освоения американцами Запада — наличие свободной для колонизации территории с благоприятными природными условиями делало свое дело. Другим позитивным моментом признается то, что в стране не было

феодалного и абсолютистского прошлого. Американская нация, чтобы консолидироваться, не нуждалась ни в ликвидации сильных феодальных вотчин, ни в борьбе против аристократического господства.

Результатом всего этого стало образование современного слабого государства, главными характеристиками которого является фрагментация и дисперсия власти и авторитета. Внутренняя структура государства отличается огромной степенью децентрализации, которая непосредственно связана с американским политическим федерализмом. Логика принятия решений имеет направленность от локального уровня к уровню штата и только потом уже к центру — Вашингтону. При этом хорошо известна традиция придавать штатам фундаментальные функции правительства. Рассредоточение полномочий присуще и внутренней структуре верховных органов. Для них характерно разделение власти между Конгрессом, президентом и судами, причем в этом разделении Конгресс доминирует над федеральным, т.е. центральным правительством. Как хорошо выразился один исследователь американской политики, само рождающееся американское государство было «государством судов и партий».

Слабое государство характеризуется явлением «бюрократического плюрализма», когда множество политиков и администраторов имеют реальную, обособленную друг от друга область деятельности, набирая чиновников по принципам немеритократическим, таким как политическая, личная или этническая лояльность по отношению к руководству. Отсутствие сотрудничества между политиками и чиновниками затрудняет принятие общих административных решений и их реализацию. Реальную власть получают частные, локальные главы администраций. Именно такова структура власти в США.

Только во времена правления Рузвельта, получившего название правительственной революции, произошло усиление государства, первейшим следствием чего стал рост центральной администрации. Но все же расширение власти и господства американской бюрократии в обществе натолкнулось и продолжает наталкиваться на тот факт, что стратегические посты в аппарате являются, прежде всего, политическими постами и подлежат смене с приходом нового президента. Кроме того, кабинет и бюрократия главы страны находятся в состоянии конкуренции с общей массой чиновничества, не говоря уже о факте существования множества независимых частных административных

агентств. Они к тому же подвержены давлению различных групп общественных интересов, усиливающихся влиянием Конгресса, где эти группы находят поддержку. Таким образом, американское государство остается слишком фрагментированным и слабым, чтобы быть ведущим звеном экономической модернизации в противоположность, например, французскому.

Франция как идеальный тип сильного государства

Идеальным типом сильного государства считают французское. В отличие от США на протяжении всей истории Франции именно оно на всех стадиях развития — абсолютистской, либеральной и социальной — создало общество, причем в процессе преобразований институты больше зависели от государства, чем государство от них. Несмотря на многочисленные режимы, сменяющие друг друга, основа правления оставалась чрезвычайно стабильной, а все социальные трансформации только укрепляли административные функции.

Сильное государство обладает администрацией, соответствующей идеальному типу веберовской бюрократии — специализированной, профессиональной и сплоченной, что непосредственно формирует уровень ее независимости от влияния среды, провоцируя разную степень дирижизм, имеющий целью скоординировать частные интересы. Под сплоченностью сильного государства подразумевается строгая координация проектов и действий как между различными частями общественной администрации, так и между различными уровнями исполнительной власти и различными ветвями власти.

Углубление в историческое прошлое Европы показывает, что большое значение государства в этом регионе в период абсолютизма — явление повсеместное. Абсолютистский режим положил конец фрагментации политической власти, способствовал росту и централизации административных ресурсов. Главным фактором консолидации аппарата в этот период были внешние войны, которые требовали постоянной профессиональной общегосударственной армии. Создание последней вело к монополизации силы государством, которая в дальнейшем использовалась для обеспечения внутренней автономии правящих структур по отношению к гражданскому обществу.

Французская революция, как отмечали многие авторы, акцентировала черты сильного государства, сделала его еще более централизованным, бюрократическим и автономным. По некоторым оценкам численность чиновничества в этот период возросла с 50 тысяч человек до 250 тысяч. В послереволюционную эпоху наиболее заметным деянием Наполеона «стала кристаллизация этой административной машины»¹¹.

Как и другие страны Европы, Франция, пройдя этап капитализации хозяйства, либерализации экономики и политической жизни, вступила в полосу развития, которая именуется «социальным государством». Сама суть этой стадии эволюции во всех странах определила рост влияния Центра и его административного аппарата. Государственная власть в этот период, увеличивая набор своих функций, стала ответственной не только за управление экономикой, выравнивание доходов населения, поддержание убыточных отраслей, развитие планирования, но и взяла на себя заботу о социальном обеспечении и общественной инфраструктуре. Итогом явилось то, что государство превратилось во власть-противовес, которая призвана находить баланс частных притязаний и поддерживать социальный мир.

Во Франции, правда, вторжение государства в общественную жизнь приняло необычные и «крайние» по понятиям капиталистического мира формы национализации и планирования, что было обусловлено экономическим отставанием страны после окончания второй мировой войны и надеждой на государство как на мощного агента модернизации. Распространение принципа национализации было ответом на требование рационализации экономики. Что касается планирования, то первый план 1947 года имел целью восстановление разрушенной войной экономики, а последующие были направлены на реорганизацию самого государственного аппарата.

Концентрации исполнительной власти во Франции благоприятствовала также традиция могущественных министерских кабинетов. Термином «кабинет» обозначают здесь не президентскую команду, а группу экспертов, находящихся в ведении конкретного министра. «Кабинет» представляет собой нечто похожее на штаб-квартиру, где разрабатываются планы воздействия на общество, проводятся исследования, необходимые для принятия решений, и откуда контролируется их выполнение. Гомогенность получения образования членами министерских кабинетов, их внутренняя сплоченность и элитарная дистанциро-

ванность от основной массы политиков и чиновничества делают французское государство более сильным институтом «вторжения» в общество, чем, например, американское. Государство как бы стоит над обществом. Благодаря его относительной изолированности от давлений, идущих снизу, Национальная Ассамблея Франции в период Третьей Республики даже получила название «комнаты без окон». Именно такая изоляция позволила ей достаточно жестко проводить свои решения в жизнь.

По сравнению с США парламент и судебная власть во Франции, напротив, занимают слабые позиции. Эта ситуация подкрепляется специфической элитарной манерой формирования высших эшелонов власти, состоящей из так называемых «Больших корпусов», члены которых составляют до 90% министерского чиновничества. [«Большие корпуса» включают такие институты, как Финансовая инспекция, Государственный совет, Счетная палата]. В результате специфической организации системы образования и отбора кадров малочисленные группы лиц получают монопольное право назначения на ведущие посты в государственных учреждениях. Особую роль в этом играют «Большие школы», Политехническая школа, Национальная школа администрации и др. Для выпускников этих школ резервируются важнейшие руководящие посты. Дипломы других высших учебных заведений практически не дают возможности их обладателям проникнуть в суперэлиту. Своеобразная система отбора позволяет суперэлите устранять конкуренцию, а малочисленность элитарных групп облегчает установление дружеских контактов между их членами. В результате образуется сеть мощных неформальных связей на основе личных знакомств.

В дополнение к сильному государству во Франции отмечают наличие слабого общества, известного своим радикальным индивидуализмом, доходящим до изоляционизма. Как писал Э.Дюркгейм, в историю Франции индивидуализм вошел наряду с этатизмом. В условиях дефицита в гражданском обществе промежуточных ассоциаций и корпоративного начала именно на государство ложилась функция заполнения этой структурной пустоты. Являясь своеобразным и единственным создателем нации, пишет П.Розанвалон, государство во Франции стало «государством-учредителем социального»¹². Итогом явилось глубокое неверие французов в необходимость и обоснованность существования любой организации или собрания индивидов вне и помимо государства. Общественное благо предстало как некая

сакральная сущность, знание о которой возможно исключительно для тех, кто занимает государственные посты и которая ни в коем случае не является результатом переговорного процесса между представителями различных частных интересов.

Следствием такого положения государства в обществе, подкрепленного глубоко укоренившейся в сознании французов руссоистской идеи «общей воли», было формирование менталитета, пронизанного обожествлением государственного начала, которое до сих пор воспринимается общественным мнением как единственный институт, способный действовать во имя общего блага от имени всеобщего интереса.

Капитализированная и принудительная модернизация

Наблюдая разделение стран, идущих в авангарде модернизации, на сильные и слабые государства, западные авторы выделяют три главные линии развития. На основе комбинирования двух видов властных ресурсов — капитала и принуждения — в Европе выделяются соответственно три географических региона по оси Запад—Восток. Считается, что в зоне формирования городов-государств, некогда расположенной в центре Европы, превалировало развитие первого типа — капитализированное; в остальной части Западной Европы был распространен путь капитализированного принуждения, а в Восточной Европе господствовало принуждение¹³.

Россию, таким образом, относят к типичному случаю государства, шедшего по пути модернизации, используя главным образом, ресурсы принуждения, что привело к формированию в ней сильного государства, т.е. того «кода», который наследуется и неизбежно восстанавливается после любых революционных преобразований. Французский исследователь Шарль Тилли рассуждает следующим образом. Логика образования государства в регионе с очень слабой капитализацией вынуждала русских царей как создателей государства строить систему вознаграждения своих подданных (в первую очередь военных и чиновничества) на основе раздачи им земли. Фундаментом модернизации «принудительного» образца являлся, таким образом, феодальный механизм. Однако механизм этот в России отличался от западноевропейского в плане отношений между монархом и его подданными.

В Европе эти отношения изначально были намного менее жесткими, более свободными и равноправными с точки зрения власти, которой обладали король и его вассалы. Между ними существовал определенного рода военно-социальный контракт. Вассалы поддерживали короля идеологически и оказывали ему военную помощь на временной основе, т.е. в период конкретных военных действий. В ответ на это король представлял им в пользование территории — «феоды». Обладание последними при этом не носило характера чистого вознаграждения за заслуги, а выполняло экономическую функцию. Эксплуатация феода позволяла вассалу экипироваться для будущей войны. К тому же вассалы не только использовали свою территорию экономически, они осуществляли над ней независимый, автономный контроль. Следствием этого стало, во-первых, слияние экономической и политической власти на местах, что усиливало позиции регионов (феодов) против центра (короля). Во-вторых, это привело к фрагментации политической власти, так как король вынужден был управлять своей территорией не прямо, а опосредованно — через инстанцию вассалов. Кроме того, сложившаяся таким образом иерархия претерпела дальнейшее дробление, так как крупные вассалы, в свою очередь, имели менее крупных подданных, с которыми строили отношения по образцу своих отношений с монархом. Все это имело перспективу развития в направлении роста автономии, а также политической и экономической самостоятельности населения. Таким образом, уже при феодализме в Западной Европе выстраивается линия социально-политического делегирования власти в обществе. В Англии XI–XIII веков, например, имелось 160 магнатов, которые осуществляли политическую власть на региональном уровне. Кроме того, имелось от 700 до 1300 крупных собственников, которые были подчиненными этих крупных магнатов.

Следствием такой системы социальных отношений явилась слабость центра — короля. Этому благоприятствовало наличие еще одного специфического фактора — образование в Европе транснациональной церкви. Католицизм, а после Реформации протестантизм, помимо общей идеологии имели и общецерковный язык — латынь, который облегчал межнациональное объединение паствы. Наконец, слабая королевская власть на Западе была функцией того, что королевская воля к централизации ограничивалась периодами усиленной военной мобилизации, т.е.

носила временный характер, облегчая в будущем более легкое восприятие населением принципа смены избираемых им правителей — президентов, правительства, депутатского корпуса и т.д.

В Восточной Европе, и в частности в России, система феодалов как таковая не существовала. Вознаграждение землей имело место, но в него вкладывался совсем иной смысл и соответственно отношения между царем и его подданными складывались совершенно по-другому. В России властная вертикаль была более сильной, а парцелляция власти менее заметной. В то же время в военно-социальных отношениях царя и подданных отсутствовала взаимность. Сила и властность были прерогативой монарха. Подданные же были связаны обязанностью безусловного подчинения. После периода жестокой борьбы с боярами русским царям удалось централизовать ресурсы и политическую власть. При этом установилась такая система вознаграждения землей, при которой обладать ею могли только те, кто находился на государственной службе.

Подобная ситуация, увековечивая односторонне зависимое положение аристократии и помещиков от царя и способствуя сосредоточению власти в его руках, была тормозом для распада системы крепостничества. В условиях роста давления на крестьян, в том числе экономического, с целью повышения прибылей от хозяйства и при наличии обширных неосвоенных земельных пространств на востоке и юге России усилилось бегство крестьян на эти территории. Угроза депопуляции центра и севера России подтолкнула государственную администрацию к ужесточению мер по прикреплению крестьян к земле.

Узаконенная в середине XVII века система крепостного права была еще более укреплена Петром Великим в XVIII веке. Кроме того, Петр создал такую иерархию, в которой главным критерием продвижения по служебной лестнице, а значит, основой социального разделения общества, была степень заслуг перед царем. Результатом этих мер стали немислимые для Западной Европы власть и приоритет государства в делах формирования и поддержания социальной стратификации.

Устанавливающаяся таким образом структура социальных отношений снизу доверху базировалась на принуждении. Военные действия по захвату земель, расположенных между тогдашними границами России и Османской империи, способствовали резкому усилению военного аппарата Российского государства, росту и укреплению государственной бюрократии.

Прикрепление Екатериной Второй украинских крестьян к земле дало новый толчок этим процессам. Последнюю точку в оформлении Российского государства как основанного на принудительном принципе поставила война России с наполеоновской Францией, которая еще более консолидировала эти стороны русского государства.

Тесный альянс между военными, аристократией и царем при перманентном ведении крупных военных операций по расширению границ России; очень прочные позиции Православной церкви вкупе с политикой замкнутости и оторванности от остальной Европы (в отличие от транснациональной латыни Западной Европы в России библейские тексты читались на старославянском, очерчивая тем самым границы своего влияния Восточной Европой); малая коммерциализация экономики — все это не способствовало формированию сильной местной и автономной буржуазии, имеющей возможность противостоять могущественному правителю. В итоге образовался монолитный сильный центр, который стал строить свои действия и структуру властвования на основе раздачи привилегий (сначала земель, затем других актуальных в конкретную эпоху преимуществ) элитарной части общества и церкви, всех их при этом обязательно вовлекая в служение государству («царю и отечеству»).

* * *

Учитывая современное сближение конечных пунктов модернизационного развития, западные исследователи настоятельно подчеркивают, что государства все же несут в себе наследие избранного исторического пути и опыта. Логика российских модернизаций, происходивших по образцу правления, власть в котором выстраивалась как «сильная», предопределила и облик позднейшей истории, в том числе советской, когда в результате известных событий 1917 года государство стало еще более централизованным, бюрократическим и автономным, «стоящим над обществом».

К концу XX века в России стала назреть новая модернизационная ситуация. В начале 80-х годов экономическая и духовная деятельность в стране ограничивалась утратившими обоснованность идеологическими догмами. К концу советской эпохи политическая элита, лишившись реальной поддержки народа,

потеряла веру в собственную легитимность. Это и было сигналом к началу нового системного кризиса и необходимости изменений, которые объективно созрели внутри старого режима. Однако реформа сверху не была осуществлена. Началась модернизационная ломка, названная перестройкой.

В соответствии с логикой структурного характера модернизации элита послегорбачевского периода унаследовала черту этой зыбкой легитимности властных структур советского этапа развития. Безволие правящих кругов, шаткость власти («власть валется под ногами» — таков итог размышлений множества статей периодической прессы этого времени) составляли постоянный лейтмотив существования демократического режима в России переходного периода. В этом смысле переходность периода закончилась именно тогда, когда власть перестала ощущать себя нелегитимной. Но это одновременно явилось возобновлением развития России как сильного государства со всеми вытекающими отсюда плюсами и минусами, требующими самостоятельного анализа.

Как показывает новейшая история, для России не были плодотворными попытки федерализации и парцелляции власти, делавшиеся из благих побуждений по хорошо работающему в США образцу. Такая децентрализация создала больше издержек, затормозила развитие, привела к потере исторического и экономического времени и подвинула страну на край пропасти сегодня, когда под угрозой оказалась вся реформа.

Выстраданное историей и, казалось бы, позитивное стремление разрушить ригидность бюрократической машины через ее «дробление» привело к дисфункциональному эффекту плюралистической бюрократии, превратив страну в множество отгороженных друг от друга феодальных уделов, в которых власть «бюрократических князьков» не только не ослабла, но, напротив, консолидировалась, и она, эта власть, стала непреодолимым препятствием для подлинной модернизации. Реформаторская ошибка здесь связана с волюнтаристским стремлением совершить большой скачок из модели сильного государства в слабое, что есть только иллюзия трансформации.

Сохраняя (по крайней мере в переходный период) императивную логику сильного государства, следовало идти по пути наращивания профессионализма административного аппарата, приближающего его к веберовской модели, и постепенной передачи части его функций новому гражданскому обществу по

мере конституирования последнего, а не ограничиться механическим разделом сфер влияния в условиях полного отсутствия гражданского общества. Результатом «скачка» явилось то, что матрица бюрократии осталась прежней и бюрократическое равновесие быстро восстановилось, еще более стянув «бюрократический ошейник», мешающий эффективному развитию.

В целом, принимая во внимание новейшие западные исследования о социальном изменении¹⁴, призывающие к «осторожным», «стратегическим» трансформациям с учетом традиций и отказывающиеся от революционных попыток сломать «генеральный код развития», не следует ставить под сомнение перспективу российского государства как сильного (не в милитаристском, а в структурном смысле слова, о котором говорилось выше). Напротив, нужно использовать потенциал сильного центра для построения демократии и правового гражданского общества.

В то же время необходима переоценка традиционного отношения к государству как части мира священного, отказ от его интерпретации как метаисторической сущности, как государства—Бога. Важно найти оптимальное соотношение между отречением от провиденциально-идеологической функции государства, свойственной правлению тоталитарного типа, и принятием его управленческо-институциональной функции, направляющей модернизационное преобразование общества.

В этом смысле роль государства, действительно, должна измениться и превратиться в то, что западной политологией именуется «скромным государством», государством-посредником. В то же время «скромная» роль государства не означает его пассивности. Для выхода из кризиса следует использовать тот энергетический потенциал, который несет в себе институт государства в России.

Перспектива государственного воздействия на общество может состоять в том, что государство будет акцентировать основополагающие ценности, определяя (но не детерминируя), корректируя (но не диктуя) направление движения, выработывая процедуры сосуществования многообразия, т.е. того, в чем состоит высший и истинный смысл демократии. И именно в таком контексте хорошо актуализируется слово консенсус, предполагающее согласие многих сторон, согласование разных интересов, сочетание многих путей, что весьма важно для современного мозаичного российского идеологического поля. Основой и гарантом этого консенсуса должно быть государство.

Стержневой идеей, на которой должна формироваться новая российская идентичность XXI века, должна стать идея, вдохновлявшая всех реформаторов в нашей стране и одновременно глубоко укорененная в народном сознании — идея Великой России.

В дискуссиях о новой идеологии нередко проскальзывает скепсис относительно уместности разговоров о Великой России как цели. Термин этот называют абстрактным. Однако нам представляется, что для нашей страны это — крайне актуальная формула. Для того, чтобы подняться из пропасти, в которой мы находимся, нужно огромное мобилизационное усилие, но для этого должна быть цель, которая способна вдохновлять, и она должна быть поистине великой. Идеология, которая объединяет и мобилизует нацию на грядущее созидание, не только обязательно увязывает воедино прошлое и настоящее, восстанавливая связь времен, но, что самое существенное, предлагает привлекательный образ будущего.

Если говорить о стимулах к борьбе за выживание или за богатое существование (а именно эти две альтернативы предлагает нам современный российский либерализм), то те, кто ими вдохновлялся, давно уже себя реализовали. Несмотря на это страна по-прежнему продолжает опускаться в пропасть, игнорируя «аттракторы» либеральных ценностей.

Для подъема массы, которой является население, должностующее превратиться в народ, нужны иные цели — духовные, и здесь вполне уместен образ Великой России. Даже в такой стране, как США, известной своим прагматизмом и ориентацией на материальные ценности, преодоление великой депрессии было невозможным без американской национальной идеи — так называемой «американской мечты».

С именем Рузвельта связывают появление среднего класса, считающегося ныне главным фактором стабильного цивилизованного существования. Именно в это время впервые в истории капитализма были созданы социальные программы, ставшие основой «общества всеобщего благоденствия». Однако современные исследователи считают, что Рузвельт ничего не добился бы, если бы не сумел поднять дух нации, вернуть миллионам американцев веру в свои силы, в будущее, вывести их из состояния глубокой подавленности и апатии. В условиях кризиса «государственные институты США постоянно апеллировали к укорененным в массовом сознании ценностям, подчеркивая, что именно они позволят преодолеть существующие трудности. И сос-

тавными элементами этой модели были патриотизм, вера в величие и несокрушимость Америки, идеи о незабываемых идеалах свободы и демократии, а также об определенном и достижимом идеале материального благополучия»¹⁵. Как выразился известный российский ученый А.В.Кива, «Вера», «Надежда», «Солидарность» — вот три слова-понятия, подкрепленные реальными делами по выводу экономики из кризиса и укреплению авторитета страны в глазах мирового сообщества, которые подняли американцев с колен¹⁶. Очевидно, и для России в преодолении кризиса идентичности очень важна именно духовная составляющая предлагаемого нового учения или нового пути движения страны.

То, что идея величия России важная психологическая и стратегическая идея для восстановления страны и ее позиций на международной арене, доказывает специфическое высказывание известного американского политического деятеля, бывшего государственного секретаря США З.Бжезинского. Он заявляет: «Россия сейчас не партнер. Она клиент. Россия — побежденная держава. После семидесяти лет коммунизма она проиграла титаническую борьбу. Не надо подпитывать иллюзию о великодержавности России. Нужно отбить охоту к такому образу мыслей...»¹⁷.

Несмотря на столь «авторитетное» свидетельство, российские исследователи уверены, что оставаться великой державой для России это — прежде всего, геополитическая данность и историческая заданность, это — вопрос существования российского народа как национальной общности. «Страна протяженностью от Балтики до Тихого океана, напичканная богатейшими природными ресурсами, достаточно малонаселенная, не сможет удержаться как единое государство, не будучи великой. Или великая держава — или распад России на ряд русскоговорящих стран»¹⁸, — таково справедливое замечание современных аналитиков.

Можно сколь угодно много иронизировать над «мифом о великой России», но именно эти слова трогают сердце каждого живущего в ней человека. Именно в величии страны для россиян воплощается надежда, вера, цель и смысл всех преобразований. Столыпинские реформы, сталинская мобилизация или рыночная экономика — это были всего лишь различные средства для достижения все той же великой цели, архетипической для народа, живущей в его коллективном бессознательном. И в этом смысле, если говорить о мифе, то следует говорить о «мифе догоняющего развития», а если говорить о реальном стимуле и вдохновляющем идеале — то именно об идее великой России.

Еще одной важной целью развития должно, очевидно, стать верховенство права в социальной и политической жизни страны. Тот кризис, который ныне переживает Россия, не может и не должен пройти для нее бесследно с точки зрения уроков, которые необходимо из этого извлечь. И хотя теперь мы уже не склонны смотреть на нашего главного оппонента — США — как на бесспорный образец для подражания, трезвая оценка некоторых особенностей их бытия нам не помешает. Речь идет о признании того факта, что Конституция Соединенных Штатов, в отличие от Конституций большинства других стран, никогда радикально не пересматривалась и с 1787 года подвергалась лишь незначительным изменениям. Именно это, как считают крупнейшие российские специалисты, «способствовало чрезвычайной устойчивости американской политической системы. После гражданской войны 1861—1865 гг. ни один из острых социальных и политических конфликтов не выходил за рамки правового поля и не решался путем революционного (или контрреволюционного) насилия. Верховенство права предопределило эволюционный, а не революционный путь развития США в XX в. При этом в Америке никогда не возводилась в абсолют традиция, консервирующая изжившие себя идеологические постулаты. Возможность правовым путем реформировать социально-экономические и политические институты обеспечила постоянную трансформацию страны на прагматической основе, без радикальной ломки общественного строя и силового противостояния групповых интересов»¹⁹.

Приходится констатировать, что о постоянстве нашей Конституции следует только сожалеть. И здесь нужно согласиться с многими современными авторами, которые пишут о присущем ей чрезмерно анахроническом фундаментальном индивидуализме, о противоречиях и недостатках, содержащихся во многих ее положениях, которые связаны с непродуманным калькированием конституций других стран, в частности той же американской. В результате многие положения российской Конституции оборачиваются пустыми декларациями о правах.

Радикальный индивидуализм, как замечают некоторые исследователи, заимствованный по стилистике и смыслу из просветительских образцов XVIII века, «выглядит по меньшей мере странно в документе конца XX века, особенно в сопоставлении с основными законами ведущих демократических государств, принятых в нашем столетии»²⁰. Отмечается также, что в россий-

ской Конституции 1993 года нет «тех понятий, которые определяют нравственно-политические параметры современных конституций демократических государств, таких, как «общее благо», «общие задачи», «государственное сообщество» (Основной Закон ФРГ, ст. 14, п. 3; ст. 6, п. 2; глава —а), «солидарность» нации (преамбула конституции 1946 г. Франции, включенная в нынешнюю Конституцию), «общественная польза», «общие интересы» (конституция Италии, ст. 41, 42) и др.»²¹.

Все это подводит к выводу, заключают авторы, о необходимости внесения в российскую Конституцию серьезных поправок, как в ее общеполитической части, так и в статьях, призванных регулировать практику экономических и социальных отношений.

Таким образом, неизменность американской Конституции лишний раз указывает на ее органическое соответствие американским ценностям, на ее укорененность в психическом складе американского народа. Такое слияние гарантирует совершенство ее положений и стабильность существования самой нации. Точно так же именно осознание этого факта означает, что нам не следует дословно копировать систему правового устройства Америки. Воспринять нужно принцип права как главный принцип существования в российском социуме.

Что же касается, например, такого вопроса, как американский федерализм и самостоятельность штатов (которые нам нередко предлагают рассматривать как синоним правового состояния для России), то они оказываются приемлемыми в этой стране потому, что региональный принцип деления там совершенно лишен этнической окраски. У нас же после объявления свободы суверенитетов Б.Ельциным начался процесс, приведший к распаду страны именно потому, что отделение происходило по национальному признаку.

В соответствии с Конституцией США американские штаты не могут выходить из состава федерации, заключать международные договоры и устанавливать таможенные пошлины. Таким образом, региональные интересы, при всей их важности, не способны поколебать легитимность общенациональной власти. При более внимательном рассмотрении с точки зрения права оказывается, что американское деление на штаты близко к нашему административно-территориальному разделению, а американский федерализм несет в себе совершенно иной смысл, чем тот, к которому привели у нас процессы федерализации.

Следует учитывать также, что полиэтничность Америки совсем иного плана, нежели многонациональность России. Эмигрантские волны, которые периодически накатывают на США, — разноплеменные и легко ассимилируются внутри. Если при этом и образуются локальные этнические общности, то все входящие в них помнят о том, что они «пришлые» и что главная их цель — ассимиляция. Единственно, чего они хотят, это — равенства прав и возможностей с уже осевшим, «коренным», натурализованным населением. Но это — совсем другая свобода, нежели суверенитет оседлых, коренных национальностей, которым под видом федерализма внушается идея о том, что они должны освободиться из-под власти имперского центра. В последнем случае происходит подмена реальной основы общности — социально-экономической — ложными идеями об эксплуатации и угнетении.

Возвращаясь к вопросу об объединяющей идее, следует заметить, что решение этнических конфликтов американцы ищут опять же на пути единения своей «супернацией». А потому не удивительно, что вполне либеральный политик, каким был Б.Клинтон, в Послании о положении страны в январе 1998 года подчеркнул необходимость укрепления *единства* Америки и преодоления расовых, этнических и религиозных трений в обществе²².

В России национальный вопрос после развала Советского Союза стал одним из острейших, и решить его по американскому образцу невозможно именно потому, что история образования «супернационального американского котла» совсем другая.

Поскольку в России численность русских составляет 82,5% населения Российской Федерации, то нам не избежать того, что русские останутся основой новой национальной карты страны как единого государства. Однако это вовсе не является угрозой для других национальностей. Обладая такими природными нравственно-психологическими чертами, как уживчивость, доброжелательность, терпимость, русские являются носителями положительной межэтнической комплиментарности и тем самым оказываются призванными быть стержнем российской государственности. К тому же, учитывая тот факт, что не все народы способны к самостоятельному созданию государственности, следует понять ту особую ситуацию, в которой оказывается русский народ.

«Многие малые племена, — пишет И.А.Ильин, — тем только и спаслись в истории, что примыкали к более крупносильным народам, государственным и толерантным. ... Ни история, ни современное правосознание не знает такого правила: «сколько племен, столько государств»²³.

Об органичности слияния русского этноса с входящими в Россию другими народами свидетельствует интересное замечание И.Солоневича. Он писал о том, что особенностью российского государства было то, что все народы, входившие в него, чувствовали себя одинаково удобно и хорошо в случае устойчивого и крепкого состояния государства, и равным образом одинаково неудобно в периоды его разрушения. Именно это и называлось «вселенскостью», универсализмом, космизмом.

Сакральность русской государственности превращала ее в высшую ценность, но никогда не способствовала угнетению и эксплуатации малых народов. В отличие от национальной политики американцев или западных европейцев, уничтожавших завоеванные племена, российский народ сохранил все малые нации, которые в него входили. И если выделялись верхние слои этих народов, то лишь для того, чтобы включить их в верхний аристократический слой наравне с русским. Как показывают исследователи, треть российской аристократии была татарского происхождения; в нее входили также балтийские немцы, грузины, армяне, украинцы, чеченцы и др.

Проблема дуализма, которая существует в России как в Отечестве многих народов в форме взаимоотношения «малого» Отечества (региональной этнической Родины) и «большого» (России), решается не на пути отделения регионов, а через признание и поддержку национальной индивидуальности и всех ее проявлений. И в этом отношении мы согласны с авторами, которые утверждают, что необходимы более гибкие отношения России с населяющими ее народами, потому что «державность в традиционном ее понимании была сопряжена с нивелировкой, стремлением все решать по одному-единственному образцу, с бюрократической централизацией жизни народов. Новая державность, думается, должна быть неотделимой от представления о России как общем Доме свободных народов»²⁴.

Третьим важным направлением развития должно стать признание фактора духовности. Неоспоримостью важности духовных факторов в ближайшем будущем не только для России, но и как общемировых ценностей, подтверждается и размышлением о смысле, сущности и образе грядущего постиндустриального общества крупнейшими исследователями на Западе. Такой известный ученый, как А.Турен, приходит к выводу о смене технократической модели существования человека миром, в котором будут господствовать «культурные модели», ориентируя этот

новый мир главным образом на духовные факторы. В одной из своих последних книг он пишет: «Сегодня осуществляется переход от космоцентрического к антропоцентрическому образу общественной жизни»²⁵. И далее: «Переход к постиндустриальному обществу осуществляется, когда инвестиции производят не материальные блага и даже не «услуги», а блага символические, способные изменить ценности, потребности, представления. Индустриальное общество изменяло средства производства, постиндустриальное изменяет цели производства, т.е. культуру»²⁶. В «торговых обществах», считает он, главный конфликт разворачивался вокруг ценности свободы, которую необходимо было защитить в терминах права. В индустриальном обществе оспаривалась справедливость обладания плодами и результатами труда. В грядущем обществе, которое он обозначает как «программируемое», «центральным пунктом протеста и требований является *счастье*, то есть образ такой организации общественной жизни в целом, который определен в зависимости от потребностей, выраженных самыми разными индивидами и группами»²⁷.

И если, действительно, для того, чтобы не отстать от цивилизованного мира, нам нужно идти быстрее или более короткой дорогой, то надо задуматься о том, чтобы в процессе перестройки и сбрасывания лишнего ненужного груза на этом пути второпях не выбросить то существенно важное, которое у нас имеется в изобилии — духовность. Это — именно та ключевая ценность, которая на самом деле составляет особость российского народа и это именно та ценность, из-за дефицита которой западное общество входит сегодня в один из самых своих острых кризисов. «К настоящему времени, — пишет всемирно известный скандинавский политолог И.Галтунг, — состояние чрезмерной индивидуализации, а с нею оторванности индивида от социума, превращает его в изолированную, обрезающую контакты с внешним миром «монаду». Такого рода изоляция делает бессмысленным само его человеческое существование, ибо реализовать себя полностью индивид может только в гуще социальных взаимодействий»²⁸.

Из сказанного следует, что все, что есть положительного в русском характере, нужно сохранить, ибо это — продукт новой эпохи, которую вызывают сегодня западные общества.

Это — «открытый», душевный стиль коммуникации; возможность глубокого сопереживания с другими и даже «вживание» в других — то, что психологи называют эмпатией (недаром говорят, что русские актеры — самые лучшие в мире).

Русское общение — это также эмоционально окрашенная связь с окружающими людьми, позволяющая снять излишнюю психическую нагрузку теплотой общения и создать неформальное пространство общения. И если правильно понимать проблему, то в этом как раз и содержится импульс к появлению особой общественной структуры, которая позволяет совместить индивидуальное и общественное начало, создать синтез душевного комфорта и свободы действия. А это — как раз то, что ищут западные аналитики. И потому именно отсюда должна взять начало новая российская идентичность. На этом основании должно возникнуть российское гражданское общество иного типа, чем современное кризисное западное. Отрицательными качествами последнего, как известно, считается чрезмерный активизм, формальная светская манера общения и душевные кризисы, которые может разрешить только психоаналитик.

В заключение следует сказать, что, как отмечают исследователи русской государственности, проблема эта оказывается в центре внимания мыслителей именно в переломные эпохи²⁹, причем истоки переоценки государственности имеют три основания. Во-первых, это — ощущение «смутного времени», которое заставляет исследователей быть государственниками-пропагандистами, государственниками-патриотами. Начало такому типу размышлений положил митрополит Илларион в своем философско-публицистическом труде времен Киевской Руси «Слово о законе и благодати».

Второй стимул — осознание практической необходимости радикальной корректировки самой власти для укрепления государственности. Впервые он проявился в учении Ивана Грозного о единении идеалов царя и народа как фундамента государственности и в трудах Ивана Посошкова — апологета абсолютизма.

Наконец, третья ситуация — крах государственности в России. Этим отмечена эпоха начала XX века, когда появляется ощущение близости глобальных геополитических изменений, способных разрушить российскую государственность. В это время создаются аналитические работы Л.А.Тихомирова, К.Леонтьева, И.Ильина.

Сегодня — налицо переплетение всех трех факторов: распад страны, необходимость радикальной, революционной корректировки структуры власти и новый геополитический передел мира в условиях приближающейся экологической катастрофы. А потому ныне происходит новый поворот к возврату в полити-

ческую жизнь ценности государства и выстраивание концепции новой государственности. Такой ход событий совпадает с неизменной исторической задачей, которую во все переломные эпохи жизни страны выполняла российская государственность. Как подтверждают исторические исследования, российская государственность, являясь ответом на вызовы времени, всегда носила характер созидательной и защитительной работы, становясь опорой и стержнем выхода из кризисных ситуаций.

Примечания

- 1 *Touraine A., Hartmann J., Hakiki-Taiahite F.* Quel emploi pour les jeunes? Vers des strategies novatrices. P., 1988. P. 46.
- 2 *Aron R.* Trois essais sur l'age industrielle. P., 1966. P. 93.
- 3 *Alexandes J.C.* Modern, Anti, Post and Neo // *New left review.* L., 1995. № 210. P. 67–68.
- 4 *Eisenstadt S.N.* Tradition change and Modernity. N-Y. 1973. P. 29, 262 ff.
- 5 *Touraine A.* Modernity and Identity // *International Journal of Social Science.* P., 1988. Nov. № 118. P. 451.
- 6 *Турен А.* Возвращение человека действующего. М., 1998. С. 142.
- 7 Там же. С. 142–143.
- 8 *Evans P.B.* et al. *Bringing the State Back.* Cambridge, 1985; *Birnbaum P.* States and Collective Actions: the European Experience. Cambridge, 1988. P. 8; *Kriesi H.* Les democracies occidentales. P., 1994.
- 9 *Badie B., Birnbaum P.* Sociologie de l'Etat., P., Grasset, 1982; *Katzenstein P.* Between Power and Plenty. Foreign Economic Policies advanced Industrial States. Wisc. 1978; *Atkinson M.M., Cobman W.D.* Strong States and Weak States // *British Journal of Political Science*, 1989. Vol. 19. Part 1. Jan. P. 47–67; *Giddens A.* The Nation-State and the Violence, Camb., 1987; *Kriesi H.* Les democracies occidentales. P., 1994.
- 10 *Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М., 1992. С. 63.
- 11 *Kriesi H.* Op.cit. P. 94.
- 12 *Rosanvallon P.* L'Etat en France, de 1789 a nos jours. P., 1990. P. 274.
- 13 *Tilly Ch.* Contrainte et capital dans la formation de l'Europe. P., 1992; *Rokkem S.* Dimensions of State Formation and Nation Building // In: *Formation of National States in Western Europe.* Princeton. 1975. P. 562–600; *Giddens A.* The Nation-State and the Violence. Camb., 1987; *Birnbaum P.* States and Collective Action. Camb., 1988.
- 14 *Crozier M.* On ne change pas la societe par decret. P. 1979.; *Crozier M.* Etat moderne, Etat modeste? Strategie pour un autre changement. P. 1987.; *Турен А.* Возвращение человека действующего М. 1998.
- 15 *Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А.* Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // *Государство и право.* М., 1999. № 3. С. 19.
- 16 *Кива А.В.* Духовность и преодоление кризиса // *Общественные науки и современность.* М., 2001. № 2. С. 22.
- 17 Цит. по: *Вырщиков А.Н., Никонов К.М.* Российская национальная идея. Волгоград, 1998. С. 44.
- 18 *Попов Г.* Зачем России быть великой // *Независимая газета.* М., 2000. 29 марта.
- 19 *Рогов С.М.* Американское государство накануне третьего тысячелетия // США. Экономика. Политика. Идеология. М., 1998. № 11. С. 3–4.
- 20 *Алексеева Т.А., Капустин Б.Г., Пантин И.К.* «Национальная идеология»: иллюзия или непонятая потребность? // *Октябрь.* М., 1997. С. 148.
- 21 Там же.
- 22 См.: *Рогов С.М.* Американское государство накануне третьего тысячелетия // США. Экономика. Политика. Идеология. М., 1998. № 11. С. 7.

- ²³ Цит. по: *Заорская И.Ю.* Государственность в исторической судьбе народов России // *Власть и общество: вектор перемен.* Сб. науч. трудов. Вып. 1. М., 1998. С. 7.
- ²⁴ *Алексеева Т.А., Капустин Б.Г., Пантин И.К.* «Национальная идеология»: иллюзия или непонятая потребность? // *Октябрь.* М., 1997. С. 145.
- ²⁵ *Турен А.* Возвращение человека действующего. М., 1998. С. 19.
- ²⁶ Там же. С. 129.
- ²⁷ Там же. С. 139.
- ²⁸ *Galtung J.* On the Social Costs of Modernization. Social Disintegration, Anomie / Anomie and Social Development. Geneva. 1995. P. 18.
- ²⁹ *Заорская И.Ю.* Государственность в исторической судьбе народов России // *Власть и общество: вектор перемен.* Сб. науч. трудов. Вып.,1. М., 1998. С. 3–13.

Сильное государство как фактор модернизации

Институт государства находится сегодня в центре всеобщего внимания повсюду в мире. Ведущей тенденцией современности стало усиление роли государства и государственного регулирования во всех областях жизни. В опубликованном в 2000 г. докладе МВФ «Обзор мировой экономики»¹ отмечается, что свидетельством значительного усиления государства в индустриальных и развивающихся странах в XX столетии является не только повышение доли государственных расходов и доходов в ВВП, но и возрастающее значение регулирующих мероприятий правительства, прежде всего направленных на преодоление кризисных явлений в экономике. Данное явление обусловлено тем обстоятельством, что государство взяло на себя решение совершенно новых задач, которые ранее находились вне сферы его внимания, — это различные формы социального обеспечения, требующие перераспределения доходов, а также инвестиции в экономическое развитие и организацию образования (особенно высшего). Однако, отмечается в докладе, «степень государственного вмешательства должна отражать национальные традиции и предпочтения: оптимальная степень социального обеспечения и перераспределения доходов определяется в основном морально-этическими факторами и не может устанавливаться исходя из канонов позитивной экономической политики»².

Несколько ранее, в 1997 г., в этом же контексте прозвучало и выступление руководителя другого важного финансового института. Во вступительном слове Президента Всемирного банка Д. Вульфенсона говорилось, что для повышения благосостояния

людям нужно наращивать потенциал государства, определяемый как способность эффективно проводить и пропагандировать коллективные мероприятия. Отмечалось, что «примеры «чуда» экономического роста стран Восточной Азии это свидетельство того, что развитие нуждается в эффективном государстве, играющем роль катализатора и помощника»³.

Большое внимание анализу роли государства в условиях рыночной экономики уделено в ноябре 1999 г. во Франции участниками (более полутора тысяч исследователей, политических и общественных деятелей многих стран) международной конференции на тему «Вступление в новый век»⁴. Лейтмотивом многих выступлений была мысль о том, что «вместо проблемы «больше или меньше государства» следует обсуждать вопрос о «лучшем государстве», т.е. об оптимальном сочетании логики регулирования и логики либерализации»⁵. И в связи с этим подчеркивалось, что «страны, вступившие на путь «дикой» либерализации (в том числе Россия), должны восстановить правила регулирования, особенно движения капитала, и принять меры по борьбе с коррупцией»⁶. В качестве примера приводилась политика короля Марокко Мохамеда IV, который считает базовым принципом организации общества солидарность. На этой основе «король бедных» отказался от иностранной помощи, а в стране стала проводиться политика государственного регулирования экономики, направленная на ограничение неравенства⁷.

Ознакомление с современной западноевропейской литературой позволяет сделать вывод, что большинство исследователей Франции, Италии, Нидерландов и Бельгии, не говоря уже о Швеции и Дании, — стран с сильными социал-демократическими традициями — рассматривают государство как активного «социального организатора», «покровителя» и «регулятора экономики». Эксперты ООН делают однозначный вывод о том, что уровень и качество жизни людей зависит не от «валовых» доходов государства, а от способов распределения национального богатства в интересах большинства населения. Подобные выводы не может проигнорировать ни одно ответственное правительство.

Соответственно приватизация в любой западной стране рассматривается лишь в качестве одного из элементов экономической политики, при этом всегда подразумевается возможность проведения обратного процесса — реприватизации или национализации. Для Запада это обычное явление. Выбор того или иного элемента определяется соображениями повышения эф-

фективности использования государственной собственности в зависимости от складывающихся условий и не более того. Как в западной, так и во всей мировой экономической практике последних двух десятилетий можно найти примеры того, как государства временно приостанавливали ход приватизации, руководствуясь соображениями здравого смысла.

Подобная стратегия активно используется в экономической жизни не только скандинавских или латиноговорящих государств Европы, но и США, и Великобритании, которым свойственна большая приверженность либеральным и нелиберальным подходам к проведению экономической политики, получившим в 80-е годы наименования соответственно «рейгономики» и «тэтчеризма». В реальной действительности даже в этих странах государство никогда не выпускало из своих рук контроля за движением национальной собственности и особенно за источниками ее пополнения. Достаточно вспомнить характеристику, данную известным американским экономистом, лауреатом Нобелевской премии П. Самуэльсоном правительству США как «самому крупному предприятию в мире». А известный американский историк А. Шлезингер прямо называет «мифом» бытующее кое-где мнение о том, что своим развитием Америка обязана неограниченной свободе частного предпринимательства.

Несмотря на приверженность либеральной риторике политического дискурса о государстве в большинстве западных стран, и особенно в США, реальность политического действия в них исторически значительно отклоняется от теорий «минимального государства» и «невидимой руки» самоорганизующегося экономического и политического пространства. Современная динамика политических процессов не только не умаляет, но, напротив, подчеркивает усиление значения государства в обществе. В доказательство приводятся статистические данные о росте доли государственных расходов в национальном доходе, о контроле государства над экономикой, об увеличении числа общественных организаций, численности государственных служащих и т.п. Самым знаменательным среди выводов из этих данных является заключение о том, что все эти явления получили широкое распространение даже такой «антиэтатистской» (в политической риторике) стране, как США. Так государственные расходы при администрации Р. Рейгана за период 1981–83 гг. выросли в процентном отношении к национальному доходу с 27,8% до 31,6%.

В Великобритании при правительстве М.Тэтчер, избрание которой происходило под эгидой программы «уменьшения» государства, суммы государственных расходов в национальном доходе выросли с 39% в 1979–80 гг. до 43,5% в 1981–82 годах⁸. В результате десятилетней жестокой борьбы за сокращение бюджетных статей и численности работников госсектора доля государственных расходов к величине ВВП, по данным МВФ, сократилась лишь на однопроцентный пункт — до 42% ВВП.

А как обстоит дело с государственным финансированием экономики (в частности, социальной сферы) на Западе в последние годы? По имеющимся в литературе данным в 1966 г. доля государственных расходов в ВВП составляла: в США — 33,1%, в Японии — 36,7%, в Великобритании — 42,9%, в Германии — 48,5%, в Италии — 51,3%, во Франции — 54,2%, в Швеции — 66,6%⁹. Именно в трех последних, а также в Канаде отмечаются самые высокие уровень и качество жизни населения.

Процессы глобальных преобразований как в сфере экономики, так и в сфере международных отношений, экологические угрозы, крайне тревожная финансовая ситуация свидетельствуют о том, что пришло время реабилитировать государство как таковое, заставляют вновь искать ответы на вопросы о роли государства, его соотношении с такими макроструктурами, как гражданское общество, рынок.

В связи с этим актуализируется вопрос об этатизме. В российской научной литературе и публицистике последних лет этатистский тип государства оценивался не дифференцированно и однозначно негативно. Одним из самых распространенных тезисов, муссируемых до недавнего времени в российской общественной науке и публицистике, — попытка убедить общественность в том, что современный мир характеризуется якобы уходом государства из экономики, поскольку «рынок все сам отрегулирует». На самом деле трудно даже представить более не соответствующий действительности тезис, в «цивилизованном мире» все происходит совсем наоборот.

В широком смысле этатистский тип означает, что государству принадлежит доминирующая роль во всех сферах общественной жизни и что оно стоит выше гражданского общества, подчиняет или даже поглощает его. С этим понятием обычно связано также представление о насильственном вмешательстве государства в экономическую жизнь, использовании жесткого централизованного планирования и создания административно-

бюрократического аппарата. Однако сегодня меняются качество и формы этатистского присутствия в обществе, смещающие сегодня акценты из области монополии на легитимное физическое насилие (отмеченный в качестве главной характеристики государства М.Вебером) в сферы урегулирования претензий общественных институтов и партий в области символического насилия (П.Бурдьё)¹⁰. Поэтому в это общее понятие необходимо ввести важные различия.

Во-первых, этатистский тип — это «идеальный тип», который является достаточно условным и в чистом виде не существует. Следовательно, ставить вопрос в виде дилеммы — этатизм или антиэтатизм, как это у нас часто бывает, значит вводить в заблуждение. При всех различиях этих понятий они находятся в соотношении «или-или», более того, элементы того и другого всегда сосуществуют, образуя соединение, дающее в зависимости от той или иной комбинации элементов разное качество.

Во-вторых, вопрос об этатизме должен решаться сугубо исторически: где и при каких условиях он был необходим, чем вызвано его появление, какую роль он сыграл, и уже исходя из этого должна определяться его оценка.

В-третьих, этатизм не имеет абсолютного, самодовлеющего значения, строго гарантирующего определенный результат. Этатистское развитие, опирающееся на доминирующую роль государства, может потерпеть неудачу, как это случилось в СССР, но аналогичный результат бывает и в итоге развития без государства, пример тому Либерия, Сомали. Значит, дело обстоит гораздо сложнее.

В-четвертых, этатистский тип возможен в разных вариантах — от того варианта, каким было советское государство до корпоративно-капиталистического (Япония).

В-пятых, этатистскому типу близка ориентация на «сильное государство».

«Сильное государство» — довольно неоднозначное и широкое понятие. Это дает основание толковать его очень по-разному: можно видеть в государстве, как это делают левые технократы во Франции, орудие приспособления страны к требованиям времени, а можно («якобинское» сознание) рассматривать его как средство классово-борьбы или как инструмент колониальной политики подавления и порабощения других стран. А можно с учетом лучших достижений общественно-политической мысли и практики видеть в нем другое, о чем речь пойдет ниже.

Сильное государство: теория и практика

Доминирующим настроением сегодня в России, до сих пор не оправившейся после распада Советского Союза, является стремление поднять авторитет государства, восстановить сильное государство, с которым связываются надежды общества на наведение порядка, борьбу с преступностью, установление мира и благополучия. Однако наличие консенсуса по поводу необходимости «сильного государства» не обеспечивает автоматически единообразия в понимании его сути и смысла. Отсутствие ясного представления об этом часто ведет к путанице, различным спекуляциям и в конечном итоге извращению данной столь важной для нашего времени идеи. Тем не менее, учитывая российский политический контекст, мы вправе утверждать, что «сильное государство» не может означать ничего другого, как повышение жизнеспособности страны в условиях изменившегося мира, как способность к динамичному развитию и эффективной самозащите.

Гегелевское учение об обществе и государстве

Концепции «сильного государства» как таковой в истории философско-политической мысли нет. Но, по существу, своего рода масштаб, точку отсчета для нынешнего состояния российской государственности, а также ориентир для решения жгучих проблем и создания «сильного государства» можно найти у Т.Гоббса, Н.Макиавелли и особенно в произведениях Г.Гегеля, таких, как «Философия права», «Феноменология духа», «Конституция Германии», «Иенская реальная философия», в ряде других работ. Огромное историческое чутье, верность его наблюдений, грандиозность взглядов не перестают вызывать удивление и желание вновь обратиться к этому неиссякаемому источнику мысли в поисках ответа на наши сложные вопросы. Не случайно крупный немецкий философ Г.Рормозер уверен, что «Россия найдет в философии Г.Гегеля немало нового и значительно больше, чем обнаружил там «правильного» марксизм»¹¹, он выразил также надежду на то, что, «быть может, Россия откроет новую эпоху в освоении гегелевского наследия»¹². В самом деле, для такого утверждения есть основания: ведь основоположения гегелевского учения поразительным образом совпадают со сложивши-

мися представлениями о государстве в истории российской философско-политической мысли. Г.Гегель оказался более органичным для России, чем для Германии. Кроме того, благодаря марксизму и через него в России сложилась давняя традиция гегелеведения.

Обращение к ключевым моментам гегелевской теории является для нас актуальным не только потому, что современный период российского государства во многом сходен с той ситуацией в Германии, когда Г.Гегель разрабатывал свои идеи, но и потому, что Г.Гегель считается непревзойденным теоретиком современности. Даже виднейший западногерманский философ, представитель новых левых *Хабермас* «признает, что единственной всеобъемлющей философской теорией современного мира и поныне является гегелевская»¹³. Обращаясь к Г.Гегелю, мы касаемся самых острых вопросов современности.

За обоснование Г.Гегелем идеи всеобщего и целостного над его составными частями, возвышением государства над обществом либеральные критики XX в. (К.Поппер, Б.Рассел, И.Фетчер, Э.Топич и др.) несправедливо обвиняли его в тоталитаризме, игнорируя содержание, место и роль этой теории в истории философии, а также конкретно-исторический аспект данного учения. Важно отметить, что Г.Гегель разрабатывал свою концепцию применительно к тому периоду германского государства (после распада германской империи), когда оно находилось в состоянии анархии и когда от решения задачи возрождения и укрепления государства зависело само выживание немецкого народа.

Констатируя состояние распада немецкого государства, всеобщее ощущение того, что оно обречено на гибель («Германия больше не государство»)¹⁴, Г.Гегель видел в этом сходство с прежней судьбой раздробленной Италии, которая после распада Римской империи превратилась в арену внутренних войн, подверглась опустошению, ограблению и надругательствам. Поэтому ему была понятна и близка позиция Н.Макиавелли, отечество которого «было растоптано чужестранцами, опустошено, лишено самостоятельности». В Италии «каждый дворянин, каждый предводитель, каждый город утверждал свою суверенность. Единственным средством основать государство было уничтожение этих суверенитетов»¹⁵. Г.Гегель убежден в том, что в главной работе Н.Макиавелли «Государь» речь шла о борьбе государственного начала против всякого рода анархии. Содействие анархии он рассматривал как высшее, вернее, единственное пре-

ступление против государства, ибо «включает в себя все остальные государственные преступления, и те, кто наносит вред государству непосредственно, подобно другим преступникам, а непосредственно, нападают на само государство, являются самыми страшными преступниками; и нет у государства более высокого долга, чем сохранить себя и самым верным способом уничтожить силу этих преступников»¹⁶. И здесь не может быть места для пустого морализирования и различных тривиальностей вроде того, что цель не оправдывает средства. Состояние, при котором яд, убийство из-за угла стали обычным оружием, нельзя, считает Г.Гегель, устранить мягкими методами: «*гангренозные члены нельзя лечить лавандовой водой*»¹⁷ (курсив наш).

В связи с этим Г.Гегель отвергает поверхностные и пустые суждения людей, которые видели в творениях Н.Макиавелли всего лишь призыв к тирании. Подлинная суть учения Н.Макиавелли, по мнению Г.Гегеля, состояла в том, чтобы возвысить Италию до уровня государства. Это тот принцип, который он противопоставлял унижениям своей страны.

В своих надеждах на возрождение Германской империи Г.Гегель вслед за Н.Макиавелли делал ставку на *великого государственного деятеля* (типа Тезея, основавшего Афинское государство), который сумел бы властной рукой объединить толпу обывателей и привести их к пониманию того, что они принадлежат Германии¹⁸. Судьба народа, стремительно приближавшегося к политическому упадку, убежден Г.Гегель, может быть предотвращена только гением: «Преимущество великого человека состоит в том, чтобы знать и выражать абсолютную волю. Все собираются под его знамя; он их бог»¹⁹. Но, подчеркивает Г.Гегель, этот новый Тезей должен обладать достаточным великодушием, чтобы предоставить народу, собранному из разрозненных мелких народностей, право участия в общих делах (путем представительства). Кроме того, современный Тезей должен обладать и достаточной твердостью характера, ибо он должен быть готов претерпеть такую же ненависть, как А.Ришелье и другие великие люди, устранившие специфические особенности внутри государства²⁰.

Настойчивая апелляция Г.Гегеля к идее государства объяснялась ясным пониманием того, что только благодаря защитной и созидательной деятельности государства люди могут обеспечить свои права. Однако идея государства, созданного народом, пишет Г.Гегель, настойчиво заглушалась безрассудными призывами к так называемой свободе. Эта безответственная демагогия

мешала осознать ту простую истину, «согласно которой свобода возможна только в государстве, созданном объединившимся на правовой основе народом»²¹. И лишь страдания и бедствия десятилетней войны сделали людей менее восприимчивыми к бессмысленным возгласам, призывающим защищать свободу. В этой кровавой игре померкла *иллюзия свободы*, которая повергла народы в бездну страданий, поэтому призывы к свободе уже ни на кого не оказывали воздействия; анархия не отождествлялась более со свободой. Пришло глубокое осознание того, что прочная государственная власть является необходимым условием свободы и что народ должен принимать участие в законодательстве государства, в решении важных государственных дел»²².

Понимая государство как мощное целое, способное наилучшим образом обеспечить права и свободы людей, Г.Гегель выступал против попыток *приватизировать государственную власть*: «Стремление превратить власть государства в частную собственность есть не что иное, как путь к распаду государства, к уничтожению его в качестве силы. Та доля государственной власти, которую приобрел для себя отдельный индивидуум, потеряна для власти всеобщего»²³.

Существенным аспектом гегелевской философии государства является приверженность идее *нравственного и разумного начала*, наличие или отсутствие которого предопределяет отношение Г.Гегеля к тем или иным политико-правовым институтам и учреждениям и к самому государству. В небольшой работе «О внутренних отношениях в Вюртемберге...» Г.Гегель отмечает, что как в древние, так и в новые времена все недостатки проистекают главным образом из злоупотреблений высших официалов, т.е. стоящих в услужении власти консультантов и адвокатов. Пользуясь некомпетентностью и безразличием власть предержащих, они оказывают на них неограниченное влияние, водя их за нос, а вместе с ними все население. Эти люди и способствуют принятию решений в своих узкокорыстных интересах, оставляя без внимания нужды народа²⁴. Поэтому улучшение существующих порядков должно быть осуществлено на новых справедливых и разумных началах, в противном случае, предупреждает Г.Гегель, правящие слои ожидают мести вечно обманываемой, угнетенной массы. Может произойти взрыв, и народ отомстит за несправедливость и бесчестье.

Помешать злоупотреблениям со стороны ведомств и их чиновников, по мнению Г.Гегеля, может *контроль сверху*, который должен быть дополнен *контролем снизу* — со стороны общин, корпораций. Контроль сверху менее эффективен, так как чиновники объединяются на основе своих корпоративных интересов как против подчиненных, так и против высшего начальства. Поэтому устранение этих помех требует вмешательства высшего суверена и оправдывает таковое²⁵.

Абсолютная нравственность обозначается Г.Гегелем также как всеобщее, как дух народа, как осуществление свободы. Подлинная нравственность представлена всеобщим, органическим целым, а нравственность отдельного индивида «подобна удару пульса всей системы»²⁶, поэтому имеет свой реальный смысл лишь как момент целостности. Г.Гегель ссылается при этом на платоновское представление о справедливости как жизни в нравственном полисе и на аристотелевское положение о том, что народ по своей природе предшествует отдельному индивиду. Состояние, при котором какая-либо отдельная часть организует сама себя и освобождает от власти целого, Г.Гегель характеризует как болезнь или начало смерти живой нравственности²⁷. Это, к примеру, тот случай, когда моральный принцип возносят над абсолютной нравственностью, ставят на вершине публичного, частного и международного права.

Непосредственное нравственное отношение представляют собой *брак и семья*²⁸, которые заключают в себе жизнь в ее целостности. Брак, по существу, моногамия, являет собою один из тех абсолютных принципов, на которых зиждется нравственность общественного союза. Нравственная сторона семьи состоит в сознании этого единства как цели, следовательно, в любви, доверии и общности всего индивидуального существования. В семье в качестве основополагающего элемента выступает духовная связь, следовательно, в качестве того, что само по себе стоит выше случайности страстей и временного особенного каприза. Назначение семьи поднять детей выше природной непосредственности, в которой они первоначально находятся, превратить их в самостоятельные и свободные личности. Заключение брака и создание семьи является поэтому одним из моментов божественного или героического основания государств. Таким образом, Г.Гегель сближает *нравственность и дух семьи с нравственностью и духом народа в государстве*, где чувство общности с целым подкрепляется естественной основой.

Целостная нравственная жизнь народа нуждается, по Г.Гегелю, в подлинной «народной» *религии* в отличие от официальной религии, которая служит прикрытием для деспотического режима. Народная религия возвышает и облагораживает дух народа, пробуждает в нем часто дремлющее чувство достоинства, не позволяет ему унижаться и унижать, помогает привнести в жизнь более мягкие тона человечности и добра²⁹. Поэтому Г.Гегель убежден в том, что религия является «одним из самых важных дел нашей жизни»³⁰. Подлинная, живая «народная» религия — это синоним нравственного поведения, она «присуща хорошим людям». Влияя на чувства, поступки и волю людей, религия поднимает моральность и ее мотивы на новую, более величественную высоту. В связи с этим дух народа, его история, религия не могут рассматриваться отдельно, они связаны в один узел.

Когда *нравственность* народа *распалась* и всеобщее раздроблено на атомы — абсолютное множество лиц, существующих в качестве особенных для себя, возникает правовое состояние, которое предстает как состояние отчуждения³¹. Принцип правового состояния соответствует принципу индивидуализма. Правовая личность (лицо) противостоит всем, поскольку имеет свои собственные особенности и свои особые интересы. Устанавливаемые между ними связи ради обеспечения их особых интересов образуют систему атомистики или, другими словами, *гражданское общество*. Однако подлинная жизнь отдельных частей состоит лишь в целом. Подлинно действительным является государство, а не общество и личность. Г.Гегель подчеркивает, что государство нельзя смешивать с гражданским обществом³². В гражданском обществе каждый для себя — цель, все другие для него ничто. Но без соотношения с другими он не может достигнуть своих целей; эти другие поэтому — средства для целей особенного. Но особенная цель достигается посредством связей с другими людьми, т.е., удовлетворяя себя, удовлетворяет вместе с тем благо других. Тем самым себялюбивая цель обособливает систему всесторонней зависимости и приобретает форму всеобщности. В такого рода всеобщности опосредуются все частности, все случайности, в нее вливаются волны всех страстей. Вследствие этого гражданское общество представляет нам картину столь же необычайной роскоши, излишества, сколь и картину нищеты и общего обоим физического и нравственного вырождения. Его можно рассматривать как внешнее государство, учрежденное, исходя из соображений необходимости и рассудка, как основанное на нужде государство рассудка.

Ответом Г.Гегеля на это государство, в котором общество абсолютизируется, порождая проблемы, толкающие его к гибели, отмене достигнутых свобод, было требование *«нравственного государства»*. Это означает, что о государстве (в «Философии права») говорится в двояком смысле. В одном смысле Г.Гегель говорит о «государстве из соображений необходимости и рассудка». Это государство устанавливает известные условия, рамки поведения, правила игры, чтобы упорядочить отношения внутри общества согласно определенным формальным правилам. Такую форму государства определяют сегодня как правовое государство.

В совершенно другом смысле Г.Гегель пользуется понятием «нравственного государства», которое помимо обычных функций государства в обществе выполняет также и другие функции. Поскольку общество, предоставленное само себе, разлагается, необходимо сохранить нравственное государство, которое выполняет роль хранителя свободы и которое было духовным источником в сознании свободы на протяжении истории, начиная от античности и вплоть до великих мыслителей Нового времени. Оплот нравственности такого государства Г.Гегель видел в христианской общине и в сознании верующих³³.

Г.Гегель ратует за органический принцип связи целого и части, выступает против уподобления граждан изолированным атомам, когда народ превращается в сборище отдельных людей, замкнутых в сфере частной жизни и частных интересов. «Атомистические принципы убийственны как в науке, так и в политике, ибо они противоречат разумному понятию о жизни и ее многообразии»³⁴. Противоядие против дробления органического целого на атомы Г.Гегель видит в восстановлении политического значения средневековых корпораций и товариществ (обществ), как важных жизненных сфер государства. Гегелевские мысли о государстве как органическом целом и корпорациях как такой его части, через которую и должно осуществляться *участие индивидов в делах целого*, направлены на установление каналов связи между обществом и государством.

Рассуждая о форме государственного устройства, Г.Гегель выделяет два типа — с централизацией и децентрализацией государственных функций. Он сомневается в преимуществе государства жестко централизованного типа, т.е. государства-машины, которое не может рассчитывать на свободную приверженность своих подданных, на их чувство собственного достоинства

и желание служить опорой государства. Под децентрализованным типом он понимает представление гражданам свободы во всем том, что не относится к прямому назначению государственной власти. Свои размышления о лучшем государственном устройстве он резюмирует таким образом: мы различаем в государстве, с одной стороны, то, что необходимо государственной власти, и, следовательно, должно находиться в ее прямом ведении; с другой стороны, то, что необходимо для организованного в общество народа, но случайно, не обязательно для государственной власти³⁵. Счастливым Г.Гегель считает народ, которому государство предоставляет значительную свободу деятельности в вопросах общего характера, не имеющих первостепенного значения для государства в целом; в этом случае и само *государство, опирающееся на свободный дух своего народа*, оказывается безгранично *сильным и могущественным*³⁶.

Средоточие государственного сознания и наиболее выдающейся образованности Г.Гегель видит в *среднем сословии*, которое и является главной опорой государства в отношении законности и интеллигентности. И здесь Г.Гегель произносит относящиеся к России слова, которые вызывают грустные ассоциации с современным состоянием: «Государство, в котором нет среднего сословия, еще не стоит поэтому на высокой ступени. Такова, например, Россия, в которой есть одна масса — крепостная, другая — правящая»³⁷.

Для Г.Гегеля разумная *подлинная политика* (в платоновско-аристотелевском смысле) есть государственная жизнь, государственное дело. В «политическом государстве» Г.Гегеля все пронизано государственным умонастроением и смыслом, определяется в конечном счете целями и интересами всеобщего. Поэтому всякий политический антагонизм между отдельными частями и целым, всякую партийную борьбу за власть и любое неорганическое, негосударственническое обнаружение силы Г.Гегель отвергает как неразумную абстракцию воли, ее несвободу.

Основным определением гегелевского «политического государства» выступает *суверенитет*, трактуемый как господство идеи целого над составными частями и функциями, как идеальность власти целого над всеми особенными правомочиями. Суверенитет же предполагает такое правовое, конституционное состояние, когда цели, функции и свобода действий всех составных частей и сфер определяется интересами целого, благом государства. Своей концепцией суверенитета Г.Гегель, таким

образом, отвергает всякое насилие, не легитимированное в качестве момента суверенитета, совокупности правомочий. Примечательно в этой связи то обстоятельство, что «нравственный момент войны», по Г.Гегелю, коренится в правомочии государства требовать от индивидов, сфер и частей нравственного целого крайних жертв, если речь идет о судьбе самого суверенитета³⁸.

Возрождение и обновление немецкого государства Г.Гегель связывал с необходимостью введения наряду с верховной властью монарха также и *представительной системы*. Г.Гегель был сторонником представительной системы в ее обновленной, а не в архаической форме. Однако любое обновление, по мысли Г.Гегеля, должно быть результатом развития каждой отдельной нации и не может быть осуществлено путем простого заимствования достижений других народов. Дело в том, что *каждый народ может обладать государственным устройством, которое ему подходит*, «ибо государственный строй не есть нечто лишь сфабрикованное: он представляет собой работу многих веков, идею и сознание разумного в той мере, в какой оно развито в данном народе»³⁹.

Сущность нового государства состоит в том, что всеобщее связано с полной свободой и благоденствием особенного, т.е. индивидов. Отсюда следует, что всеобщее (государство) должно деятельно развиваться, но вместе с тем и субъективность, с другой стороны, должна развиваться целю и живо. «Лишь благодаря тому, что оба момента существуют во всей своей силе, мы имеем право рассматривать государство как расчлененное и подлинно организованное целое»⁴⁰.

Гегель и немецкое «чудо»

История доказала несостоятельность странного, но привычного представления о том, что Г.Гегель стоял на голове и лишь благодаря К.Марксу был поставлен на ноги. Однако ни марксизмом, ни либерализмом так и не были решены проблемы, относительно которых высказывал свои опасения Г.Гегель, в частности о проблеме абсолютизации общества, сведения всего в нем к социальным категориям. Следствием этого было то, что западный (капиталистический) мир ничем не отличался от восточного (социалистического) в плане постановки целей; различия были лишь в методах. Поэтому поражение социализма не

означает победу либерализма. Произошло всего лишь изменение методов, а проблемы как были, так и остались. И понять их, игнорируя учение Г.Гегеля, очень сложно.

Гегелевское наследие только предстоит еще по-настоящему оценить. Это вопрос будущего. Однако уже сегодня обращение к Г.Гегелю может помочь верно оценить некоторые исторические факты. Разумеется, в рамках отдельной статьи невозможно осуществить полный анализ того, как «работают» гегелевские идеи в общественном процессе, да авторы и не ставят такой цели, но проследить роль некоторых его значимых идей весьма полезно, даже, если участники исторических событий вовсе и не задумывались о Г.Гегеле.

Речь идет прежде всего о Германии, где Г.Гегеля третировали как «дохлую собаку» еще в середине XIX века, о чем с сожалением писал в свое время К.Маркс, и где до сих пор он не занимает подобающее ему достойное место в общественных науках (что не удивительно: нет пророка в своем отечестве).

Прежде всего, обратимся к истории возрождения лежавшей в руинах послевоенной Германии, к истории, которая во многом становится понятной через призму гегелевского представления о «великом человеке». Именно в этом аспекте «великим человеком», политическим лидером XX века, богатого историческими катаклизмами и потрясениями, мог быть такой политик, который ясно осознавал общие интересы и задачи, который знал, как собрать силы для общего блага, являлся центром концентрации общественной энергии, знаний и воли. Такому человеку свойственно полное самоотречение во имя будущего своей страны, ибо политическое лидерство — это всегда служение некой неоспоримой идее.

Таким человеком оказался оставивший непреходящий след в новейшей истории Германии Л.Эрхард, сначала Министр народного хозяйства на протяжении 14-и лет (1949–63 гг.), затем Канцлер ФРГ (1963–66 гг.) — архитектор «немецкого чуда». Волевой, с сильным характером, умевший добиваться поставленных целей, сознававший свою ответственность за судьбу немецкого народа и государства, он был поставлен историей перед сложнейшими задачами. Благодаря огромным усилиям, проявляя мужество и упорство, опираясь на поддержку общественности, участие граждан в процессе принятия решений по экономико-политическим вопросам, он сумел решить задачи. Ему, как и всем истинно великим государственным деятелям, было

свойственно заботиться о благе и процветании своего народа, стремиться к согласию и стабильности в обществе, создавая для этого соответствующие экономические предпосылки. Он был одним из немногих в послевоенной Германии, кто ясно себе представлял, что нужно делать, чтобы вывести страну из тяжелейшего положения. Политическое кредо Л.Эрхарда заключалось в стремлении постоянно улучшать жизненные возможности немецкого народа. Поэтому фундаментальным принципом своей экономической политики он провозгласил «благополучие для всех» и неуклонно отстаивал его на протяжении всей жизни.

Конечно, в то послевоенное время был «План Маршалла», оказавший серьезную поддержку реформаторскому курсу Л.Эрхарда, но были и его недюжинный ум, и большая смелость. Прежде всего, Л.Эрхарду удалось изъять из-под контроля союзников ценообразование немецких потребительских товаров и важнейших продуктов питания. Союзники не ожидали, что немец сможет проявить столько смелости через столь короткий срок после окончания войны.

В это трудное для Германии время Л.Эрхард сумел сохранить мужество и не делать всего того, что рекомендовали ему подлинные и мнимые друзья. Ему даже приходилось, как он сам потом говорил, прибегать к «военным хитростям», чтобы противостоять слишком сильному давлению, требовавшему применения опасных и бьющих далеко мимо цели методов. На выбор экономической стратегии Л.Эрхарда большое влияние оказывала его ***нравственная позиция по отношению к собственному народу***: «Мы особенно не имеем права добиваться мнимых успехов таким способом, чтобы через растущее обесценивание нашей валюты, которую тем временем нам удалось укрепить, выйти на путь инфляционных тенденций: это означало бы еще раз незаметным образом опорожнить карманы вкладчиков и лишить их честно заработанных денег. Это был бы действительно наиболее омерзительный метод, который можно себе представить»⁴¹.

Практические экономические мероприятия Л.Эрхарда были тщательно продуманы и явились последовательным осуществлением его теоретических принципов. В октябре 1946 г. он опубликовал статью «Свободная экономика и плановое хозяйство», в которой осудил «безудержное мародерство эпохи ранней и высшей стадии капитализма»⁴².

Для него неприемлемым был порядок, при котором, с одной стороны, существовал очень немногочисленный высший слой, способный позволить себе все в смысле потребления, а с другой, численно весьма обширный, но обладающий недостаточно высокой покупательной способностью, нижний слой населения. Свою реорганизацию экономической системы Л.Эрхард проводил таким образом, чтобы создать предпосылки для развития общества в сторону большей **социальной справедливости, социальной гармонии**, а следовательно, для преодоления сложившейся в веках неприязни между «богатыми» и «бедными».

Иными словами, он стремился к осуществлению такого экономического порядка, который во все большем масштабе мог привести широкие слои немецкого народа к благосостоянию. Им двигало желание окончательно преодолеть старую затвердевшую социальную структуру путем обеспечения массовой покупательной способности всех слоев населения.

Энергичные усилия Л.Эрхарда, направленные на повышение всеобщего благосостояния, довольно быстро принесли свои плоды. На основе постоянного подъема экономики удалось добиться сочетания полной занятости с высокой производительностью труда. Уже в 1949 г. произошло заметное **повышение реальной заработной платы**, которое осуществлялось **одновременно со снижением цен** на потребительские товары. Особенно впечатляло то, что в то время, когда в Западной Германии цены понижались, в других странах наблюдалось существенное их повышение. За период с 1949 г. производство выросло более, чем на 60%, что позволило приступить к сокращению рабочего времени, которое, с социальной точки зрения, несомненно является положительным фактором.

Этот 60-процентный рост производства всего лишь за полтора года в значительной мере явился результатом роста дохода широких народных масс. Повышение жалования чиновникам и служащим проходило наряду с повышением заработной платы рабочим, увеличением пенсий и разных выплат по компенсациям убытков и потерь.

ФРГ начала победное шествие как передовая страна Западной Европы, обгоняющая в экономическом отношении своих победителей. И это было тем более удивительно, что послевоенная Германия стартовала в своем экономическом развитии с низжайшей отметки. Общий индекс производства достигал в первом полугодии 1948 г. лишь примерно 50% производства 1936 г.

Такое положение дало повод одному видному немецкому экономисту заявить в начале 1948 г. о том, что «Германия уничтожена и приведена в хаотическое состояние в такой степени, что никто, не будучи очевидцем происходящего, не может себе этого представить»⁴³.

Каковы же были те фундаментальные принципы, которые привели к столь впечатляющим результатам? Социальная рыночная экономика Л.Эрхарда имела основополагающие отличия от классической либеральной экономики, Л.Эрхард считал, что цель социальной рыночной экономики только тогда можно считать полностью достигнутой, когда по мере роста производительности труда одновременно понижаются цены, обеспечивая таким образом подлинное повышение реальной заработной платы.

Эти противоположные тенденции зарплаты и цен подчеркивали самую сущность социальной рыночной экономики. Оптимальным или идеальным выражением внутренних законов рыночной экономики является увеличение заработка при понижающихся ценах. Л.Эрхарду в целом удалось осуществить тройное сочетание: рост производительности труда и объема продукции, увеличение номинальной зарплаты, снижение цен. Благодаря этой счастливой триаде повышалось благосостояние всех и в конечном счете достигалась социальная гармония.

Л.Эрхард являлся твердым сторонником рыночной экономики, но для него *рынок был не самоцелью, а средством для решения социальных задач*, в частности для преодоления резких социальных различий в обществе и максимального развития творческих сил страны. Свободная частная инициатива и конкуренция сочетались с активной ролью государства в экономической жизни. «Неправильно, — писал он позднее в книге «Полвека размышлений», — характеризовать свободную экономику или, лучше сказать, рыночную экономику как бесплановое или анархическое..., при такой форме экономики все ощутимее стремление к планированию»⁴⁴. Л.Эрхард исходил из идеи сильного государства как регулирующей, направляющей силы, активно и целенаправленно формирующей общественные и экономические процессы.

Регулирующая роль государства проявилась:

1. В создании организационно-технических условий, способствующих повышению производительности труда.

2. В создании соответствующей законодательно-правовой базы. Законодательство стремилось, со своей стороны, побудить людей к сверхурочной работе — заработок за сверхурочную ра-

боту оставался свободным от налогообложения. Все это не могло не вызывать того радостного чувства, которое люди, наконец, снова стали испытывать при мысли о работе.

3. Попытки хозяйственного управления стабилизировать цены нашли свое отражение в периодической публикации каталога уместных цен. Этот каталог, выработанный совместно с торгово-промышленными кругами и профсоюзами, должен был определить, какие цены при правильной калькуляции должны были считаться уместными для отдельных предметов потребления.

4. Наконец, нужно упомянуть «закон против произвольного завышения цен», который вошел в силу 7 октября 1948 г. и долгое время являлся объектом оживленных споров в парламенте.

Такая экономическая политика помогла в кратчайший срок провести беспрецедентную в истории восстановительную работу. С помощью этой политики не только удалось дать работу и пропитание населению, которое увеличилось на одну четверть, но и поднять благосостояние этих людей на такой уровень, который превосходил уровень лучших предвоенных лет. Социальная рыночная экономика Л.Эрхарда находила поддержку в стране и вызывала доверие большинства народа. Для этого были все основания. Его постоянные усилия направить все ресурсы на путь экономического подъема, не ставя под угрозу здоровые основы экономики и состояние валюты в стране, основывались на убеждении, что только таким способом можно гарантировать **соразмерный, достойный жизненный уровень** всем тем, кто без собственной вины: вследствие старости, болезни или как военный инвалид двух мировых войн — не может принимать непосредственного участия в производственном процессе. Благодаря экономической политике Л.Эрхарда произошло повышение государственных социальных пособий в Федеративной Республике Германии с 9,6 млрд. нем. марок в 1949 г. до 24,4 млрд. в 1956 г., а также стала возможной новая реформа пенсий. Общественные доходы (государства, земель, коммунальные) возросли с 23,7 млрд. нем. марок в 1949 г. до 54,45 млрд. нем. марок в 1955—56 гг. Этот рост доходов шел исключительно за счет **блестящего подъема производства**.

Социальная рыночная экономика, по словам Л.Эрхарда, пошла трудным путем восстановления. Именно благодаря этому ей удалось заново завоевать доверие всего мира. Сверхзадачу своей экономической политики Л.Эрхард видел в том, чтобы наконец снова возродить **правственные принципы** в немецком

народе и положить начало оздоровлению социальной политики. «Думая о том, чтобы обеспечить нашему молодому демократическому государству твердое будущее, давно пора вернуться на путь нравственных ценностей. Когда мы выдвигаем такое требование, то в нем сливаются в некое единство как экономическая, так и общественная политика»⁴⁵.

Экономическая политика, направленная на подъем всеобщего благосостояния, в значительной степени способствовала демократизации Западной Германии, дальнейшему расширению традиционных гражданских свобод человека. «Мы поставили нашу общественно-экономическую и социальную жизнь на новые основания и указали ей путь вперед. Мы должны были отречься от нетерпимости, которая через духовную несвободу ведет к тирании и тоталитаризму»⁴⁶.

Таким образом, судьба оказалась благосклонна к немецкому народу, послав в трудное для него время умного, дальновидного, смелого, любящего свой народ лидера, приведшего страну к замечательным успехам, высокому благосостоянию ее граждан.

Основы экономической и социальной политики, заложенные Л.Эрхардом, стали базой для дальнейшего развития страны. Разумеется, за последующие десятилетия экономика ФРГ не раз переживала подъемы и спады, но в целом продолжалось ее успешное развитие. Какой тип экономики существует сегодня в ФРГ? По словам немецкого ученого Г.Рормозера, в Германии нет рыночной экономики в чистом виде. Государство играет сегодня такую роль, которая не совместима ни с какими принципами рыночной экономики. Подчеркивая парадоксальность ситуации, он отмечает: «Как раз в этот момент, когда в России оказалась несостоятельной социалистическая система планового хозяйства, Запад, и ФРГ в частности, занят поиском методов государственного планирования, то есть, по сути дела, коммунистических методов»⁴⁷.

Гегель и японское «чудо»

Япония — особая цивилизация, развивающаяся по своим собственным законам, на основе своей собственной духовной традиции и культуры и, казалось бы, находится невообразимо далеко от Г.Гегеля, как в географическом, так и в духовном плане. Однако если в кратком схематическом виде выделить клю-

чевые моменты того позитивного типа этатизма, который существует в Японии (корпоративно-капиталистический), то можно с удивлением заметить, что они в основном совпадают с гегелевскими, тем самым еще раз подтверждая правильность его выводов и воззрений. В самом деле, реконструкция общественно-государственной жизни Японии выявляет почти все те признаки, которые составляют канву гегелевского учения: приоритет государства, его целостность, корпоративность, наличие среднего класса, участие индивидов в принятии решений, большая роль религии, традиций, семьи, забота о благе народа, гражданское общество и т.д.

Особенность данного типа этатизма заключается в том, что он возник в значительной мере в результате целенаправленной американской оккупационной политики (после второй мировой войны), помноженной на собственные усилия японцев в этом направлении. События развивались таким образом, что первоначальной идеей США было превращение Японии в демократическое государство со свободной рыночной экономикой. Это означало установление в стране единообразных, предсказуемых «правил игры», облегчавших возможность манипулирования ею. Но затем под влиянием внешнеполитических обстоятельств (возникновение КНР, начало корейской войны) США резко изменили план. Было принято решение о превращении Японии в бастион против коммунистических Китая и СССР, а следовательно, о превращении ее в сильное и мощное в экономическом и военном отношении государство. И американцы несомненно знали рецепт такого превращения — экономика Японии стала перестраиваться на государственной основе⁴⁸.

Какие же конкретно меры способствовали стремительной трансформации Японии в сильное государство, в сверхдержаву?

Свой старт Япония начала после второй мировой войны, в ходе которой ее экономика была разрушена почти полностью. В 40–50-х годах вся японская продукция была не конкурентоспособной на мировом рынке, технологии и системы управления отставали от европейских и американских. Между работодателями шла жесточайшая борьба. Эти проблемы обострялись в силу ограниченности природных ресурсов и сравнительно большой численности населения.

Тогда японцы, хотя и под патронажем США, сделали свой, как показала история, правильный выбор варианта восстановления и развития страны и экономики⁴⁹. Ключевая особенность

данного варианта заключалась в восстановлении и развитии экономики через человека, через заботу о его благосостоянии, через обучение и заинтересованность работника в результатах своего труда и росте производства. Такая линия стала возможной при *ведущей роли государства* в осуществлении многих проектов.

В Японии сохраняются и усиливаются *плановые* начала в регулировании экономики. Характерными особенностями планового подхода являются прозрачность, коллективизм в процессе разработки плана и его выполнения, имеют большое воспитательное значение. Проекты пятилетних планов активно обсуждаются в коллективах, на предприятиях, в учебных и научных организациях. В ходе обсуждения полностью отсутствует формализм, так как японцы понимают, что все, что запланировано, нацелено на развитие человека, рост его благосостояния и улучшение качества жизни. Все население заинтересовано в реализации планов, которые объединяют людей, интегрируют их интересы, интеллект и действия. При таком подходе не решаемых задач, как правило, не бывает.

Трудовые отношения в Японии развиваются под воздействием пяти известных во всем мире систем, которые начали формироваться в период с 1868 года до второй мировой войны основаны на *традициях и философии народа*. Именно на них и основывается так называемое «японское чудо» — стремительное вхождение Японии в состав самых высокоразвитых стран мира⁵⁰. В структуру этих пяти систем входят: система пожизненного найма, система кадровой ротации, система подготовки на рабочем месте, система репутаций, система оплаты труда.

Ценность и причина действенности этих систем заключается в том, что они представляют собой не набор отдельных элементов, а являются системами в единой макросистеме. Каждая из них, дополняя другую, является основой и условием ее функционирования, способствует эффективной работе. Одна система не может существовать без другой. В сумме они составляют целостный сложный механизм, формируют мотивационную среду, способствующую подготовке высокопрофессиональных работников и полной реализации их физических и интеллектуальных способностей. Это, в свою очередь, обеспечивает повышенные производительности труда, экономический рост страны и высокий уровень жизни населения.

Роль государства в регулировании экономики и развитии социально-трудовых отношений *присутствует везде и во всем*. Другое дело (и это опять же японские традиции), что формы и методы влияния государства на экономику не заметны, не навязчивы, эластичны и оригинальны. В частности, в области профессионального обучения государство устанавливает единые стандарты, которые все обязаны выполнять. Такой же инструмент оно использует при регулировании проблем занятости, найма. Регулирующая роль государства в экономике присутствует, например, и через установление социальных стандартов (рабочего времени, оплаты труда, найма и т.д.). Если предприниматели нарушают государственные стандарты, их для начала штрафуют⁵¹.

В 1939–45 гг. размеры фондов оплаты труда предпринимателей зависели от результатов их работы. Государство следило за этой зависимостью. Если не росли объемы производства, зарплата «замораживалась». Эта мера вводилась в соответствии с Законом о Всегосударственной мобилизации, принятым в 1938 г.

Государство дает рекомендации работодателям повышать зарплату сотрудникам в зависимости от возраста и стажа, а также в зависимости от так называемых жизненных пиков, которых насчитывается 5–6: вступление человека на трудовой путь, женитьба, рождение ребенка, приобретение жилья в кредит и т.д. Зависимость зарплаты от возраста и жизненных пиков, внимательное отношение к человеку в разных житейских ситуациях свидетельствуют о реальной заботе о конкретном человеке. Работник чувствует и знает, что в сложных жизненных ситуациях он не одинок, ему материально поможет фирма. Жить в таких условиях спокойнее и надежнее, поэтому складывается соответствующее отношение работника к предприятию, повышается производительность его труда. Эти меры дают полное основание говорить о японской экономике как о социально ориентированной.

Активная позиция государства наблюдается также в решении проблем занятости и безработицы. Ключевые мероприятия государства в области регулирования занятости в особо кризисных отраслях проводятся как по отношению к хозяевам предприятий, так и по отношению к увольняемым работникам. Что касается хозяев предприятий, то им выделяются пособия для урегулирования кадровых вопросов, а уволенным лицам оказывается помощь в устройстве на новое место работы, выдаются пособия. Особое значение в сфере обеспечения занятости государство придает разработке и реализации политики повышения

квалификации работников. Она разрабатывается на основе Закона о развитии человеческих ресурсов и включает среднесрочное (на 5 лет) и ежегодное планирование.

«Для белых воротничков», выпускников учебных заведений существуют банки рабочих мест. Даже в самых тяжелых ситуациях особое внимание уделяется трудоустройству именно выпускников вузов и школ. Если выпускники не могут найти себе работу, это считается социальной трагедией. Поэтому здесь дополнительно действуют шесть центров по обеспечению занятости выпускников учебных заведений, а на биржах труда проводятся систематические встречи студентов и преподавателей.

В решении проблем обеспечения занятости и безработицы, а также других социальных вопросов первостепенное значение принадлежит системе социального партнерства и трипартизма (лат. — три части), которая хорошо отработана, действует четко, без сбоев⁵². У японского трипартизма есть принципиальные отличия от трипартизма, например, Германии, Канады, России и других стран.

Во-первых, субъектами японского трипартизма являются: общественность, работники, работодатели. У японского трипартизма нет одной классической стороны — государства с соответствующими органами. Его место занимает общественность — ученые, пресса, интеллигенция и т.д.

Во-вторых, встречи представителей общественности, работников и работодателей проходят в «мягкой» форме (шесть раз в год). Это встречи «мудрецов», в ходе которых снимаются все острые социально-трудовые проблемы (занятости, оплаты и условий труда, найма, продолжительности рабочего дня и т.д.). Такие встречи проводятся на национальном, отраслевом и региональном (префектуры) уровнях.

Японский трипартизм не похож на германский, где выделяется сильная и непосредственная роль государства в процедуре согласования интересов наемных работников и работодателей. С другой стороны, японское социальное партнерство не схоже и с канадским вариантом, в котором представлены два партнера, а не три, как в Японии: организации, отражающие интересы собственников, предпринимателей, и организации, представляющие интересы трудящихся.

Таким образом, в Японии имеют место удачное сочетание компаративизма, компетентной и эффективно работающей бюрократии, долговременной социальной безопасности, реализу-

ющейся через совместную жизнь людей внутри организаций, а также мирное существование и действенное сочетание религий: трансцендентной религии (государственный стоицизм), имманентной религии (фольклорный синтоизм, буддизм) и секуляризма (конфуцианство как философия). К тому же здесь вполне приемлются в качестве культурных составляющих христианство и рационализм. В результате Япония сохранилась структурно и культурно.

Однако Япония подвергается сегодня огромному давлению извне, особенно со стороны США, и изнутри, со стороны бюрократии, бизнесменов и ученых, которые хотят либерализации в духе США. Подталкивание Японии к обществу по типу постмодернизма (с его деструктуризацией и декультуризацией, атомией и аномией) можно квалифицировать, как считает всемирно известный политический исследователь И.Галтун, своего рода социальным преступлением, структуроцидом вкупе с культууроцидом⁵³.

Российское анти- «чудо» или Россия в плену у мифа об этатизме

Помещение материала, посвященного современной России в данной статье, естественно, может означать только одно: Россия, которая в своем историческом государственном развитии опиралась на сходные с гегелевскими принципы как в досоветский, так и в советский период не имеет сегодня в своем арсенале ни одного из них (правда, народ пока питает некоторые надежды на «великого человека»). Выводы из данной статьи лежат на поверхности.

Россия в определенном смысле тоже является «чудом», но со знаком «—». Если во всем мире ведущей тенденцией является усиление роли государства и государственного регулирования, то в России наблюдается прямо противоположная картина. Сравнимые показатели государственного финансирования на Западе с данными по России, можно увидеть потрясающую картину. Под массивные демагогические разглагольствования о необходимости «сокращения государственного вмешательства в экономику» расходы федерального правительства на развитие хозяйства, равно как и социальной сферы, последовательно уменьшались с 24,8% в 1994 г. до 16,6% в 1995 г. и 9% с небольшим — в 1996 г. Принимая к тому же во внимание, что значительная часть номинально выделявшихся сумм до адресата так и не доходила и не дошла до сих пор.

Оказавшись в плену у мифа об этатизме, Россия поменялась ролями с Западом, который, по замечанию Г.Рормозера, все более прибегает к методам бывшего Советского Союза, хотя и в сочетании с другими элементами⁵⁴. В России же, продолжает ученый, «практикуется анархическая система политики, при которой каждый действует как в американской вольной борьбе любыми средствами, без правил, стараясь схватить, сколько сумеет, урвать у другого. Это чистейшая рыночная анархия, если вообще можно говорить о какой-то экономической системе в России, свободной от государственной бюрократии»⁵⁵.

Та глубина разрушений и потеря, которую переживает Россия, свидетельствует о ложности тезиса «меньше государства», о насильственно навязанной России искусственной схеме, которая не способна обеспечить социально приемлемого уровня жизни ее гражданам. Кстати, то же самое произошло в Латинской Америке, в которой в 50–60-е годы наблюдались в целом неплохие темпы экономического роста — порядка 5% ежегодно. Однако, как отмечал американский экономист Р.Каттнер, под давлением американской администрации в 80-е годы эти страны перешли на систему свободных рыночных отношений, и это привело к значительному снижению доходов на душу населения. В связи с такими неутешительными итогами Р.Каттнер саркастически замечает, что схема «Приватизируйтесь. Дерегулируйтесь. Продавайте реальные активы оплаты долгов. Давайте гарантии иностранному капиталу и вы будете вознаграждены!» рассчитана на малоопытных и неискушенных политиков, в основном развивающихся стран, не понимающих в достаточной степени реального и более сложного механизма вывода своих стран из экономического кризиса»⁵⁶.

Надо сказать, что к настоящему моменту в ряде стран Латинской Америки настолько возросло недоверие к перестройке и либеральным реформаторам, что политические и общественные деятели вынуждены переосмысливать десятилетия перестройки. Пересматриваются программы приватизации, выделяются стратегические отрасли, не подлежащие переходу в частные руки и т.д., «иными словами, вводятся защитные меры по укреплению ослабленной в период неолиберальной волны экономической безопасности»⁵⁷.

После провозглашения курса на антиэтатизм и либерализацию в России с января 1996 г. были отменены также блокировки и регуляторы фонда оплаты труда, которые привели к пол-

ной бесконтрольности за формированием фондов оплаты труда предприятий, повлекших за собой негативные последствия. Резко увеличилась дифференциация в доходах населения и глубокое расслоение работников по уровню оплаты труда вне зависимости от квалификации и фактических результатов их труда. Определяющую роль стали играть принадлежность к отрасли, форме собственности и другие субъективные условия.

С другой стороны, руководители тех предприятий, которые не имеют возможности платить работникам достойную зарплату, подавляющую часть объемов остаточных (после налогообложения) доходов и прибыли используют на оплату труда. В результате крайне мало средств остается на развитие производства, науку и технику, а значит, речь опять идет о падении производства, о еще большем отставании от Запада в техническом отношении и развитии. Предприятия живут сегодняшним днем, не заботясь о перспективе.

Идеологи реформ были обуреваемы идеей убрать государство из экономики целиком и полностью. В результате государство оказалось «столь слабым, что не только «сдало» экономику криминалу, но de facto перестало выполнять свои функции по обеспечению социальной безопасности общества. Более того, на протяжении всех лет реформ оно постепенно превращалось из «фактора порядка» в «фактор дезорганизации общества»⁵⁸, способствуя формированию в обществе мнения, что в России все можно.

То же самое происходит в области социального развития. Курс на антиэтатизм выдвинул в центр внимания «свободу» как главную ценность антиэтатистского, либерального государства. Обладая эмоциональной привлекательностью и смысловой размытостью, т.е. являясь по существу модернизированной формой мифа, «свобода» заполнила все политико-мотивационное пространство в обществе. Однако ориентация на идеальный предел, свойственный «свободе» (а также и другим ценностям), как правило, маскирует наличие в обществе социальной дифференциации, идеологических и политических разногласий, ограниченных возможностей для социальной справедливости. Сложность существования этой ценности в политике как раз в том и состоит, что политика очень чутко реагирует на конкретное содержание ценностей — она как бы просвечивает их, что и вынужден был констатировать один из современных исследователей: «В России достигнуты те свободы, которые можно назвать

«свободами от государства». В ней нет свобод, которые может обеспечить только государство (как орган сообщества граждан), начиная с обязательности права и равенства всех перед ним и кончая элементарными социальными правами»⁵⁹. То есть речь идет об отсутствии права на безопасность от уголовщины, на здоровую среду обитания и доступность отвечающих стандартам качества таких «общественных благ», как национальное здравоохранение, образование, пенсионное обеспечение⁶⁰.

После провозглашения антиэтатизма логично было бы ожидать, что возобладает курс на формирование институтов гражданского общества, которым должна принадлежать ведущая роль в антиэтатистском государстве. Однако этого не произошло. Общество продолжает оставаться слабоконструктурированным со слаборазвитым самосознанием. Поэтому на сегодняшний день можно говорить об абсолютном неравенстве между участниками социального отношения «власть-народ», которое влечет за собой и абсолютное неравенство в распределении материальных ресурсов. Реакцией, ответом на это абсолютное неравенство явилась апатия народа, которая за последние годы приняла беспрецедентный характер, удивляющий весь мир. Дело в том, что центральной характеристикой политического сознания российского общества является особое отношение граждан к государству и носителям государственной власти, которое можно определить как этатистское⁶¹. На этот феномен указывали многие исследователи политической культуры, начиная с классиков русской философии — Н.Бердяева, Н.Трубецкого, И.Кириевского.

Главной причиной апатии является отчуждение, отстранение народа от власти и от ее ресурсов. По сути, апатия в специфических условиях России — это один из видов пассивного сопротивления народа. Апатия стала формой отгораживания от государства, которое обмануло повышенные ожидания народа, обусловленные национальной политической традицией России. В основе этой традиции лежат ценности коллективизма: «Определение отечественной культуры как коллективистской широко известно и подтверждено многочисленными исследованиями»⁶².

На проблему апатии можно посмотреть и в более широкой исторической перспективе. Начиная с петровских времен, протянулась линия — при всех серьезных социальных преобразованиях игнорировать данный народ, его историю, его индивидуальность и насильственно навязывать ему извне чуждые шаблоны мышления, понятия, конструкции. Как отмечают историки,

исключительный бюрократизм разных видов и полное отстранение нации от всякого присутствия в государственных делах делают из якобы «совершенных» учреждений Петра нечто в высокой степени регрессивное, стоящее и по идее, и по вредным последствиям бесконечно ниже московских управительных учреждений. Политическая конструкция, которая была возведена в России с петровских времен, была чуждой народу, насильственно введенной, не соответствующей никакой действительности — ни российской, ни даже иностранной⁶³.

Если обратимся к совсем недавнему советскому прошлому, то и там мы увидим униженное положение народа по отношению к власти. Ведь это от советских времен идет и сохранилась до сих пор привычка верить на слово правителям и принимать любое их слово за истину, привычка ждать, когда где-то «наверху» кто-то решит наши проблемы. Поэтому не случайно, когда советская власть рухнула, народ в целом остался пассивен и безучастен, его мало волновала судьба власти, которая была от него далека.

Логическое завершение этой тенденции — абсолютного отчуждения власти от народа — полная оторванность «верхов» от «низов», «интеллигенции» от «народа» — сегодняшнее состояние России. Ни о каком нравственном государстве в гегелевском смысле, а также гражданском обществе не приходится даже говорить.

Большинство народа не понимает и не принимает навязанного ему проекта «модернизации», по которому он ничего не приобрел, но все потерял. И тогда он поступает так, как поступал всегда в своей истории, когда под давлением неблагоприятных исторических обстоятельств продолжал гнуть свою линию, лишь внешне поддаваясь на «перевоспитание» — изменение своего жизнеустройства, традиций, верований, психологии, ибо «перевоспитание» тысячелетней нации — вещь абсурдная и вредная. Как бы люди внешне ни «гнулись» перед чуждой властью, они никогда не примирятся с ней, не будут поддерживать, потому что народ и власть живут в параллельных, непересекающихся мирах. Такая модель чревата революциями и острыми кризисами, что не раз имело место в истории России.

Выходом из такого порочного круга, ведущего к периодическому возникновению политических кризисов, было бы изменение «правил игры». Ведь понятно, что отчужденность народа от власти, от политического процесса приводит к росту безответственности поведения чиновников и управленцев, рос-

ту всевозможных нарушений и даже преступлений. Отчужденность народа от власти делает неизбежным для правителя снова и снова обращаться к бюрократическому воздействию на граждан через указы и предписания, поскольку нет иного пути управлять множеством людей, которые в целом не принимают навязываемую им систему.

Если бы существующая власть была способна понять проблему «власть-народ», проблему взаимодействия власти и народа, она бы, в первую очередь, проявила волю к созданию таких структур, которые осуществляли бы контроль общества над властью, о чем в свое время писал Г.Гегель. Контроль над властью нужен не только народу. Не в меньшей степени он нужен самой власти (как это ни покажется странным), если она хочет быть сильной, твердой, стабильной и быть действительно политической властью, а не мафиозной. Контроль необходим для того, чтобы государственный аппарат не переродился в диктатуру чиновников.

Сильное государство и сильная власть — те, которые опираются на свой народ, связаны с народом многочисленными каналами — сообщающимися сосудами, по которым они узнают о реальных потребностях, чаяниях, интересах людей. Сильная власть — та, которая отражает интересы страны, всех регионов, а не честолюбивые и корыстные вожеления одних и утопические конструкции других.

Контроль народа над властью — это специфическая форма культивирования закона, развития правового государства. Ведь закон предписывает только внешние действия людей. Он предполагает, что есть ясность и определенность в концепции развития общества. Если же такая концепция не выработана или не поддержана всем обществом, то только через контроль народа закон получает свое значение и свою жизненную эффективность, свою санкцию и освящение, теряет одиозный характер, который он неминуемо приобретает в условиях тотальной ломки сложившегося жизнеустройства.

Нормальное, конструктивное развитие общества возможно, когда есть стабильность. А стабильность появляется тогда, когда множество разнообразных интересов структурировано в форме институтов или организаций, ассоциаций, коалиций или движений по каким-либо профессиональным, территориальным или иным интересам на более или менее долговременной основе, т.е. когда сформировано гражданское общество.

В такой системе управление в значительной мере заменено самоуправлением. Достоинство такой системы заключается в том, что в управлении будут участвовать не только центральная власть, а тысячи людей, знающих местные условия, понимающие, как на месте провести то решение, которое ими принято.

Сильная центральная власть и народное самоуправление — два крыла, из которых оба главные. Это такая политическая система в стране, когда правителю принадлежит «сила власти», а народу «сила мнения». «Это не может быть достигнуто, — как писал наш соотечественник Иван Солоневич, — н и к а к и м и «писанными законами», «никакой конституцией», — ибо и писанные законы и конституции люди соблюдают только до тех пор, пока у них не хватает сил, чтобы их НЕ соблюдать»⁶⁴.

Таким образом, антиэтатистский «рыночный капитализм», в фундаменте которого не оказалось ни одного гегелевского принципа, привел Россию на край пропасти по всем направлениям. Поэтому сегодня крайне актуальной является задача серьезной разработки концепции сильного государства с учетом лучших достижений общественно-политической мысли и мирового опыта. Только в сильном государстве могут быть созданы условия для добросовестной работы, повышения эффективности производства, возвращения людям веры в социальную справедливость, т.е. условия для реформирования общества в интересах всего народа.

Примечания

- 1 См.: *Мировая экономика в XX в.: потрясающая картина достижений и серьезных проблем // Международная экономика и международные отношения.* № 1. 2001.
- 2 Там же. С. 14.
- 3 См.: *Вступительное слово к Отчету Президента Всемирного банка Д.Вульфенсона // Общество и экономика.* № 6. 1997.
- 4 См.: *РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Серия 2, экономика.* № 1. 2001.
- 5 Там же. С. 12.
- 6 Там же.
- 7 Там же.
- 8 *Le Monde.* P., 1984, 14 nov. P. 13; *Le Monde.* P., 1985, 30 janv. P. 36.
- 9 См.: *Соколинский В.М. Государство и экономика.* М., 1997.
- 10 *Бурдые П. Социология политики.* М., 1993.
- 11 *Рормозер Г., Френкин А.А. Новый консерватизм: вызов для России.* М., 1996. С. 200.
- 12 Там же. С. 204.
- 13 Цит. по кн.: *Гюнтер Рормозер. Кризис либерализма.* М., 1996. С. 62.
- 14 *Гегель. Конституция Германии // Политические произведения.* М., 1978. С. 65.
- 15 *Гегель. Йенская реальная философия // Работы разных лет.* М., 1972. С. 358.
- 16 *Гегель. Конституция Германии.* С. 153.
- 17 Там же. С. 152.
- 18 Там же. С. 176.
- 19 *Йенская реальная философия.* С. 357.
- 20 См.: *Конституция Германии.* С. 176.
- 21 Там же. С. 151–152.
- 22 Там же. С. 168.
- 23 *Фрагменты к Конституции Германии (1799 г.).* С. 184.
- 24 См.: *О внутренних отношениях в Вюртемберге Нового времени, прежде всего о недостатках Конституции, касающихся управления магистратов.* 1798 // *Политические произведения.* С. 52.
- 25 См.: *Философия права // Соч. Т. VII.* М., 1934. С. 319.
- 26 *О научных способах исследования естественного права // Политические произведения.* С. 250.
- 27 Там же. С. 263.
- 28 См.: *Философия права.* С. 191–210.
- 29 См.: *Народная религия и христианство // Работы разных лет.* М., 1927. С. 49–50.
- 30 Там же. С. 47.
- 31 См.: *Философия духа // Энциклопедия философских наук.* М., 1977. С. 342.
- 32 *Философия права.* С. 263.
- 33 См.: *Народная религия и христианство.* С. 64–65.
- 34 *Отчеты сословного собрания королевства Вюртемберг // Работы разных лет.* С. 450.

- 35 См.: Конституция Германии. С. 173.
- 36 См.: *Нерсесянц В.С.* Политическая философия Гегеля: становление и развитие // *Гегель.* Политические произведения. С. 23–24.
- 37 Философия права. С. 320.
- 38 См.: *Нерсесянц В.С.* Политическая философия Гегеля... С. 49.
- 39 Философия права. С. 299.
- 40 Там же. С. 271.
- 41 *Эрхард Людвиг.* Благополучие для всех. М., 1991. С. 48.
- 42 *Эрхард Людвиг.* Полвека размышлений. М., 1996. С. 40.
- 43 Цит. по кн.: *Эрхард Людвиг.* Благополучие для всех. С. 25.
- 44 *Эрхард Людвиг.* Полвека размышлений. С. 40.
- 45 Благополучие для всех. С. 21.
- 46 Там же. С. 27–28.
- 47 *Рормозер Г., Френкин А.А.* Новый консерватизм: вызов для России. М., 1996. С. 215.
- 48 См.: Morishima, Michio. Why has Japan «succeeded»? // *Western Technologie and the Japanese Ethos.* Cambridge university Press. 1994.
- 49 См.: *Волгин Н.А.* Японский опыт решения экономических и социально-трудовых проблем. М., 1998.
- 50 Там же. С. 38–70.
- 51 Там же. С. 111–133.
- 52 Там же. С. 133–158.
- 53 См.: *Galtung Johan.* On the social of modernization. Social desintegration, atomic/anomie and development. Geneva, 1995.
- 54 См.: *Рормозер Г.* Кризис либерализма. С. 215.
- 55 Там же.
- 56 *Kattner R.* The End of Laissez-Faire, National Purpose and the Global Economic after the Gold War. N.Y., 1999. P. 247.
- 57 *Романова З.* Латинская Америка: комплекс финансовых проблем // *Международная экономика и международные отношения.* № 1. 2000. С. 104.
- 58 *Рывкина Р., Коленникова О.* Дисфункция государства и ослабление социальной безопасности населения России // *Вопросы экономики.* № 2. 2000. С. 67.
- 59 *Капустин Б.Г.* «Свобода от государства» и «свобода через государство»: о нелиберальности посткоммунистической России и ответственности либералов // *Личность и власть.* М., 1998. С. 149.
- 60 Там же. С. 151.
- 61 *Страхов А.* Социокультурные детерминанты и общественные настроения в России // *Международная экономика и международные отношения.* № 1. 2001. С. 70.
- 62 Там же. С. 71.
- 63 См.: *Величко А.М.* Государственные идеалы России и Запада: параллели правовых культур. СПб., 1999.
- 64 *Солоневич Иван.* Народная монархия. М., 1991. С. 42.

Роль государства в процессе модернизации

Теоретическое обоснование феномена модернизации в западной социологии и политологии представляет собой совокупность концепций общественно-экономического и политического развития, призванных объяснить процесс перехода от стабильного (традиционного) общества к быстро меняющемуся обществу индустриального типа. У этого обоснования нет какого-либо одного общепризнанного родоначальника и единой концептуальной основы. Важно подчеркнуть, что под модернизацией понимается более широкий процесс, чем процесс становления капитализма или его развития. При таком подходе модернизация трактуется как эволюционное развитие общества под воздействием факторов социокультурного типа, развития рыночных отношений, повышения сложности структуры и увеличения адаптивной способности общества, возникновения новых форм интеграции как внутри общества, так и вне его. Сегодня правомерно интерпретировать модернизационный процесс и как переход к постиндустриальному обществу, и как процесс эпохальных цивилизационных изменений. В более общем плане модернизацию можно определить как сложный, целостный, глобальный процесс постоянной перемены и обновления, протекающий во всех ключевых сферах жизнедеятельности общества, в том числе в экономике, и под воздействием изменений в ней.

Переход общества на современный высокий уровень технико-экономического и культурного развития предполагает наличие непрерывного устойчивого экономического роста, достаточ-

ного для постоянного возрастания производства товаров и их потребления. В качестве политического условия экономического роста выступает широкое участие населения в политическом процессе или, по крайней мере, наличие демократического представительства в постоянных и избираемых политических органах. В свою очередь, культурной предпосылкой активизации населения является распространение светских рациональных норм, освобождение культуры из-под контроля властной идеологии и усиление влияния на человека деидеологизированных общечеловеческих требований и установок. Развитие социальных отношений обеспечивает освобождение человека от скованности общественной структурой и косных иждивенческих привычек, ведет к возрастанию мобильности, утверждению принципа личной свободы как свободы физического передвижения, социального продвижения, возможности свободного выражения своих убеждений.

Центральная идея концепции модернизации в трудах западных теоретиков — увеличение индивидуальной автономии, возрастание роли личности человека во всех общественных преобразованиях. Прежде всего — это освобождение человека от зависимости, порожденной отчуждением его как производителя всех материальных и духовных благ от собственности на средства производства, преодоление торможения властными структурами процесса изменения общества в сторону расширения свободы проявления творческих созидательных потенций человека.

Особо важно подчеркнуть, что модернизация, по мнению западных теоретиков, предполагает не всякую, а «ответственную» свободу, приносящую пользу обществу, дисциплинированный индивидуализм, ничего общего не имеющий с анархизмом и полностью соответствующий принятым этическим рамкам. Например, М.Вебер различал индивидуализм протестантской этики, способствующий росту общественного богатства, и недисциплинированный гипериндивидуализм, не имеющий позитивных общественных эквивалентов, а Э.Дюркгейм — «моральный индивидуализм», ставший знаменем нашего времени, не препятствующий экономическому росту, и эгоизм, имеющий исключительно негативные общественные последствия.

Для осуществления таким образом понимаемой свободы личности необходимы два фундаментальных условия: во-первых, признание абсолютного характера общечеловеческих моральных ценностей и норм, которые должны ограничивать то-

талитарные притязания государства, общества, класса, социальной группы и т.д., во-вторых, плюрализм в экономической, политической, культурной и других сферах жизнедеятельности общества, что обеспечивается развитием правового государства и гражданского общества с его разнообразными общественными некоммерческими и коммерческими объединениями, союзами, корпорациями, политическими партиями и движениями.

Субъективной предпосылкой всех общественных трансформаций является изменение типа личности в континууме «социальное иждивенчество — социальная активность». Доминирующими чертами личности, как инициатора и свершителя социально-экономических и культурных трансформаций, является способность эффективно функционировать в современной технико-экономической и культурной сферах, уверенно добиваться своих целей, чувствовать себя полезной и нужной обществу.

Свобода мысли, свобода выбора, свобода хозяйственной деятельности опираются согласно представлениям теоретиков модернизационного процесса на принцип рациональности, рационализм.

Более того, утверждается, что вся социальная эволюция зависит от распространения рационального подхода ко всем проблемам жизнедеятельности общества, отчего в конечном счете зависит социальный прогресс.

Наиболее высокий уровень развития определенных форм рациональности, прежде всего экономической, достигается при рациональном сочетании организации крупного производства с частной предпринимательской деятельностью и предпринимательской этикой, обосновывающей максимум предприимчивости и инициативы, что отвечает принципам индустриального, а возможно, и постиндустриального общества.

В концепции модернизации важное место принадлежит гражданскому обществу с максимальной степенью развития социальной активности отдельных общественных групп и объединений. В то же время, и это не противоречит только что сказанному, центральным звеном развитого гражданского общества является свободная личность, определяющая успешное развитие гражданского общества своим уровнем политической культуры и адаптивной способностью к изменяющимся условиям.

Гражданское общество выступает гарантом ограничения всевластия государства, обеспечения плюрализма политических форм и свободы выбора экономической деятельности.

Естественно, что многие теоретики модернизации исходят главным образом из опыта западной цивилизации, для которой было характерно движение от традиционной общности к индивидуальной автономии. Однако практика осуществления процесса модернизации в ряде стран Юго-Восточной Азии и Африки свидетельствует о возможности так называемой вторичной капиталистической модернизации без индивидуализации западного типа, притом даже при усилении, а не ослаблении традиционной культурной модели.

Данный феномен имеет большое методологическое значение, фактически подтвержден, что несмотря на доминирующее положение универсальных характеристик принципа модернизации, о которых говорилось выше, сохраняются в большей или меньшей степени национально-культурные традиции того или иного общества.

Это несколько видоизменяет тезис об индивидуальной автономии, понимаемой как независимость от властных государственных структур, как необходимого внутреннего качества модернизации, в том числе в культурной и экономической сферах. Отсюда рядом авторов ставится вопрос о возможности конвергенции разных общественных типов. Таковы теории коммунального капитализма, рыночного социализма, рыночной экономики на базе смешанной собственности.

Еще более значим в этом плане опыт модернизации в бывших социалистических странах, где господствовала общественная форма собственности на средства производства, а государство играло определяющую роль субъекта индустриализации.

Различные авторы неоднозначно определяют модели, конструирующие процесс модернизации. Это тем более относится к странам, находящимся на разных ступенях и в тех или иных условиях общественного развития. Среди общих признаков обычно называется преобразование локальных рынков в общенациональный, который и является универсальным посредником между относительно независимыми субъектами экономической деятельности, что сводит на нет или, во всяком случае, значительно уменьшает роль внеэкономического принуждения. Признается также, что основой модернизации является индустриализация всех сторон производственной деятельности и быта. Однако при одностороннем толковании такого подхода возникает опасность технологического детерминизма, что особенно недопустимо в постиндустриальном обществе. При всех новых нюансах, видо-

изменяющих первоначальную западническую концепцию модернизации, основополагающим остается положение о существующей активизации роли человека. При этом подчеркивается относительная самостоятельность развития социального целого и особенно отдельных индивидов от эволюции хозяйственных, а еще в большей мере технологических процессов. К тому же следует подчеркнуть, что с каждым новым этапом социального прогресса роль факторов личности неуклонно возрастает.

В литературе отмечается тот важный факт, что становление общей социологической теории связано с успехами постиндустриальных технологий на протяжении 70–80-х годов. Основной момент, влияющий на характер современного общества, как это ни кажется парадоксальным, это сознание и поведение людей, их разнообразие¹.

Важнейшая черта современных теорий общества — понимание изменений окружающего мира как порождаемого изменениями самого человека. Такой подход отражает качественно новый тип социального взаимодействия, что является одной из определяющих характеристик современности.

Перечисленные выше характеристики общества в эпоху модернизации указывают и на новую, гораздо более сложную, более гибкую и более целенаправленную роль государства, его воздействия на механизм рыночных отношений.

В политико-экономическом контексте государство — основной выразитель общенационального интереса, интегратор интересов различных социальных слоев и групп на основе экономического регулирования хозяйственных процессов, а также отношения человека и природы. Другое дело, в какой мере и какому государству это удастся осуществить.

В общем плане в механизме государственного воздействия можно выделить ряд направлений. Во-первых, конструктивное направление на создание новых, более эффективных хозяйственных и других механизмов для компенсации или модернизации прежних. Во-вторых, адаптивное, реагирующее на появившиеся в ходе реформ проблемы и обеспечивающее дееспособность социальной системы общества. В-третьих, деструктивное, направленное на разрушение устаревших, отживших элементов².

В полной мере это относится и к роли государства в регулировании рыночных отношений, хотя эта роль понимается авторами различных концепций в значительной мере по-разному.

Результативность государственного регулирования, *возможность* государства ответить на вызов времени определяются в значительной мере его способностью, опираясь на систему интересов, мобилизовать имеющийся людской, финансовый, материально-технический материал, выявить общенациональные интересы и успешно их реализовать посредством политической и административной власти.

Наименьшую роль государству в процессе модернизации отводит концепция экономического либерализма. Либерализм в сфере экономики отвергает необходимость и целесообразность активного вмешательства в нее государства. Экономический либерализм рассматривает свободное предпринимательство как «естественную» форму рациональной хозяйственной деятельности в условиях стихии рыночных отношений. Механизм свободного рынка считается единственно возможным эффективным регулятором экономической деятельности. Государству приписываются лишь обязанности «ночного сторожа», то есть охраны устоев капиталистического порядка. В афористической форме сущность экономического либерализма выражала формула: «анархия плюс констебль».

Даже решение таких крупных социальных проблем как достижение полной занятости, увеличение реальной заработной платы, обеспечение высокого уровня жизни либерализм считает возможным лишь на основе частной инициативы и свободного предпринимательства.

После второй мировой войны позиции ортодоксального либерализма серьезно ослабели, хотя и продолжают поддерживаться научными школами Л.Мизельса и Ф.А.Хайека. Концепцию либерализма в модифицированном виде продолжает развивать неолиберализм. В отличие от своих предшественников неолиберализм уже не считает, что свободная конкуренция и автоматизм рыночных отношений могут обеспечить эффективное функционирование экономики. Провозглашается принцип «конкуренция — насколько возможно, регулирование — насколько необходимо». Исходя из этого принципа неолибералы считают возможным вмешательство государства в экономику, используя такие экономические инструменты как налоговая и кредитная политика, поощрение экспорта. Но ими отвергается как принцип регламентации цен, а тем более другие виды активной экономической деятельности государства.

Еще более решительно государственное регулирование обосновывается экономической школой кейнсианства, которая исходит из объективной необходимости государственно-монополистического регулирования рыночных отношений. Центральные теоретические идеи кейнсианства — общая теория занятости и принцип эффективного спроса.

Теория Кейнса и его последователей исходит из того, что ключевой проблемой капиталистического производства выступает емкость внутреннего рынка, возможности его расширения на основе роста спроса и предложения. Кейнс доказывал, что с ростом занятости и увеличением совокупного дохода общества возрастает личное потребление и рыночный спрос на предметы потребления, что расширяет возможности производства. Все это делает абсолютно необходимым усиление регулирующей роли государства.

Дальнейшее свое развитие эта концепция получила в неокейнсианстве, исходившем из идеи утраты капитализмом стихийного механизма восстановления экономического равновесия и необходимости по этой причине государственного регулирования экономики. В отличие от кейнсианства неокейнсианство выступает за систематическое и прямое, а не эпизодическое и косвенное воздействие государства на рыночные отношения. Изменяется и само целеполагание государственного регулирования. Если в прежних концепциях речь шла о занятости населения, антикризисном регулировании хозяйства, то неокейнсианство ставит главной целью обеспечить экономический рост, устойчивые темпы экономического развития системы.

Свое практическое воплощение теория кейнсианства нашла в политике Ф.Рузвельта, его «Новом курсе». В условиях жесточайшего экономического кризиса 1932–33гг. Ф.Рузвельт положил в основу своей экономической политики кейнсианскую концепцию занятости и допущения в определенных размерах инфляции. Эти меры позволили резко увеличить емкость внутреннего рынка и стимулировать трудовую и производственную активность в стране. Правительство, Ф.Рузвельт, должно обладать мощными рычагами воздействия на тот бизнес, который пытается встать выше правительства. Было осуществлено целенаправленное государственное регулирование экономики, прежде всего энергетики. Все это позволило США успешно преодолеть жесточайший финансовый кризис.

Важное, можно сказать определяющее влияние на развитие экономического процесса государство имеет в условиях общественной собственности на средства производства, т.е. при социализме. Выступая носителем права владения, пользования, распоряжения общественной собственностью на средства производства, государство от имени общества в директивном порядке определяет важнейшие параметры функционирования подавляющего большинства предприятий страны, уровень оплаты труда и пенсионного обеспечения. Такая тотальная концентрация экономической политической власти позволила государству в условиях мобилизационного этапа развития экономики обеспечить высокие темпы экономического роста, осуществить форсированную индустриализацию, экономически обеспечить победу в Великой Отечественной войне и восстановление народного хозяйства, занять ведущее место в мире по многим признакам макроэкономическим показателям. Тем не менее, какими бы впечатляющими ни были эти успехи, у тоталитарного государства нет стратегического будущего. Такой тип государства рано или поздно приходит в непримиримое противоречие с процессом демократизации общественной жизни. Кроме того, с ним не совместимы и постиндустриальные технологии начала XXI века, когда доминантой технологического прогресса становится человеческий фактор, квалификация работника и уровень его общего развития.

Поэтому модернизация социалистической экономики Советского Союза объективно предполагала тенденцию либерализации роли государства в экономической жизнедеятельности общества. И такая тенденция отчетливо прослеживается в истории нашей страны. Еще в конце 50-х годов были уменьшены плановые показатели, начали организовываться совнархозы, которым передавался ряд полномочий центра. Затем в 60-х годах экономическая реформа А.Н.Косыгина усилила роль хозяйственных показателей и материальной заинтересованности. Еще в большей мере элементы либерализации нашли свое место в период перестройки М.С.Горбачева.

Однако и отечественный, и зарубежный опыт убедительно свидетельствуют о том, что либерализация экономики имеет свои пределы. Какую роль в целенаправленной организации процесса реформирования российского общества может и должно играть современное государство, которое, кстати говоря, на протяжении всей российской истории играло ключевую роль во всех

социально-экономических трансформациях и сдвигах? Реальна ли возможность использовать государственные рычаги для ускорения и организации реформ, или в настоящее время реформа и государство антагонисты, действующие как разнонаправленные силы, которые не могут в принципе иметь одинакового вектора? Эти вопросы оправданы, если принять во внимание, что сущность модернизационного реформирования состоит в отказе от плано-распределительного принципа, осуществляемого государством, и в создании нового типа хозяйства, регулируемого рыночными механизмами спроса и предложения, прибыли и сверхприбыли, предпринимательства и свободной активной индивидуальной деятельности.

Если ответ на поставленный вопрос будет положительным, необходимо раскрыть сущность и особенности государственного регулирования в нашей стране, которое, естественно, не может сводиться к ужесточению налоговой политики и усилению чиновничьего контроля за всеми сферами производства, распределения и обмена. Учитывая всем известную историческую уникальность России, ее неповторимый культурный код, особенности народной психики, сложившиеся веками, в то же время нельзя сбрасывать со счета при решении поставленных вопросов опыт других стран, прошедших соответствующие этапы модернизации и успешно преодолевших разрушительные последствия своих собственных общественных кризисов.

В последнее время политики и экономисты все чаще и чаще обращаются к китайскому опыту мобилизационного реформирования общества, и прежде всего экономики. Многие в этом опыте имеют локальное значение и связано со спецификой стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Но ряд важных элементов «азиатской» модели реформирования, безусловно, представляет общезначимый интерес.

Весьма симптоматично, что Китай вот уже 20 лет (с осени 1978 г.) обеспечивает в стране стабильный экономический рост. Так ежегодный прирост ВВП в Китае составлял в среднем около 10% и каждые 7 лет происходило его удвоение. При реформировании неукоснительно соблюдается принцип: ни в коем случае не допустить снижения уровня экономического развития, что обеспечивает реформаторам широкую поддержку населения.

В чем же секрет такого успеха? Само китайское руководство считает, что его обеспечивают три фактора и их правильное сочетание: социальная стабильность, развитие и реформа. Сначала

ла социальная стабильность как важнейшая предпосылка жизнедеятельности общества, затем развитие как система прогрессивных изменений и, наконец, сама реформа как инструментальное и организованное закрепление наблюдаемых успехов. Китайским руководством придавалось особое значение проблеме стабильности, предупреждения анархии и «ломки», что обеспечивалось всей мощью государства.

Особо может быть отмечена в реформировании экономической системы страны роль китайского государства, выступавшего основным инициатором и исполнителем проводимого реформирования. Государство осуществляло жесткий систематический контроль на всех этапах либерализации экономических отношений, определяя основные параметры макроэкономики, развития государственного и частного сектора.

В процессе модернизации удельный вес государственного сектора в валовой промышленной продукции за годы реформирования снизился с 70% до 40%. Однако, что чрезвычайно важно отметить, не за счет умаления роли государственного сектора. Существенное внимание уделялось и реформированию самого государственного сектора, его адаптированию к специфике товарно-денежных отношений. Были разграничены функции хозяйственных, правительственных и партийных органов, тогда как в прежние годы часто практиковалось совмещение постов партийного и хозяйственного руководителя. Предприятия были переведены на принципы коммерческой деятельности, что означало предоставление свободы решения хозяйственных вопросов, т.е. что и в каком количестве производить. Была введена практика двойного прецедента цен, при которой часть продукции реализовывалась по фиксированным ценам, а сверхнормативная часть — по свободным рыночным ценам. Была введена в действие система банкротства убыточных предприятий. Все большее распространение стало получать акционирование.

Характерная черта китайского реформирования — градуализм, постепенность, что дало китайскому руководству возможность избежать серьезных просчетов в крупных масштабах. Только в 1997 г. после долгих дискуссий была начата структурная реорганизация промышленного госсектора. В течение трех лет планируется приватизировать 300 тыс. (из 370 тыс.) мелких и средних государственных предприятий. Тысяча крупных и стратегически важных предприятий будет пользоваться финансовой поддержкой государства и реорганизовываться в современные вертикально интегрированные корпорации.

Характерная черта китайской реформы — выбор последовательности ее осуществления. Она началась с сельского хозяйства, затем была проведена «малая индустриализация» — развитие малого и среднего предпринимательства, частичное реформирование финансовой системы. Первый коммерческий банк появился в стране только в конце 1995 г. Завершение коммерциализации банковской системы и введение в нее мировых стандартов *было* намечено лишь к 2000 году. Государственные банки КНР на протяжении 20 лет реформ были главным рычагом распределения кредитных средств в реальном секторе экономики в соответствии со стратегией развития и упрочения национальной экономики и с учетом намеченных государством приоритетов: энергетика, автомобилестроение, электроника и т.д.³.

По существу, противоположный опыт государственного регулирования экономики демонстрирует аргентинская модель экономического реформирования. Весь комплекс реформаторских мер здесь связан с приватизацией, открытостью внутреннего рынка для импорта товаров и инвестиций такой кредитно-финансовой системы, при которой возможность эмиссии денег была поставлена в зависимость от валютных резервов Центрального банка. Национальная валюта — песо — была жестко привязана к доллару. В результате валютная политика, а точнее доллар, выполняла роль рыночного регулятора, определяющего ход всех макроэкономических и социальных процессов. Практически Аргентина отказалась от кейнсианской идеи стимулирования национальной экономики за счет валютного демпинга.

Стабильность иностранной валюты и создание выгодных условий для развития бизнеса, особенно зарубежного, способствовало тому, что в аргентинскую экономику хлынули инвестиции, что обеспечило высокие среднегодовые темпы роста производства и ВВП. Однако были и негативные стороны такого реформирования. Прежде всего, это очень высокий процент безработицы (1966 г. — 13,7%, в 1997 г. — уже 17,3%).

Опыт аргентинской экономической реформы предлагался некоторыми политическими деятелями России (Б.Федоров) в качестве образца для России. Однако представляется, что экономические условия Аргентины существенно отличаются от российских. Аргентинская экономика не является самодостаточной, и в результате реформирования она оказалась полностью интегрированной в американскую экономику и финансовую систему и, следовательно, стала зависимой от последних. Нельзя не

принимать во внимание и социальные последствия аргентинской модернизации (рост безработицы). Социальная напряженность в России достигла предельного рубежа, и ее дальнейшее углубление и усиление неприемлемо ни в экономическом, ни в политическом отношении. В то же время многие элементы китайской реформы могли бы быть взяты нами как пример для модернизации российской экономики.

К сожалению, модернизация российской экономической системы велась под лозунгом борьбы с государственностью и искоренения этатизма. Был выбран именно такой тип реформирования, который проводился к тому же эклектично и непрофессионально.

Невиданные в мировой практике темпы и масштабы приватизации обширной государственной собственности привели к тому, что в результате она стала функционировать малоэффективно. Весьма негативно отразился на общем состоянии экономики выбор либерализации финансовой системы в качестве первоочередной задачи. Возникшие как грибы многочисленные коммерческие банки делали деньги «из воздуха», наживаясь на финансовых спекуляциях и не собираясь обслуживать реальный сектор экономики.

Либерализм модернизации сочетался в процессе российского реформирования с отчетливо выраженными элементами монетаризма. В результате монетаристской практики реформирования экономики страны усилились приоритеты финансово-торгового капитала в ущерб непосредственно производственному. Более того, фактически произошел распад экономического пространства страны на два малосвязанных между собой сектора — спекулятивных операций и реальной экономики.

Первый характеризуется сверхвысокими прибылями и высокой скоростью обращения денег, второй — низкой оборачиваемостью средств и высокими рисками, связанными с неустойчивой конъюнктурой и хаотичным развитием производственных связей.

Развиваясь в рамках концепции монетаризма, российский финансовый и потребительский рынок во все большей степени попадает под воздействие иностранного капитала. Государство практически потеряло контроль над ключевыми отраслями экономики. Все это не только негативно сказывается на развитии экономики страны, но и ведет к потере государственного суверенитета.

Нарастающее сокращение доходной части бюджета до недавнего времени компенсировалось наращиванием государственного долга за счет прогрессирующей эмиссии государственных обязательств под сверхвысокий процент, который многократно превышал норму прибыли в реальном секторе экономики. События 17 августа 1998 г. наглядно показали ущербность такой политики. Иначе и не могло быть. Внешний долг страны — самый большой в мире, и следует иметь в виду: реальные источники его погашения отсутствовали. Внутренний же долг превышал налоговые поступления в бюджет. Система государственных финансов оказалась заложницей самовозрастающих государственных финансовых обязательств по государственным кредитным облигациям (ГКО).

В результате осуществления радикальных реформ произошла глобальная и вряд ли обратимая трансформация экономической сферы в сторону рыночных отношений. Но это не привело к экономическому росту и повышению материального благополучия населения. Напротив, наблюдается совершенно противоположный процесс — распад производственной сферы и обнищание населения. Яркое подтверждение этому — соотношение предельно-критических и реальных показателей развития российского общества⁴.

Все это говорит о том, что практически можно констатировать процесс деиндустриализации страны. Произошло снижение объемов промышленного производства на 95%, в том числе и по базовым товарным группам.

Результатом стратегических и тактических просчетов в проведении реформы стал почти двукратный спад производства. По объему внутреннего валового производства Россия более чем в десять раз уступает США, в пять раз — Китаю, втрое — Германии и Индии, оказавшись отброшенной уже не во вторую, а в третью десятку государств мира. Если же говорить о показателях экономического развития в расчете на душу населения, страна находится на уровне таких слаборазвитых стран, как Алжир или Панама.

Усиливается крайне опасная тенденция деградации интеллектуального потенциала страны, быстрое ухудшение состояния образования и науки.

Налицо процесс деградации сельскохозяйственного производства. Ставка на фермерские хозяйства в силу ряда объективных причин, в том числе и отсутствия необходимого финансирования, не оправдала себя, под угрозу поставлена продовольственная безопасность страны.

Разрушительные последствия либеральных реформ особенно пагубно сказались в социальной сфере. Усилился процесс поляризации населения. Так соотношение доходов 10% наиболее обеспеченного и 10% наименее обеспеченного населения по разным оценкам составляет 13–24 раз, что намного выше, чем в экономически развитых странах и в бывшем СССР.

Систематическая многомесячная задолженность заработной платы и пенсий стала печальной практикой, вызвав справедливые протестные акции, получившие в последнее время политическое звучание. Особое беспокойство вызывает демографическая ситуация в стране: сокращение численности населения, его старение, падение рождаемости, рост смертности, в том числе младенческой. Усиливается заболеваемость тяжелыми инфекционными заболеваниями. Особенно тревожит вспышка, казалось бы, забытых болезней, таких как туберкулез и другие.

Исключительно серьезным показателем деформации социальных отношений является уровень безработицы. С началом реформирования ее удельный вес в структуре населения быстро возрастает. Изменяется и качественная характеристика безработицы. Если в первые годы реформ она имела «женское лицо», то затем распространилась и на мужскую часть населения. К середине 1998 г. безработица составляла почти 12% экономически активного населения. Финансовый обвал 17 августа 1998 г. пагубно повлиял и на занятость населения, увеличив число безработных за счет ранее относительно благополучной банковской сферы деятельности, закрытия многих совместных предприятий и т.п. В решении проблемы безработицы важная роль в теоретическом плане принадлежит государству. Однако на практике российское государство оказалось бессильным. Деятельность государства в этом острейшем социальном вопросе ограничилась лишь созданием бюро по трудоустройству, то есть посреднической миссией.

Среди болевых точек сегодняшней российской действительности одно из ведущих мест занимает преступность, в том числе тяжкие преступления, заказные убийства. Произошла криминализация всех сфер экономики, быстрое развитие теневого и полутеневого бизнеса.

Во многом перечисленные выше негативные аспекты российской модернизации связаны с резким ослаблением экономической роли государства, с упадком самого института государственности. Специфика российской модернизации связана в значительной мере с тем, что при ослаблении функций государ-

ства в экономике неизмеримо возросла значимость чиновничества, от которого зависело «пустить или задержать», затормозить процесс или дать ему зеленую улицу. Вследствие этого неизмеримо усилилась коррумпированность чиновничьего аппарата. Справедливо говорится сейчас, что самые «выгодные» инвестиции в России — это инвестиции в чиновничество. Отождествление рыночной экономики с устранением государства из экономического процесса можно интерпретировать лишь как локальный феномен. Симптоматично, что в одном из обзоров мирового развития, специально посвященного роли государства, мировой банк привел данные, касающиеся всей группы высоко развитых стран мира, входящих в организацию экономического сотрудничества и развития. В 1870 г. доля расходов государств в ВВП этих стран составляла в среднем 8%, в 1937 г. она увеличилась до 15%, в 1989 г. — до 43–44%, а в 1996 г. — до 48–49%.

Приведенные выше факты и соображения требуют внимания особенно в свете нападков либерал-экономистов на меры по стабилизации социально-экономического положение в стране, разрабатываемые в настоящее время. Эти меры предусматривают активную роль государства в сфере кредитной и таможенной политики, поддержку приоритетных сфер производства, развитие протекционизма. Предполагается больше внимания уделять деятельности государства как субъекта экономического процесса, его влиянию на работу предприятий государственной собственности.

Без усиления роли государства невозможно обеспечивать стабильность в обществе, предотвратить возможность возникновения хаоса и криминального беспредела. Никто другой, как государственный аппарат, не обеспечивает функционирование в строгом режиме важнейших государственных институтов, ответственных за сохранение общественного порядка, за стабильность и равновесие всей общественной системы. К числу этих институтов, в первую очередь, относятся армия, правоохранительная, судебная и пенитенциарная системы. Без государственной инициативы не может быть создан правовой фундамент реформирования, а без последнего не получают распространения и поддержки новые рациональные нормы общественного поведения, опирающиеся не на религию, идеологию или традицию, а на закон и право.

Государство, осуществляя переворот в экономических отношениях, определяет последовательность реформ и решает, что важнее для страны в данное время.

Рынок невозможен без товара, и, чтобы обеспечить его наличие, нужна основа в лице сельскохозяйственного производства, малого и среднего предпринимательства. Государственный сектор не может быть подвергнут разбазариванию и разгрому, поскольку в нем сосредоточена оборонная промышленность, обеспечивающая внешнюю безопасность страны, а также основная масса промышленных предприятий, обеспечивающих индустриальную базу страны. Промышленный государственный сектор может быть реформирован только частично, без ущерба для всей экономики страны.

Главными рычагами распределения денежных средств в соответствии с требованиями развития и укрепления национальной экономики являются государственные банки, и все реформирование государственной финансовой системы в коммерческую должно было бы не начинать процесс реформирования, а завершать его. Только государственные банки могут в переходный период осуществлять распределение кредитных средств в реальном секторе экономики в соответствии с определяемыми государством приоритетами первоочередного развития отраслей народного хозяйства, таких как энергетика, электроника, приборостроение, самолетостроение и другие.

Иными словами, без дирижирующей руки государства осуществление реформ невозможно. Альтернативой является хаос, неразбериха, развал всех важнейших жизненно важных участков народного хозяйства, вслед за которым закономерно следует банкротство всей общественной системы.

Экономические и социальные реформы могут быть успешными только в том случае, если реформаторы будут опираться на собственный экономический и социальный потенциал, сильную государственную власть, играющую ведущую роль в планировании и управлении социально-экономическими изменениями. Наукоемкое, основанное на передовых технологиях производство, воплощающее в себе современный уровень научно-технического прогресса, должно стать основной заботой государства. Сфера государственного патронажа должна охватывать образование, науку, здравоохранение, культуру, сельское хозяйство. Не следует понимать это как возврат к административно-командной роли государства, совсем наоборот. Как уже подчеркивалось, задача государства — создание основ правового регулирования рыночных отношений, без чего рынок превращается в воровской притон, в котором господствуют мафиозные структуры, нуждающиеся в правовом беспределе как в воздухе. Они препятствуют право-

вому регулированию рыночных отношений, выработке твердых правовых основ, законодательной базы хозяйственных и рыночных отношений.

Государство не должно выпускать из своих рук контроль над теми отраслями народного хозяйства и сферами жизнедеятельности, которые носят общенациональный характер, такими, например, как транспорт, связь, телевидение. Государство не может относиться безразлично к основным приоритетным отраслям отечественной промышленности, например, таким как самолетостроение, приборостроение, аэрокосмический комплекс, судостроение, информационные технологии и другие, которые могут быть конкурентоспособными на мировом рынке и могут оправдать государственную материальную поддержку. Государство не может не субсидировать аграрный сектор, без чего не обходится ни одно сельское хозяйство в мире. Наконец, недра, естественные богатства могут эксплуатироваться частными компаниями, но прибыль должна идти не одним компаниям, но также государству и непосредственно гражданам, налогоплательщикам, своим трудом создающим новые технологии для разработки недр и являющимся их собственниками.

Деятельность властных институтов также должна быть сосредоточена на разработке законов, нормативно-правовых актов, в соответствии с которыми должны решаться социально-экономические проблемы, осуществляться государственная федеральная политика, определяющая характер взаимоотношений между центром и субъектами федерации и, естественно, формировать весь механизм их реализации.

Очевидная опасность потерять единое и неделимое российское государство заставляет сформулировать задачи, которыми должен заниматься федеральный центр, определить принципы региональной политики, которые должны реализовываться в субъектах федерации и которые способны наладить разумное взаимодействие между ними. Чем больше центр будет перекладывать на регионы решение проблем и не участвовать в их реализации, тем больше регионы будут стремиться к собственному «экономическому суверенитету» и меньше нуждаться в федеральном центре. Эту опасную тенденцию отмечают и некоторые зарубежные исследователи.

При переходе от административно-командной системы к рыночной не исключаются администрация и управление. На любом предприятии, даже частном, существует администрация и руководитель, который отдает команды и делает распоряжения.

Переходя от жесткой планово-распределительной системы к системе рыночных отношений, мы должны отдавать себе отчет, что следует сохранить от прежней системы, что частично модернизировать, от чего отказаться. Противопоставлять планирование беспредельно свободным рыночным отношениям нецелесообразно, поскольку планирование осуществляется и во многих капиталистических странах. Реформаторы сделали все возможное, чтобы убить самое сердце системы — планирование, заявив, что рынок сам себя сформирует. Это была грубейшая ошибка, за которую теперь расплачивается страна.

Планирование, являющееся одной из функций управления, не может быть облечено в старые формы. Это должно быть планирование, опирающееся на маркетинговую деятельность, осуществляемое на основе данных изучения рынка. Идея о том, что рынок сам все сформирует, привела к потере управляемости и экономическому хаосу в стране.

Дальнейшее развитие во многом зависит от того, как сложится настоящая, ответственная перед обществом, граждански состоятельная хозяйственная и политическая элита. Характеризуя кадровый состав элиты сегодняшней России, можно выделить четыре основных категории. Это «олигархи» или финансовые воротилы, представители криминального теневого капитала, представители номенклатуры и так называемые «наивные предприниматели», поверившие в свободу предпринимательства. Они использовали свои скромные накопления, чтобы открыть свой бизнес, и многие из них разорились.

Достаточно ли этой базы для формирования российской государственной элиты? Нет. В России в настоящее время нет элиты, которая бы способствовала развитию и укреплению государства, которая подобно Форду, Гейтсу и другим вкладывала бы свой капитал и свой ум в развитие национальной промышленности.

Принципы, которые создали основу Советского Союза — унитарного государства с жесткой централизацией всех видов и управления, себя изжили. Мы переходим к строительству рыночных отношений, которые в корне меняют отношение к собственности, они восстанавливают самый главный социалистический принцип «каждому по труду». Это значит, что в основе нажитого капитала должен лежать честный труд, а не криминал. Люди должны быть уверены и в честности государства, должны быть спокойны, что их деньги не украдут. Государственная власть — надежная и цивилизованная — крайне необходима России, без нее не мобилизовать творческую энергию трудолюбивых, порядочных и честных людей, которых так много в нашей стране.

Примечания

- ¹ См.: *Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества. М., 1998. С. 154.
- ² См.: *Покосов В.В., Орлова И.Б.* Пятилетка № 13. Взлеты и падения. М., 1996.
- ³ См.: *Симония Н.А.* Уроки китайских и южнокорейских реформ. Вестник Российской Академии Наук. Т. 68. № 8, август 1998.
- ⁴ См.: *Осипов Г.В.* Россия: национальная идея. Социальные интересы и ориентиры. М., 1997. С. 47–48.

**Поучительный опыт (теория и практика осуществления
этатистской модели модернизации
в странах Азиатско-Тихоокеанского региона)**

Понятия «этатизм», «этатистский», «этатистская модель» и т.п. в современной российской научной литературе и публицистике, как правило, употребляются в негативном смысле, ибо они отождествляются с **насилованным вмешательством государства** в экономическую жизнь общества. Это означает создание обширного государственного сектора экономики, овладение налоговыми, финансовыми, инвестиционными, кредитными средствами экономического регулирования, регламентацию хозяйственной деятельности, использование методов жесткого централизованного планирования, контроль за распределением и т.п. В социально-политической и правовой сферах этатизм обычно сводят к ужесточению бюрократического административного контроля; использованию суровых мер пресечения всех действий, направленных на подрыв общественного порядка, ограничению свобод и прав человека, преследованию инакомыслия. Между тем практика последних десятилетий в целом ряде стран Азиатско-Тихоокеанского региона свидетельствует о том, что подобная трактовка этатизма страдает упрощенчеством, отдает анахронизмом.

Есть этатизм и этатизм. Есть **этатизм**, который не оправдан никакими объективными причинами, когда он продиктован субъективными устремлениями политических лидеров, программными установками политических движений и партий. И есть другой **этатизм** — тот, который выступает как необходимое средство модернизации, помогающее преодолеть отсталость страны, прежде всего экономическую.

Очевидно, что в Советском Союзе модернизация была осуществлена на основе этатистской модели. Отвлекаясь от того, насколько она соответствовала конкретным историческим условиям тогдашнего периода, и не забывая о связанных с ее осуществлением огромных человеческих жертвах, нельзя вместе с тем не признать, что эта модель позволила превратить Советский Союз в развитое в индустриальном отношении государство. Однако если существование такой модели модернизации в 30–40-е годы еще как-то можно было объяснить, то сохранение ее в последующее время явно противоречило объективным потребностям развития *советского* общества. Гипертрофированная роль государства в экономической и политической жизни общества выражалась во многих формах. Централизованное планирование промышленного и сельскохозяйственного производства доходило зачастую до абсурда, когда план выпуска продукции определялся до мельчайших подробностей. Имели место диктат плана — в ущерб самостоятельности предприятий с *акцентом* на роль указаний сверху и диктат из *Центра* — в ущерб местной инициативе. Строгой регламентации *подвергались* многие стороны общественной жизни, государство порой вмешивалось в мельчайшие подробности личных взаимоотношений граждан. Так было не только в Советском Союзе, так было и в Китае в период после победы народной революции в 1949 году и вплоть до завершения «культурной революции» в 1976 году.

В этом случае возникает вопрос. Можно ли всегда обойтись без сильной, **очень сильной** роли государства на этапе создания индустриального и постиндустриального общества либо в период перехода от плановой экономики к рыночной. Практика таких стран, как Россия и Китай, подтверждают, что нельзя.

После 1991 года в России была значительно ослаблена роль государства в экономике, прекращено планирование промышленного и сельскохозяйственного производства, одномоментно произведен отпуск цен, в течение короткого периода времени запущен механизм рыночных отношений. Результаты «шоковой терапии» общеизвестны — громадный спад производства, обнищание значительной части населения и, как следствие, политическая и межнациональная нестабильность.

Со всем иными результатами демонстрирует опыт последних более чем двадцати лет развития Китайской Народной Республики. К концу 1978 года — началу периода реформ — страна резко отставала от ведущих индустриальных держав мира, по-

давящее число населения жило в условиях бедности. В настоящее время КНР является динамично развивающимся, мощным в промышленном отношении государством. В нем произошел резкий скачок в росте промышленной и сельскохозяйственной продукции, создана современная индустрия, выпускается почти вся номенклатура промышленных изделий. Рынки западных стран, прежде всего США, полны китайскими товарами, решена продовольственная проблема; более того, сельскохозяйственная продукция экспортируется. Значительно улучшилась обеспеченность населения жильем, резко вырос его жизненный уровень¹, цены на основные продукты питания стабильные, *инфляция сравнительно небольшая*, имеются большие резервы иностранной валюты. Китай успешно доказал другим странам то, что не мог доказать Советский Союз — преимущество своей модели модернизации. Изобилие разнообразных товаров собственного производства и возможность их приобретения лучше любых лозунгов убеждают китайских граждан в преимуществах «социализма с китайской спецификой».

Достижения Китая в осуществлении модернизации обусловлены правильным выбором стратегических целей и адекватных тактических средств в их осуществлении. При этом успех стратегии и тактики китайских коммунистов обеспечивался тем, что важнейшим **методологическим принципом модернизации** являлся **принцип постепенности** или, как принято говорить, **градуализм**.

Политика «шоковой терапии» была отвергнута сразу же, поскольку то, что могло подойти для сравнительно небольших стран, было явно неприемлемо для большой в территориальном отношении страны с громадным и многонациональным по составу населением. Сюда следует добавить большой разрыв в уровне развития различных регионов, отсутствие компетентных профессионально подготовленных кадров, очевидный недостаток финансовых, материальных ресурсов и, что очень важно, неразработанность многих теоретических вопросов и одновременно с этим сильное влияние догматических представлений.

Выдвинув в конце 1978 года в качестве стратегической перспективы в области промышленности, сельского хозяйства, науки и техники, военного дела задачу «четырёх модернизаций», китайское руководство на первом этапе сделало упор на развитие сельского хозяйства. Кооперативная форма хозяйства была ликвидирована, введен семейный подряд, при котором земля, оставаясь государственной собственностью, была передана в пользование крестьянским дворам сроком на 20 лет².

Подобная мера, как принято говорить в Китае, «развязала жизненные силы крестьян», в результате начался быстрый рост сельскохозяйственной продукции, который продолжается вплоть до настоящего времени. Как также принято говорить в Китае, «была решена проблема накормить людей». Из более чем одного миллиарда трехсотмиллионного населения в Китае, по официальным данным, только 50 млн. человек испытывают проблемы с питанием. Поставив в качестве первой стратегической задачи решение продовольственной проблемы, китайские лидеры отчетливо показали, что, в отличие от советского руководства доперестроечных лет, а также М.С.Горбаева и Б.Н.Ельцина, они следуют ортодоксальным марксистским догмам. Достаточно вспомнить хрестоматийное высказывание Ф.Энгельса из «Людвига Фейербаха и конца классической немецкой философии» о необходимости иметь пищу, одежду, жилище, прежде чем заниматься наукой, искусством, политикой. Следует добавить, что к настоящему времени в Китае создана мощная отечественная индустрия по переработке сельскохозяйственной продукции. В крупных городах появилось большое количество современных торговых предприятий, где можно купить любые продукты.

В отличие от России в Китае отпуск цен на промышленные и особенно на продовольственные товары осуществлялся **постепенно**. В течение примерно десяти лет после начала реформ существовала карточная система. Первоначально регламентировался отпуск 36 видов товаров, по мере заполнения рынка их количество уменьшалось, причем данный процесс, мы повторяем, происходил **постепенно**, дольше всего сохранялись карточки на рис, муку, растительное масло.

Точно так же **постепенно**, а не одномоментно шел процесс создания других институтов рыночной экономики — частных предприятий в торговле и промышленности, фондовых и сырьевых бирж, инвестиционных компаний, коммерческих банков и т.п.³. Таким образом, рыночные отношения **постепенно** входили в жизнь китайского общества, что безусловно облегчало процесс приспособления к ним широких масс населения, делая этот процесс для него более или менее безболезненным.

В пользу постепенности осуществления модернизации говорило и такое немаловажное обстоятельство, как демографическое бремя — громадная численность китайского населения. Быстрый переход к рыночным отношениям неизбежно привел бы к появлению огромной армии безработных. После введения

в деревне семейного подряда в сельской местности появилась избыточная рабочая сила. Частично *эта проблема* решается посредством создания предприятий местной промышленности, которая в последние годы получила в Китае большое развитие. Тем не менее число безработных растет. Неудивительно поэтому, что реформирование государственных предприятий идет медленно, на многих из них сохраняются «лишние рабочие руки» (яркий тому пример — государственные торговые предприятия в городах).

Постепенно шел и процесс формирования концепции модернизации, «социалистической модернизации», *как принято говорить в Китае*. На уровне официальной идеологии эта концепция получила название «социализм с китайской спецификой» или «теория Дэн Сяопина». Почему Дэн Сяопина? Потому что именно ему принадлежит главная заслуга в выработке концепции модернизации, он действительно является архитектором китайских реформ.

М.С.Горбачев и в период так называемой перестройки, и после нее постоянно делал и делает упор на то, что ему «мешали консервативные силы в партии». Точно такую же позицию демонстрировал и Б.Н.Ельцин. Он постоянно обвинял своих политических противников, прежде всего коммунистов, в противодействии проводимым им реформам.

Было бы наивно предполагать, что в Коммунистической партии Китая, в ее руководстве не было людей, не согласных с курсом Дэн Сяопина, или просто колеблющихся, сомневающихся, не понимающих происходящих перемен. Такие люди были, и их численность была достаточно большой (дело сейчас не в персоналиях, а в существе вопроса). Но Дэн Сяопин сумел сделать модернизацию страны делом всей Коммунистической партии и всего общества. Проблема заключается не в наличии или отсутствии политической воли, которой, кстати, у Б.Н.Ельцина в отличие от М.С.Горбачева, кстати, хватало с избытком, а в отсутствии у них не только какой-либо цельной программы экономических и социальных преобразований, но и просто каких-либо серьезных продуманных идей, соображений на этот счет. Речь идет и о том, что и у М.С.Горбачева, и у Б.Н.Ельцина не было ясного, четкого представления, как подступиться к реформированию советской экономики. Провал реформ под лозунгами «ускорение», «демократизация», «больше социализма, больше демократии», «шоковая терапия», моментальная, мгновенная приватизация свидетельствуют в пользу нашего утверждения.

В отличие от М.С.Горбачева и Б.Н.Ельцина Дэн Сяопин не только четко представлял себе, от чего нужно отказаться, но и ясно видел узловые моменты социально-экономического развития китайского общества на ближайшую перспективу. Конечно, в 1977–78 гг., да и позднее у него не было оформленной программы модернизации, зачастую он шел неизведанным путем, действовал методом проб и ошибок (недаром в Китае любят говорить: «Мы ищем, пробуем», «Мы в поиске», и тому подобное), однако Дэн Сяопин знал точно, выражаясь словами В.И.Ленина, какое звено в данной цепи событий является главным, за какое звено необходимо ухватиться, чтобы вытащить всю цепь. Он обладал умением предугадывать события.

В этой связи достаточно сослаться на его действия в июне 1989 года. Приказ о вступлении войск на площадь Тяньаньмынь был отдан лично Дэн Сяопином. Можно предположить, насколько трудным для него было это политическое решение, однако соображения о будущем Китая перевесили все негативные последствия его принятия. Очевидно, что Дэн Сяопин исходил из того, что политическая нестабильность, могущая возникнуть из-за *затянувшегося пребывания* на площади Тяньаньмынь студентов, чревата серьезными осложнениями для дела модернизации страны.

Будучи харизматическим лидером, Дэн Сяопин умел навязывать свое мнение и свою политическую волю ближайшему окружению, партии и массам. Он говорил на простом, понятном для них языке, «не витая в эмпиреях». Его меньше всего интересовало, насколько, с одной стороны, те или иные программные лозунги или практические мероприятия соответствуют ортодоксальным марксистским догматам, положениям из трудов классиков марксизма-ленинизма, а с другой стороны — совпадают с практикой «социалистического строительства» в Советском Союзе, в странах Восточной Европы, в Азии. Его интересовал конечный результат — насколько та или иная идея результативна в практическом смысле слова, имея под этим в виду, насколько она способствует росту экономического потенциала Китая, повышению жизненного уровня населения. Дэн Сяопин был прагматиком до мозга костей. Вспомним его высказывание: «Не важно, какого цвета кошка — черного или белого, важно, чтобы она ловила мышей». Но *нельзя также сказать, что прагматизм полностью определял его практические действия.* Утилитарный подход Дэн Сяопина к социальной практике имел под собой глубокое основание — **национальные интересы Китая.**

Дэн Сяопин был скорее великим китайским националистом, чем великим китайским марксистом, в лучшем случае великим китайизированным марксистом Китая. Будучи харизматическим лидером, Дэн Сяопин умел преодолеть консервативные догматические представления работников партийного и государственного аппарата, инерцию масс, устоявшиеся порядки и настроения.

Пример Дэн Сяопина подтверждает очевидный факт великой исторической роли политических лидеров в общественном развитии. Хотя принято говорить, что история не знает сослагательного наклонения, тем не менее можно предположить, что если бы не Дэн Сяопин, развитие Китая могло пойти по другому пути. В марксистской литературе, как правило, преувеличивалась роль народных масс в общественном развитии, а личности фактически отводилась второстепенная роль как простого выразителя их воли и устремлений. Обычно это облекалось в формулу: «личность выражает общественные потребности эпохи», причем часто ссылались на известное высказывание Ф.Энгельса о том, что выдающаяся историческая личность появляется тогда, когда в этом есть общественная необходимость. Тезис о фатальной предопределенности появления великих персонажей истории несомненно страдает серьезными изъянами, о чем свидетельствует история России последних десяти лет. Но в случае с Дэн Сяопином этот тезис действительно «работает». Дэн Сяопин появился именно в тот момент, когда предстояло решать грандиозную задачу смены модели социально-экономического развития Китая.

К тому, что мы говорили о нем выше, следует добавить и следующее. Дэн Сяопин, безусловно, обладал выдающимися интеллектуальными способностями, талантом организатора и политического руководителя, умением безошибочно принимать нужные решения. Эти качества ценили в нем не только его сторонники, но и те, кто не разделял его взгляды по тем или иным вопросам. К последним можно отнести и самого Мао Цзедуна, который в начале 60-х годов был не согласен с позицией Дэн Сяопина по ключевым вопросам экономического и политического развития в стране. Именно поэтому в начале культурной революции он был *объявлен* «вторым человеком в партии и государстве, находящимся у власти и идущим по капиталистическому пути» («первым человеком» оказался Лю Шаоци), и был отправлен в ссылку в деревню. Однако в 1972 году Дэн Сяопин был возвращен в Пекин, где занял пост заместителя Премьер-

Министра (то есть Чжоу Эньлая). Факт этот свидетельствует о том, что как бы Мао Цзэдун в тот или иной момент ни относился к нему, он высоко ценил его организаторские способности.

К достоинствам Дэн Сяопина следует отнести его способность самокритично оценивать свою деятельность, умение извлекать уроки из допущенных ошибок. В 1957 году, занимая пост генерального секретаря партии, он был одним из инициаторов и руководителей «движения борьбы против правых элементов», в ходе которого многие члены партии и беспартийные, преимущественно представители интеллигенции, были репрессированы. Впоследствии, видимо, под влиянием негативных результатов этого движения Дэн Сяопин стал противником действий левацкого характера. Ему было присуще чувство нового, он постоянно выступал с неординарными предложениями, явно противоречащими ортодоксальным марксистским догмам.

Достаточно сказать, что еще в 1981 году (!) Дэн Сяопин заявил, что интеллигенция является частью рабочего класса, включив ее тем самым в состав руководящей политической силы общества. В те годы советский официальный марксизм из книги в книгу, из статьи в статью продолжал повторять одну и ту же мысль о том, что интеллигенция является социальной прослойкой, историческое предназначение которой состоит лишь в том, чтобы обслуживать либо буржуазию, либо рабочий класс. Придавая интеллигенции новый, более высокий социальный статус, Дэн Сяопин тем самым выводил ее из-под удара различных идеологических и политических кампаний. Именно этим соображением, по-видимому, он тогда руководствовался. Что же касается того, насколько данное положение соответствовало бытовавшим тогда внутри и вне Китая марксистским догмам, — это его не интересовало. Ему нужно было сделать интеллигенцию активной силой модернизационного процесса, для чего требовалось переломить существовавшее среди части партийных работников нигилистическое к ней отношение.

Творческие представления Дэн Сяопина формировались под влиянием негативного опыта «большого скачка» и «культурной революции». Очевидно и то, что он пришел к своей модели общественного развития Китая в результате осмысления опыта модернизации других стран и регионов Восточной Азии, в том числе Тайваня, независимо от того, говорил он об этом или нет. Их опыт привлекал его потому, что между ними и Китаем было много общего в историческом развитии, культурных ценностях.

Печальный опыт социальных экспериментов первых двадцати лет существования КНР убедил Дэн Сяопина в пагубности избранного партией курса. Достижения «четырёх драконов» дали возможность осознать новые перспективы в случае изменения модели модернизации.

Прежде всего Дэн Сяопин понял, что в такой стране, как Китай, ключ к решению всех внутренних проблем лежит в деревне, поэтому он начал реформы с преобразований в сельском хозяйстве. Далее, Дэн Сяопин решительно пошел на открытие Китая для внешнего мира, развитие широких экономических, торговых, научных связей с другими странами, прежде всего с США, Японией, Западной Европой. Наконец, он осознал органические пороки советской модели общественного развития, отказавшись от тех мифов, которым поклонялся Мао Цзэдун, боровшийся против Советского Союза не только по национальным причинам, но и потому, что его руководители якобы изменили принципам социализма, вступили на путь ревизионизма. Что же касается Дэн Сяопина, то он отказался от советской модели не по идейно-политическим, а по чисто прагматическим, экономическим мотивам: все страны, избравшие ее модель, неизбежно оказывались в кризисном состоянии.

Как мы уже отмечали, формирование концепции «социализма с китайской спецификой» или *создание* «теории Дэн Сяопина» также шло **постепенно**. Если сравнить ее нынешнее содержание с тем, которое вкладывалось в нее еще десять лет назад, не говоря уже о более раннем периоде, то между ними очевидно большое различие. На рубеже 70–80-х годов в этой концепции не было ни слова о рынке, употреблялось понятие «социалистическая плановая экономика». Позднее при интерпретации этого понятия начинают говорить о возможности существования при социализме рыночных отношений, при этом вначале подчеркивалась первостепенная роль плана. Наконец, появляется понятие «социалистическая рыночная экономика», которая означает сосуществование плана и рынка.

Точно так же обстояло дело с частной собственностью: первоначально допускалось ее фактическое существование, однако в теоретическом плане о ней предпочитали не говорить. Постепенно само понятие «частная собственность» было легализовано, она была объявлена равноправной формой собственности, а в марте 1999 года упоминание о ней было включено в Конституцию КНР. Таким образом, развитие теории шло вслед за развитием практики.

В настоящее время концепция китайского пути к социализму состоит из следующих положений:

— освобождение мышления от пут догматизма; практика — критерий истины;

— в строительстве социализма *следует* придерживаться собственного пути, исходить из национальных особенностей Китая;

— преодоление отсталости Китая в экономическом и культурном отношении требует весьма продолжительного периода времени;

— центральный вопрос реформы всех общественных отношений — это развитие экономики, производительных сил;

— особый упор на развитие науки и техники;

— существование при социализме рыночной экономики — нормальное, закономерное явление, не есть что-то противоестественное;

— использование форм и методов управления экономикой, характерных для капиталистического общества, не есть следование по капиталистическому пути;

— реформы невозможны без осуществления политики открытости для внешнего мира;

— необходимость создания специальных экономических зон и районов как средство привлечения иностранного капитала, техники, технологии и методов управления;

— через зажиточность части населения и районов к зажиточности всех.

Конечно, концепция «социализма с китайской спецификой» включает больше положений, мы привели здесь лишь те, которые, на наш взгляд, являются основными.

Первое положение было выдвинуто еще в 1978 году, когда в масштабах всей страны была развернута кампания «практика — единственный критерий истины». Казалось бы, что выдающегося содержится в этой простой формуле, чтобы заставлять изучать ее всех членов компартии и «демократических партий», преподавателей и студентов вузов, сотрудников научных учреждений и даже рядовых граждан, в общем, буквально все население страны. Дело в том, что в течение многих лет китайская пропаганда внедряла в сознание масс набор неких общих истин о социализме, которые основывались на догматическом истолковании идей классиков марксизма, а также отдельных положений И.В.Сталина. Одновременно высказывания Мао Цзэдуна по тем или иным политическим и теоретическим вопросам были

объявлены истиной в последней инстанции. В результате китайские партийные и государственные кадры страдали узостью мышления, находились в плену упрощенных схем. Чтобы начать масштабную перестройку всей системы общественных, и прежде всего экономических отношений, необходимо было, как тогда говорили в Китае, «освободить мышление» от пут догматизма, заставить людей, и в первую очередь кадровых работников, мыслить по-новому. Одновременно было необходимо убедить массы в том, что хотя Мао Цзэдун был великим политиком и теоретиком, отнюдь не все его идеи являются научными, и единственным критерием истины является практика. Именно она свидетельствует об истинности или ложности того или иного теоретического положения.

Вскоре после завершения многомесячной *кампании о роли практики* в июне 1981 года было *решено* принять специальное, очень пространное постановление «О некоторых вопросах истории партии»⁴, в котором роль Мао Цзэдуна оценивалась согласно принципу «три к семи» («сань ти кай»), где «три» означало ошибки, а «семь» — заслуги. Однако в этом постановлении положительно оценивалась деятельность Мао Цзэдуна в основном в период до завоевания компартией власти в стране. Что же касается периода после 1949 года, то согласно постановлению *здесь* в его деятельности преобладали ошибки. Тем самым открывался путь к выдвиганию теоретических положений и осуществлению политической практики, которые не были связаны с предшествующим периодом развития КНР, то есть к отказу от многих положений, выдвигавшихся Мао Цзэдуном. Тем самым открывался путь к созданию новой теоретической программы модернизации китайского общества, нашедшей впоследствии выражение в «теории Дэн Сяопина».

Второе положение также было очень важно с точки зрения оценки как пути, пройденного Китаем после 1949 года, так и всей предшествующей истории компартии. Ошибки и недостатки, допущенные «в период социалистического строительства», были отнесены не только на счет Мао Цзэдуна, они были объявлены результатом того, что Китай «слепо следовал советской модели развития», в частности в методах реформирования сельского хозяйства (кооперирование), индустриализации (преимущественное развитие тяжелой промышленности *в ущерб легкой* и т.п.). Тем самым была подчеркнута необходимость создания собственной китайской модели социализма.

В тридцатые годы Мао Цзэдун выдвинул идею китаизации «марксизма» в целях его приспособления к национальным особенностям Китая, за что впоследствии был обвинен советскими теоретиками в мелкобуржуазной ревизии марксизма-ленинизма, отступлении от его всеобщих принципов. Между тем именно благодаря такому «отступлению» китайская компартия одержала победу над Гоминьданом. Как известно, классической догмой марксизма являлось признание руководящей роли пролетариата в социалистической революции. Механическое следование этому положению не один раз приводило китайских коммунистов в 20–30-е годы к поражениям.

Именно поэтому Мао Цзэдун в качестве руководящего принципа китайской революции выдвинул идею «окружения города деревней», что позволило КПК, опираясь на крестьянство, создать мощную Красную армию, установить свою власть вначале в деревне, затем постепенно завоевать города и тем самым добиться окончательной победы. (Впоследствии советские теоретики опять-таки обвиняли Мао Цзэдуна в отступлении от всеобщих принципов марксизма, утверждая, что победа над Гоминьданом была одержана КПК не по классическим марксистским догмам.) Начиная с 1978 года в Китае неизменно подчеркивается необходимость учета национальных особенностей Китая при осуществлении целей модернизации. В последнее десятилетие в лексикон китайских политиков и ученых вошло понятие «гоцин». Это очень широкое понятие, включающее в себя весь комплекс социально-культурных особенностей страны, в данном случае — Китая. «Необходимо учитывать «гоцин», «необходимо исходить из «гоцин», «все, что мы делаем, должно соответствовать «гоцин», и т.п. Так сегодня говорят и пишут в Китае.

В этой связи интересен следующий примечательный факт. В китайских теоретических работах последних двадцати лет совершенно не упоминается так называемая ленинская теория некапиталистического пути развития³. Мы говорим «так называемая», поскольку в действительности В.И.Ленин никогда не создавал подобную теорию, да и не мог создать. В отличие от того, что ему приписывала позднее официальная советская историография, он не допускал возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране, увязывая ее с торжеством мировой пролетарской революции. Созданная советскими теоретиками теория некапиталистического пути развития страдала упрощенческим подходом к сложным, противоречивым реали-

ям отставших в своем развитии стран, не учитывала их социально-исторические и культурные особенности. Например, согласно этой теории кооперирование объявлялось единственно возможным методом реформирования сельского хозяйства, в ней отсутствовало всякое упоминание о рыночных отношениях, более того, частная собственность фактически исключалась из элементов экономической системы общества. Естественно, что распад Советского Союза немедленно привел к исчезновению стран, строящих социализм, минуя капитализм, а также стран социалистической ориентации. Тем самым была подтверждена мифологичность теории некапиталистического пути развития.

Третье положение означает, что построение социалистического общества согласно китайским представлениям возможно лишь в весьма отдаленной перспективе, может быть, через 100—150 и более лет. Отсюда заявление о неизменности особого статуса Сянган (Гонконг) и Аомыня (Макао), по крайней мере, в течение ближайших 50 лет.

Четвертое и пятое положения подчеркивают первостепенную важность экономических отношений в развитии общества, строящего социализм. Понятие «классовая борьба» практически исчезло со страниц китайской печати. Неизменно подчеркивается единство всех социальных групп, слоев и классов. Национальная буржуазия признана равноправным участником социалистического строительства. В стране нет никаких ограничений для осуществления любым гражданином частнопредпринимательской деятельности, разумеется, в рамках закона, в том числе и членами партии; уже сложившийся и постоянно растущий социальный слой «новых китайцев» (многие из его представителей состоят в КПК) имеют равные гражданские и политические права с другими членами общества.

Шестое положение свидетельствует о понимании китайской компартией роли научно-технического прогресса в развитии общества. В Китае функционирует широкая сеть академических и отраслевых институтов по различным областям естественных и общественных наук, создана современная система высших учебных заведений. Большое значение придается использованию новейшей техники и технологий.

Седьмое и восьмое положения выступают наглядным свидетельством «прорыва» китайских политиков и ученых в теории — «лилунь тупо». Как известно, вплоть до середины восьмидесятых годов рынок, частная собственность в марксистской литературе объявлялись несовместимыми с духом социализма.

Китайские теоретики отбросили эти марксистские догмы, как не отвечающие условиям их страны. Что касается таких форм и методов, используемых в капиталистической экономике, как коммерческие банки, фондовые и сырьевые биржи, акционерные компании, акции, инвестиционные фонды и т.п., то они объявлены чисто техническими средствами, не имеющими отношения к природе общественного строя, а потому могущие существовать и при социализме.

Девятое и десятое положения имеют принципиальное значение, поскольку коренным образом меняют стратегический курс Китая по отношению к внешнему миру. «Политика открытости» создает необходимые предпосылки для сотрудничества с капиталистическими странами в разных областях, в том числе в военной. Естественно, что приоритет отдается экономическим и научно-техническим связям. Считая себя развивающейся страной, Китай заинтересован во внешней экономической, финансовой, научно-технической, технологической помощи. Немаловажную роль играют здесь специальные экономические зоны и районы.

В специальных экономических зонах и районах, число которых в начале восьмидесятых годов составляло всего лишь четыре, а к настоящему времени выросло в несколько раз, создаются высокотехнологичные производства, отрабатываются новые принципы и методы хозяйствования, естественно, рыночные. Они выступают как бы испытательным полигоном для реформы экономической системы всей страны. Благоприятным фактором, способствующим развитию этих зон и районов, а также всего Китая, является наличие богатой китайской зарубежной диаспоры, для деятельности которой в стране созданы все необходимые правовые и политические условия. В результате специальные экономические зоны и районы превратились в развитые промышленные центры. Один пример: расположенный рядом с Сянганом Шэньчжэнь за двадцать лет из маленькой деревушки превратился в современный город, имеющий миллионное население, развитую промышленность и социальную инфраструктуру.

Хотя большинство иностранных капиталовложений в экономику Китая по-прежнему принадлежит зарубежным китайцам (преимущественно из Сянгана⁶ и Тайваня), однако объем иностранных инвестиций из Японии, Германии, США, Франции и других стран растет из года в год.

В Китае представлено большинство ведущих транснациональных компаний мира, созданы тысячи совместных предприятий или предприятий со стопроцентным участием иностран-

ного капитала. В отличие от России подавляющее большинство товаров, продающихся в Китае, отечественного производства. Исключения составляют некоторые марки автомобилей, электробытовой и аудиовизуальной техники, ряд видов спиртных напитков и табачных изделий. Приведем лишь один пример: большой популярностью в стране пользуется автомобиль «Сантана», выпускаемый в Шанхае совместно с концерном «Фольксваген». Он стал едва ли не главным транспортным средством государственных и партийных функционеров. В самом Шанхае это основной вид транспорта.

В Китае широко используют иностранных специалистов не только в чисто производственном процессе, но и в области управления промышленными предприятиями, реформировании экономической, финансовой и банковской систем. В некоторых городах создаются даже консультативные советы при местных правительствах с участием иностранных предпринимателей. Первый такой совет был создан при мэре Пекина. Его назначение — использование зарубежного управленческого опыта и привлечение иностранных инвестиций.

Однако следует подчеркнуть одно важное обстоятельство. **Все принципиальные решения по экономическим вопросам как на местах, так и в Центре, принимаются исключительно самими китайцами.** Естественно поэтому, что эти решения адекватны социально-экономическим условиям Китая. Например, около десяти лет тому назад было принято решение о развитии промышленности в сельской местности. Оно было продиктовано необходимостью дать работу избыточной крестьянской массе. В результате этого поистине исторического решения (другими словами его оценить трудно) китайского руководства буквально по всему Китаю появились тысячи небольших предприятий, преимущественно легкой и пищевой промышленности, на которых работают бывшие крестьяне. Эти предприятия получили название «сяньчжэнь тие» (буквально «предприятия в волостях и поселках»). В сельской местности было построено также определенное число предприятий обрабатывающей промышленности⁷. Продукция многих предприятий местной промышленности *имеет* высокое качество и значительная часть ее идет на экспорт.

Наконец, **одинадцатое положение.** Оно имеет важное идеологическое значение. В течение многих лет в стране культивировалось упрощенное понимание идей социального равенства и социальной справедливости, согласно которому не должен су-

ществовать разрыв в уровне доходов различных слоев населения. Как стали говорить позднее, существовал культ «большого общего котла» («да го фань»), из которого каждый получал по ровну. С началом реформ в обществе возникает процесс имущественной дифференциации, что, учитывая бытовавшие прежде настроения, привело к «болезни красных глаз» («хун янь бин») — социальной зависти. В этих условиях выдвижение лозунга «через зажиточность части населения и районов — к зажиточности всех» укрепляло социальную стабильность, поскольку общество гарантировало своим членам равные возможности и достижения обеспеченной, зажиточной жизни. И здесь многое, если не главное, зависело от самого человека, его умения реализовать свои способности. Такая мысль подспудно проводилась китайской пропагандой. Неудивительно, что на рубеже 80–90-х годов стихийно возникло новое массовое движение «сяхай», что означает «заняться торговлей» (дословно «окунуться, броситься в море»). В этот период большое количество китайцев, преимущественно молодых интеллигентов, рабочих и крестьян, стало заниматься бизнесом. Многие из них преуспели на этом поприще, выросли в крупных предпринимателей, торговцев, причем на вполне законных основаниях.

В настоящее время достижения Китая в модернизации никем не ставятся под сомнение, даже противниками социализма. Естественно, напрашивается вопрос возможны ли они были при другом политическом режиме, в частности при «демократическом», в условиях существования многопартийной системы, прямых выборов на всех уровнях, осуществления свободы слова в западном его понимании? На наш взгляд, ответ может быть **однозначно отрицательным**. Эстатистская модель модернизации **адекватна** нынешним социокультурным условиям Китая. В случае быстрой демократизации по западным стандартам его неминуемо ожидал бы хаос, дезинтеграция, возможно, даже гражданская война и распад. Конкретный исторический контекст диктовал именно тот путь развития китайского общества, который избрали его руководители. Они учитывали наличие большого количества неграмотных; низкий уровень политической культуры и образованности населения; большой региональный разрыв в уровне развития; существование достаточно прочных феодальных и дофеодальных представлений и нравов; почти полное отсутствие кадров, подготовленных по экономическим вопросам; неразвитость транспортной сети; национальные и региональ-

ные проблемы, сопряженные с местным национализмом и регионализмом; наконец, отрицательное влияние на все сферы общества периода «культурной революции».

В этих условиях было просто безумием избирать иную, чем этатистскую, модель модернизации, избирать иные, чем авторитарные методы управления. Лучшим критерием соответствия той или иной модели развития общественным потребностям является ее результативность. Сопоставление китайского и советского, а *также* российского опыта последних двух десятилетий, безусловно, свидетельствует в пользу первого. Следует учитывать также, что есть авторитаризм и авторитаризм. В случае с Китаем авторитарные методы используются для обеспечения нормального функционирования общества и его модернизации. В условиях России, где политический режим представляет причудливое сочетание демократических и авторитарных методов, последние, как, впрочем, и первые, используются для проведения политики, неадекватной социально-экономическим условиям страны, но адекватной целям сохранения власти возникших финансово-экономических групп.

Очевидно, что реализация этатистской модели модернизации была связана с существованием сильной Коммунистической партии Китая, которая выступала организатором всех социально-экономических преобразований в стране. Принимаемые наверху, в Пекине, решения благодаря наличию мощной сети партийных организаций на местах, в государственных учреждениях и общественных организациях быстро становились достоянием широких масс населения. Они проводились в жизнь благодаря настойчивости и воли партийного руководства всех уровней и энергии рядовых членов партии. Уже принятые решения не обсуждались, они становились директивами к действию.

В этой связи небезынтересно вновь вспомнить сетования М.С.Горбачева по поводу того, что его реформы провалились ввиду сопротивления «консервативных сил партии». В действительности дело обстояло иначе. Когда М.С.Горбачев стал руководителем Советского Союза, в КПСС существовало **безусловное подчинение** нижестоящих партийных органов вышестоящим. Такой порядок продолжал существовать и в первые годы «перестройки». Можно указать в этой связи на печально знаменитую антиалкогольную кампанию 1985–86 гг. Хотя многие, если не большинство партийных руководителей, сомневались в целесообразности проведения этой кампании, они тем не менее рев-

ностью ее осуществляли. *Подобное поведение* объяснялось партийной дисциплиной, многолетней практикой безусловного выполнения решений ЦК КПСС, а фактически Политбюро *партии*. Невыполнение их грозило жесткими мерами, в лучшем случае освобождением от занимаемого поста. В этих условиях любое решение М.С.Горбачева в 1985–87 гг. было бы выполнено. Вопрос заключается в том, что в то время у М.С.Горбачева (в отличие от Дэн Сяопина) не было каких-либо серьезных предложений по модернизации советского общества. Когда же в 1987 году в результате его непродуманных действий произошло ослабление партийной дисциплины, то уже не могло быть и речи о существовании обязательности выполнения решений центральных органов партии. Вот тогда действительно не только консервативные силы, но и «демократические партии», все стали «играть в свою игру», не заботясь об интересах страны.

К началу реформ Коммунистическая партия Китая была многомиллионной партией. Трудно представить себе, чтобы все ее члены были совершенно похожи друг на друга в своих мыслях, стандартах поведения, жизненных привычках, что они не имели никаких индивидуальных различий. Опыт общения автора данной статьи со многими китайскими коммунистами позволяют ему сделать вывод об индивидуальной специфике социопсихологического облика каждого из них. Тем не менее в силу исторических причин приверженность партийной дисциплине и подчинение авторитету вышестоящего руководителя занимает в их иерархии ценностей особое место.

В отличие от Советского Союза, в котором Горбачев считал **реформирование партии предпосылкой модернизации**, Дэн Сяопин и его коллеги полагали, что сам **процесс модернизации приведет к реформированию партии, что эти два процесса должны идти одновременно**. Они исходили из абсолютно верной посылки, что поскольку время не ждет, то нельзя начинать реформы только после подготовки достаточного количества кадров. Их следует готовить в процессе реформирования общества. **Коммунистическая партия Китая реформировалась в ходе модернизации**. Те, кто оказался не на высоте поставленных задач, постепенно уходили с руководящих партийных и государственных постов, а их место занимали лица, как правило, более молодые, лучше разбирающиеся в современных экономических, политических и идеологических реалиях. При этом старых, догматически консервативно настроенных работников не исключали из общественно-по-

литической жизни, как это зачастую практиковалось в Коммунистической партии Советского Союза. Многие заслуженные члены партии, по объективным и субъективным причинам «не поспевавшие за ходом реформ», переводились на положение советников, для чего были созданы специальные комитеты во главе с Центральным Комитетом, находившимся в Пекине. Они просуществовали примерно 10 лет, пока не завершился первый этап смены поколений партийных руководителей.

Процесс модернизации преобразовал Коммунистическую партию Китая, буквально изменил ее облик. В настоящее время, если говорить о руководителях в центре и на местах, то это — *высокообразованные* люди, имеющие значительный практический опыт, необходимые познания в экономической области, рыночных отношениях. Компартия Китая двадцать лет назад и Компартия Китая в настоящее время по своему кадровому составу, в сущности, представляют две различные организации, они схожи только по названию.

Неверно думать, что принятие общепартийных и общегосударственных решений в Китае является делом лишь небольшого числа людей, которые отдают приказы и директивы, а населению и партийным массам остается их исполнять. В этот процесс вовлечено большое количество партийных, государственных, научных работников. При ЦК КПК, правительстве существуют специальные учреждения, выполняющие прогностические и консультативные функции. Аналогичные организации имеются и на местах — в провинциях, городах центрального подчинения. В подготовке важных политических, экономических и идеологических документов принимают участие сотрудники институтов Академии общественных наук (АОН) Китая. Ее важная роль в политической жизни страны подчеркнута назначением в 1986 году на пост ее Президента члена Политбюро ЦК КПК. Следовательно, процесс принятия политических решений в Китае — это плод коллективного творчества. Они являются результатом длительного обсуждения многих людей. Именно во время одного из таких обсуждений «наверху» заметили нынешнего Премьер-Министра Чжу Жунци, в начале 80-х годов бывшего заведующим сектором одного из экономических институтов АОН Китая.

Этатистская модель модернизации, как мы уже отмечали в начале статьи, предполагает определенные ограничения свобод и прав человека в западном их понимании, использование мер

для пресечения общественных действий, противоречащих существующим порядкам, в данном случае — Конституции и законам, действующим в КНР.

В Китае в течение длительного периода времени отсутствовала свобода передвижения по стране, для выезда за пределы места постоянного проживания необходимо было получить специальное разрешение властей. В настоящее время таких ограничений для жителей городов практически не существует, однако по прибытии в другой город на работу они должны зарегистрироваться в органах полиции. Что касается крестьян, то они могут проживать в городах только в качестве сезонных рабочих. Кстати, именно благодаря их труду и осуществляется в основном промышленное и гражданское строительство в городах. В случае отсутствия сезонной работы в городе крестьянин не может находиться в нем длительное время, поскольку рискует быть высланным домой в сельскую местность. Подобное ограничение свободы передвижения крестьян обусловлено объективными причинами. В случае предоставления им такой свободы в уже и так перенаселенных китайских городах⁸ быстро начнется рост населения, что добавит новые проблемы к уже существующим, связанным с городской инфраструктурой, безработицей, криминогенной обстановкой и т.п. Однако в последнее время и здесь произошли определенные подвижки: было принято решение, разрешающее крестьянам строить дома в волостных городах. Это решение было продиктовано тремя соображениями: во-первых, «разгрузить деревню», во-вторых, позволить крестьянам, имеющим деньги, стать горожанами и, в-третьих, изменить облик маленьких городов.

Необходимо отметить следующее обстоятельство. С началом реформ и ростом благосостояния населения широкое распространение внутри страны получает *туризм, в основном связанный с посещением исторических достопримечательностей*, которых в стране очень много. В последние годы начался массовый выезд китайских туристических групп за границу — Сянган⁹, страны Юго-Восточной Азии, а также Австралию, США, страны Западной Европы.

На Западе много говорят и пишут относительно подавления прав и свобод национальных меньшинств в Китае, в частности в таких районах, как Тибет и Синьцзян. Согласно Конституции КНР в Китае существует пять автономных районов, *проживающие* вне их национальные меньшинства имеют равные права с

собственно китайской, т.е. с ханской нацией. В Конституции КНР признается право нации на самоопределение, однако в ней никогда не было пункта относительно права выхода национальных автономий из состава Республики¹⁰.

Действительно, в Тибетском и Синьцзян-Уйгурском автономных районах существуют определенные проблемы¹¹. Они обусловлены многими причинами: историей взаимоотношений с Центральным китайским правительством, социально-культурными и национально-психологическими различиями между собственно китайцами и жителями этих районов, ошибками, допущенными центральной властью в период «большого скачка» и «культурной революции», недостатками в кадровой политике.

Возникает, однако, важный вопрос — можно ли оценивать существующие в этих районах проблемы, например в том же Тибете, с точки зрения универсальных прав и свобод человека? После воссоединения Тибета с Китаем в 1950 году многие традиционные нормы жизни, стандарты поведения, стереотипы сознания тибетцев стали подвергаться эрозии. Это было естественным явлением, поскольку в ранее отсталый район приходила намного более передовая цивилизация. Достаточно сказать, что тогда в Тибете продолжали существовать и феодальные, и рабовладельческие порядки, сопряженные с соответствующими культурными ценностями. Понятно, что начинающиеся социальные изменения не могли устроить значительную часть тогдашней национальной элиты. Следует подчеркнуть, что Далай-лама и его окружение в 2001 г. уже не те, кем они были более 40 лет назад в 1959 году в момент вооруженного восстания против Центрального правительства. Тогда они были рабовладельцами и феодалами с соответствующей их статусу идеологией. Теперь после многих лет пребывания за границей, длительного общения с политическими и культурными деятелями Запада и Востока, знакомства с западными демократическими традициями мировоззрение Далай-ламы и окружающих его людей стало совершенно иным.

Но и Тибет после 1959 года и особенно после 1978 года претерпел значительные изменения. С началом реформ политика центрального правительства в отношении Тибета стала более взвешенной, более продуманной, более адекватной историческим и культурным условиям автономного района. Однако власть многовековых традиций продолжает довлеть над сознанием и поведением тибетцев. Новые, более прогрессивные веяния, цен-

ности с трудом воспринимаются старой национальной элитой, состоящей в основном из религиозных деятелей. Она продолжает оказывать свое влияние на рядовых тибетцев, провоцируя их на антиправительственные выступления. Однако распространение новых, передовых культурных ценностей, вопреки мнению определенной части общества, нельзя рассматривать как подавление прав и свобод граждан, а борьбу с этими ценностями как прогрессивное действие. Следует подчеркнуть, что мероприятия китайских властей в Тибете во многом совпадают с тем, как в аналогичных случаях поступают в западных странах. Во Франции, например, девочкам из мусульманских семей запрещено посещать школу в черных платках, поскольку это противоречит общепринятым правилам. Точно так же восстановление шариатского суда в Чечне после 1996 г. не может рассматриваться как проявление демократии, а запрещение его — как подавление прав и свобод человека. Между прочим, Центральное Китайское правительство сохранило в Тибете традиционную религиозную структуру.

Следует подчеркнуть, что при всех издержках национальной политики китайских коммунистов в автономных районах, особенно в период до 1979 г., нельзя отрицать того очевидного факта, что они, эти районы, за прошедшие 50 с лишним лет совершили громадный рывок в своем социальном, экономическом и культурном развитии. Были, в частности, подготовлены тысячи кадровых работников, специалистов различного профиля из числа представителей коренных национальностей. С этой целью были созданы специальные институты в автономных районах, а также Центральный институт национальностей в Пекине, в котором готовятся и кадровые работники из числа китайской (ханьской) нации для работы в национальных автономиях.

Раньше в Советском Союзе в силу длительного периода конфронтации, а теперь и в России — по причине прозападной ориентации значительной части ее руководства — население страны получало и продолжает получать весьма скудную информацию о процессах, происходящих в Китайской Народной Республике, зачастую она (информация) носит тенденциозный характер¹². Под влиянием западной пропаганды среди определенной части российского общества сложились стереотипы об ограничении творческой активности китайской интеллигенции, преобладании догматических представлений в общественных науках.

Действительно, в Китае существуют определенные ограничения, своего рода табу на обсуждение ряда проблем и тем. Речь идет, главным образом, о «четырех основных принципах». Они означают следующее: «твердо придерживаться социалистического пути, твердо придерживаться *принципов* диктатуры пролетариата, т.е. демократической диктатуры народа, твердо придерживаться руководящей роли коммунистической партии, твердо придерживаться марксизма-ленинизма, идей Мао-Цзэдуна». *Фактически в последнее время к руководящему принципу «идеи Мао Цзэдуна» добавилась «теория Дэн Сяопина».* Эти четыре принципа являются основополагающими принципами китайской политической системы, **они незыблемы, не могут быть поставлены под сомнение, их нельзя подвергать ревизии.** Однако в рамках этих принципов возможны любые теоретические дискуссии, выдвижение любых новых неординарных идей и положений, в том числе и противоречащих по содержанию, но не обязательно по форме, тем, которые присутствовали в работах классиков марксизма, Мао Цзэдуна.

Особенно это касается дискуссий по проблемам национальной культуры, соотношения традиций и новаторства. Например, широко обсуждается проблема о возможности использования конфуцианства для модернизации китайского общества. Что касается экономической теории, то здесь существует самый широкий спектр мнений и идей, идущих в русле мировой экономической мысли. Каждый год в Китае публикуются тысячи книг по общественным наукам, каждый вуз или научный институт имеют свои журналы.

В китайских средствах массовой информации (газеты, радио, телевидение) до сих пор существуют определенные идеологические клише, однако на этом основании неправильно считать, что китайская пропаганда застыла на уровне 70-х годов, представляет, как и раньше, набор скучных и банальных истин. В стране издаются тысячи рассчитанных на любой вкус журналов и газет (для женщин, молодежи, детей, пожилых людей и т.д.). Хотя западные средства массовой информации недоступны рядовому китайцу, он тем не менее получает более или менее объективную информацию о событиях в мире. В последние годы в открытую продажу поступает ежедневная газета «Цанькао сяоси» (Справочные новости). Раньше она была газетой, распространявшейся исключительно по учреждениям и организациям.

В ней печатаются переводы статей из зарубежных газет и журналов. В стране существует более разветвленная и с большим, чем в России, количеством каналов сеть телевидения.

Совершенно иным за последние годы стал интеллектуальный и социально-психологический облик китайской молодежи, прежде всего городской. Она стала раскованной, более современной; по стандартам своего поведения, вкусам, привычкам она во многом похожа на молодежь других, в том числе западных стран.

Конечно, среди китайской интеллигенции есть люди, которые являются сторонниками западной модели общественного развития, западной демократии. Именно они являлись идейными вдохновителями студенческого движения второй половины восьмидесятых годов. Однако их программа оторвана от реалий своей страны. То, что они предлагают — многопартийность, неограниченная свобода печати, собраний и т.п., — представляет собой слепок западной политической системы. Осуществление такой программы в современном Китае неизбежно приведет к кризисным явлениям в обществе, политической и, как следствие этого, экономической нестабильности. Главное заключается в том, что у представителей «китайского демократического движения» нет каких-либо заслуживающих внимания предложений относительно развития экономической системы страны. Подобное обстоятельство не удивительно, поскольку лидерами этого движения являются писатели, журналисты, ученые и т.п. Они — не профессионалы ни в области политики, ни в области экономики, что самое главное. Поэтому в случае их прихода к власти страной стали бы действительно «управлять кухарки». Все, что они могли бы предложить в экономической области, в настоящее время успешно реализуется китайским руководством. Бездумное, без учета конкретной социально-культурной обстановки реформирование политической системы страны может обернуться крупными социальными потрясениями. Китайские руководители, безусловно, учитывают печальный опыт развития Советского Союза, России в последние пятнадцать лет. Следовательно, права и свободы человека при всей их несомненной универсальности существуют тем не менее в определенном социально-историческом и культурном контексте, поэтому не могут быть реализованы одномоментно.

Однако было бы неправильным предполагать, что политический режим в Китае остается неизменным на протяжении последних 20-и лет. Выборы Президента, провинциальных и городских властей по-прежнему остаются непрямыми, хотя и тайными. Вместе с тем выборы местных органов власти на уровне деревень и волостей в настоящее время уже являются прямыми при соперничестве нескольких кандидатов.

В начале 90-х годов с приходом нового руководства Вьетнам фактически избрал китайскую модель общественного развития. Так же, как и в Китае, реформы были начаты с сельского хозяйства. Были распущены кооперативы, земля передана крестьянам в пользование (но не в собственность), они (крестьяне) стали полностью ответственными за ведение своего хозяйства, результаты своего труда. Отношения с государством строятся на основе экономических расчетов: крестьянин обязан уплачивать ему определенный налог.

Как и в Китае, во Вьетнаме провозглашена «политика открытости» в отношениях с внешним миром, в результате чего в стране появились сотни иностранных компаний, совместных предприятий, представлены ведущие фирмы западных стран. Вьетнамская государственная авиакомпания работает во многих странах мира¹³. В стране развернулось массовое гражданское и промышленное строительство, повысился жизненный уровень населения. Как и в Китае, вьетнамское руководство проводит регулярные консультации с ведущими учеными, на которых обсуждаются принципиальные теоретические и практические вопросы. Успехи Вьетнама за последние десять лет в деле модернизации очевидны.

Конечно, этатистская модель модернизации не может решить всех проблем. Многие политологи считают, что коррупция, существующая в Китае и Вьетнаме, является неизбежным следствием однопартийной системы, характерной для этой этатистской модели. Как показывает практика модернизационного процесса в России после 1991 года, коррупция может существовать и при так называемом демократическом режиме, многопартийной системе. Но если в Китае и во Вьетнаме борьба с коррупцией действительно ведется, то в России все сводится к словесным рассуждениям о необходимости борьбы с ней. В течение последних лет китайская печать регулярно сообщает о судебных процессах против коррупционеров из числа работников партийного и государственного аппарата, в том числе само-

го высшего уровня. Так в 1998 году к 12 годам тюремного заключения был *приговорен* бывший член Политбюро ЦК КПК мэр Пекина. Во Вьетнаме недавно прошел судебный процесс над руководителями полугосударственных фирм — членами Коммунистической партии, обвиненными в хищении имущества, денежных средств на общую сумму 270 миллионов долларов. Этатистская модель модернизации характерна не только для стран Азии, в которых у власти находятся коммунистические партии. Ее избирают политические режимы, **антикоммунистические по своей природе**. Яркий тому пример — Тайвань, провинция Китая, с 1949 года существующая де-факто независимо от центра.

В течение почти сорока лет — с 1950-го по 1988-й год на Тайване существовал авторитарный режим, который жестко контролировали не только политическую, но и экономическую жизнь общества. Все основные экономические проекты осуществлялись по инициативе и под руководством высших органов Гоминьдана и назначенного ими правительства. Именно они выработывали стратегию экономического развития, в том числе четырехлетние, шестилетние и десятилетние планы, в ходе реализации которых строились приоритетные объекты. Именно они, особенно в 50–60-е годы изыскивали средства для этих объектов. Именно они, наконец, определяли политику преобразований в сельском хозяйстве, проводили, в частности, аграрную реформу.

Решения по экономическим и политическим вопросам принимались небольшим числом лиц. На острове существовал однопартийный режим Гоминьдана, всякое проявление оппозиционности, как, например, создание газет и журналов, независимых от правительства, жестоко подавлялось. Представительные органы власти отсутствовали, функции Национального собрания были чисто номинальными. По своей организационной структуре Гоминьдан был похож на КПСС (строгая централизация, культ вождя и т.п.). Однако именно благодаря реализации этатистской модели модернизации Тайвань смог добиться впечатляющих успехов в социально-экономическом развитии.

И здесь, как впоследствии в материковом Китае, важную роль играла личность политического лидера. В течение двадцати пяти лет Тайванем руководил Чан Кайши. Отвлекаясь от исповедуемых им мировоззренческих принципов, антикоммунистических по своей сути, нельзя не признать одного очевидного обстоятельства: он сумел извлечь необходимые уроки из ошибок политики Гоминьдана до 1949 г. Именно поэтому Чан Кай-

ши, как впоследствии Дэн Сяопин, начал модернизацию с реформирования сельского хозяйства, что позволило создать основу развития промышленности и инфраструктуры. Обладая большим честолюбием и харизматическим даром, Чан Кайши сумел подчинить своей политической воле усилия многих людей, заставил их поверить в правильность своего курса. Зачастую он действовал, *применяя методы, используемые* в Советском Союзе в 30–40-е годы, безжалостно расправляясь с теми, кто выступал против его политики. Как показала последующая история Тайваня, курс Чан Кайши оказался адекватным тогдашним социально-экономическим условиям Тайваня.

В 60–80-е годы этатистская модель модернизации была избрана и в Южной Корее правившими там военными режимами. Так же, как и на Тайване, государство контролировало развитие экономики, строго регламентировало деятельность промышленных предприятий. Здесь также существовали планы развития страны, под постоянным контролем государства находились вопросы внешней торговли¹⁴.

В Южной Корее, как и на Тайване, заслуга в развитии сильного частного сектора принадлежит государству. Все ныне известные в мире корейские компании «смогли встать на ноги» благодаря его поддержке. Развитие целого ряда отраслей тяжелой промышленности финансировалось правительством. Многие базовые предприятия являлись, а некоторые являются и в настоящее время, государственными, например известный во всей Азии металлургический комбинат «Поско».

Финансовый кризис в странах Тихоокеанского региона 90-х годов обусловлен многими факторами, прежде всего внешними, он не связан с этатистской моделью модернизации. Этот кризис говорит лишь о необходимости гибкого маневрирования, быстрого изменения экономического курса в соответствии с меняющейся обстановкой.

Конечно, автор данной статьи далек от идеализации этатистской модели модернизации, она не является универсальной, однако для целого ряда стран именно эта модель стала неизбежностью, ибо только она помогла и помогает решать назревшие социально-экономические проблемы. Подтверждение тому опыт исторического развития Китая, включая Тайвань, Вьетнама и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Очевидно, что данная модель социального развития не решает всех существующих проблем¹⁵. Однако беспроblemных моделей модернизации не бывает, как не бывает и беспроblemных обществ.

Примечания

- ¹ В настоящее время материальные и жилищные условия рядового китайского профессора лучше, чем его коллеги в России, хотя двадцать лет назад ситуация была противоположной.
- ² В 1998 году действие соответствующего закона было продлено еще на 30 лет, т.е. до конца третьего десятилетия двадцать первого века.
- ³ В Китае до сих пор существуют резкие ограничения в использовании иностранной валюты — большинство коммерческих банков не имеет права совершать операции с ней. Обменных пунктов, как в России, нет.
- ⁴ По своему объему оно представляло собой небольшую брошюру.
- ⁵ Собственно говоря, подобное умолчание было характерно для китайских работ и более раннего периода.
- ⁶ Как известно, до 1 июля 1997 года Сянган (Гонконг) не входил в состав КНР.
- ⁷ Автору этой статьи в 1991 г. довелось посетить завод по производству кабельного оборудования недалеко от восточно-китайского города Уси, где рабочими были вчерашние крестьяне из окрестных деревень. Завод являлся совместным предприятием с одной из швейцарских фирм и выпускал вполне современные кабели.
- ⁸ По китайским понятиям средним считается город с миллионным населением.
- ⁹ Для поездки в Сянган до сих пор необходимо специальное разрешение.
- ¹⁰ Упомянем в этой связи, что во Вьетнаме в настоящее время вообще нет национальных автономий, в целях преодоления национального сепаратизма они были ликвидированы в 60-х годах.
- ¹¹ В автономных районах Внутренней Монголии, Нинся-Хусэйском, Гуанси-Чжуанском районах таких проблем нет.
- ¹² Пекинский корреспондент одной из московских газет несколько лет назад рассказывал мне, что от него требуют преимущественно негативной информации о Китае.
- ¹³ Открыто регулярное воздушное сообщение с двумя главными тайваньскими городами — Тайбеем и Гаосюном.
- ¹⁴ В 60–80-е годы президент страны ежемесячно проводил совещания, посвященные данному вопросу.
- ¹⁵ Указывая на существующие в Китае социально-экономические проблемы, в частности нерентабельность примерно одной трети государственных предприятий, некоторые западные аналитики вот уже в течение нескольких лет «предсказывают» неизбежный экономический кризис в стране.

Проблема современности в контексте модернизации и глобализации

Тема исторической отсталости России от Запада, ее «несовременности» в сравнении с Западом, как известно, является основной темой российского западничества, всех его поколений, включая нынешнее. В глазах западников Запад получил значение высшей точки мировой истории, а все, что находилось за его пределами, признавалось безнадежно устаревшим. Западничество стало своеобразным продолжением европоцентризма на русской почве. Предлагаемые западниками в разные периоды их существования меры по сокращению и преодолению отрыва России от Запада могут быть квалифицированы как предвосхищение той модели общественного развития, которая в наше время получила название модернизации.

То, что сегодня понимается под теорией «модернизации», не является, строго говоря, ни западной, ни тем более российской теорией. При ее изложении в научной литературе нельзя встретить ни одной ссылки на русские источники. Возникшая в 50–60-х годах XX века в лоне университетской науки США, она была создана американскими специалистами по странам «третьего мира» (С.Липсет, Ф.Риггс, Д.Энтер, Р.Уарт, С.Хантингтон и др.) под влиянием работ Т.Парсонса и Р.Мертонса для объяснения происходящих там процессов, взрывающих традиционный порядок и способствующих переходу этих стран к современному (индустриальному и демократическому) обществу. Чуть позже данная теория была взята на вооружение официальными государственными ведомствами США для обоснования их политики в отношении этих стран. Страны, служившие для этой

теории объектами изучения, были преимущественно странами Азии, Африки, отчасти Латинской Америки, но не СССР, по отношению к которому более уместным считался термин «конвергенция», а не «модернизация». Это было время, когда СССР боялись, но признавали и уважали.

Все изменилось с концом коммунизма и распадом СССР. Россия сразу же откатилась в разряд слаборазвитых стран с остатками современного вооружения («Верхняя Вольта с ракетами»). По отношению к ней, уже не стесняясь, можно было говорить о модернизации по аналогии с вышеназванными странами. Термин этот прижился и в среде российских политиков и теоретиков, взявших на себя миссию защиты либеральных политических и экономических реформ. В дальнейшем этим термином стали пользоваться и для обозначения всех процессов реформаторского толка, начиная с эпохи Петра. Действительно, по своему общему смыслу он вполне адекватен политической теории и практике российского западничества, независимо от того, употребляло оно этот термин или нет.

Хотя термин «модернизация» сравнительно новый, явление, обозначаемое им, существует в России по крайней мере уже три столетия. Первая волна модернизации, поднятая петровскими преобразованиями, докатилась со всеми своими приливами и отливами до начала нашего века. Самодержавие имперского типа взросло и укрепилось на этой волне, закончив свое существование, когда ее энергия иссякла. Вторая волна была инициирована большевиками. Именно они продолжили начатое царями дело модернизации страны. Можно по-разному оценивать то, что они называли «реальным социализмом», но в любом случае он предстал у них не в своем собственном качестве, а как разновидность модернизационной стратегии, осуществляемой вне рыночными и недемократическими средствами, что называется «минус капитализм». И мог ли он быть иным в стране с несложившейся гражданской и правовой структурами? Субъектом этой модернизации (или индустриализации), названной «построением социализма в одной стране», стало предельно централизованное государство в лице одной партии и ее вождей. Социализм и был для нее синонимом мощного государства, обладающего промышленным и военным паритетом с развитыми странами Запада. Идея социализма как бы позволяла решать двойную задачу — мобилизации всех человеческих ресурсов для преодоления технологического отрыва от Запада, с одной стороны, и сохранения государствен-

ной независимости от него — с другой. Она как бы блокировала возможность превращения модернизирующейся страны в периферию западного (капиталистического) мира. И до определенного момента такая модель вполне срабатывала, хотя сегодня можно констатировать ее полную исчерпанность и неэффективность.

Крах социализма советского образа — это прежде всего кризис данной модели. Он дал начало нынешней — третьей — волне модернизации, совпадающей по времени с новыми технологическими сдвигами в западном обществе. Если первая волна падает на время существования в Европе раннеиндустриального общества, вторая — общества индустриального, то третья совпадает с переходом западного общества в постиндустриальную фазу. Наши модернизационные волны как бы соответствуют основным этапам становления современного западного общества, являются ответом на их вызовы. Модернизация ведь и есть ответная реакция на модерн, на его существование. Она позволяла России поддерживать хоть какое-то равновесие с западным миром. Запад развивался, следуя логике собственной жизни, а мы модернизировались вслед за ним, боясь оказаться в стратегическом проигрыше. Модернизация в любом случае процесс вторичный, как бы повторяющий, копирующий сделанный кем-то первоначальный ход.

Как бы ни понимать модернизацию, содержание которой, очевидно, менялось на разных этапах, суть ее выражена в известном лозунге советских времен — «догнать и перегнать...». «Перегнать» всегда составляло утопический элемент этого лозунга, «догнать» есть реальная задача любой модернизации, в силу чего ее часто называют «догоняющей». Обычно различают две модели модернизации — вестернизацию и «догоняющую». Первая предполагает прямое навязывание Западом незападным странам своей системы ценностей и образа жизни (например, в ходе осуществляемой им колониальной политики). Субъектом модернизации выступает здесь сам Запад. Вторая модель перекладывает роль такого субъекта на саму модернизирующуюся страну при сохранении ею своей национально-государственной независимости. Степень этой независимости и определяет соотношение в процессе модернизации элементов вестернизации и «догоняющей модели».

В обоих случаях модернизация есть развитие **с заранее планируемым результатом**, с сознательно прогнозируемым финалом, с отчетливо артикулируемой конечной целью. Этим она отлича-

ется от развития, носящего характер «естественноисторического процесса», детерминированного не извне поставленной целью, т.е. телеологически, а внутренне обусловленной причиной.

Насколько я понимаю, Запад в своем развитии никогда не ставил перед собой задачу «перехода от традиционного к современному обществу», в чем многие авторы усматривают смысл и содержание модернизации, т.е. не рассматривал **современность** как нечто, лежащее впереди себя или находящееся в ином месте, чем он сам. Западному обществу вообще свойственно при любых обстоятельствах чувствовать и осознавать себя современным. Отличие нового от старого, современного от традиционного осознается им после того, как новое уже сложилось, наличествует в действительности.

Даже в западных утопиях, апеллировавших к будущему, строивших модели идеального общества, не имеющих аналога в настоящем, современным считалось не то общество, которое хотели построить в будущем, а то, которое существует в настоящем, даже если оно и является предметом не апологии, а критики. И тем более Западу совершенно не свойственно считать современным то, что уже существует за его пределами. Западный человек может быть недоволен своим обществом, существующими в нем порядками, он может желать их изменения и улучшения, но в любом случае он будет считать себя человеком, существующим в границах современного мира. Современность для него там, где он реально присутствует со своими заботами, ожиданиями и надеждами.

Возможно, так мыслит и неевропейский человек, но до тех пор, пока не соприкоснулся с Западом, не захотел сравниться с ним в образе жизни. Можно согласиться с Б.Г.Капустиним¹, утверждающим, что нет проблемы современности одной на всех (например, современности, как ее понимает Запад), что каждая культура переживает и решает эту проблему по-своему, причем ни одна из них не знает ее окончательного решения. Однако это мнение верно в той мере, в какой абстрагируется от сознания людей, живущих в иных, чем западная, культурных мирах, но чьими душами овладел соблазн западной цивилизации. С этого момента Запад становится для них синонимом современности, а современность — далеко отстоящим от них идеалом.

Современность в точном смысле слова — это наличие у людей сознания своей **цивилизационной идентичности**, тогда как модернизация есть следствие кризиса этой идентичности. Общество,

с которым они себя отождествляют, вне которого не мыслят своего существования, современно для них при всех его возможных недостатках. Оно — это общество — может нуждаться, по их мнению, в исправлении и улучшении, даже в реформировании, но не в модернизации, поскольку уже современно до всякой реформы. Отнюдь не любая реформа тождественна модернизации. Реформы, проводимые на Западе (например, кейнсианская), не были модернизацией, поскольку не требовали от западного человека отказа от его идентичности. Они могли испытывать на себе влияние разных идеологий — от либеральной до социал-демократической или консервативной, — но не подрывали у людей их западной самоидентификации. При всех своих изменениях западное общество всегда оставалось самим собой и потому современным.

Отсюда не следует, что современность для Запада не является особой и жизненно важной проблемой. Только решается она здесь иначе, чем то, что предлагают все известные модели модернизации. Нелепо применительно к Западу говорить о вестернизации или догоняющей модернизации. Именно для Запада современность, по словам Б.Г.Капустина, «не является идеалом или вожделенной целью, тем, чего добиваются и что «строят», а предстает как всего лишь «сила негативного», как «подрыв нормативных оснований любого общественного порядка»², т.е., попросту говоря, постоянно воспроизводимым антитрадиционализмом. Современность здесь — синоним изменчивости, текучести, историчности общественной жизни, что обусловлено ее собственными причинами и заложенными в ней возможностями.

Можно, конечно, назвать этот процесс и модернизацией. Но тогда она будет просто пустой тавтологией, синонимом любого развития, всего того, что имеет историю. По такой логике все учебники истории следует переименовать в учебники по модернизации. Почему бы тогда не назвать модернизацией переход от юности к зрелости, от низших форм жизни к высшим? Происходящая в истории смена способов производства, форм правления, типов мировоззрения, если она, естественно, никем заранее не планируется, будучи развитием, никак не может считаться модернизацией.

В отличие от «проблемы современности» «проблема модернизации» (перехода к современности) возникает в ситуации глубочайшей хронополитической травмы, вызванной сознанием «несовременности», «отсталости» своей страны по сравне-

нию с другими. Жить с таким сознанием — само по себе «шок», рождающий мысль о необходимости «шоковой терапии» с целью возвращения себе утраченного статуса современности. Сознание это поначалу отнюдь не массовое: им проникается не народ, живущий в традиционном обществе вне исторического времени, его деления на современное или несовременное, а образованная и просвещенная элита, обладающая более широким кругозором и способностью сравнивать, сопоставлять между собой разные культурные миры. То, что представлялось ей ранее нормальным и привычным, вдруг начинает восприниматься как архаическое и устаревшее, как нечто аномальное и даже постыдное, недостойное человека. Отсюда настойчивое желание сменить свою идентичность, уподобиться тем, кто служит для нее образцом. Свою общественную миссию элита (в России к ней принадлежали все поколения русских западников) видит в том, чтобы внедрить заимствованную извне новую идентичность в сознание масс. Собственно, это и есть модернизация. Она состоит в восстановлении сознания своей «современности», ради чего в России и предпринимались все реформы. Они оправдывались здесь не естественным желанием что-то изменить, улучшить, усовершенствовать в своей жизни, оставаясь при этом самими собой, а именно стремлением стать во всем другими, избавиться от чувства своей ущербности и неполноценности, чуть ли не уродства на фоне других — современных — стран и народов. Понятно, что реформы такого рода, идущие вразрез с образом жизни и менталитетом большинства, могли носить только принудительный характер.

В.Г.Федотова, определяя модернизацию вслед за многими авторами как «не просто развитие, а его специфический вид, при котором осуществляется переход от традиционного к современному обществу»³, тут же поясняет, что речь идет в данном случае о развитии применительно только к незападным странам, в частности к России, которые тем самым автоматически исключаются из разряда современных. «Догнать западные (современные) общества — вот цель, которая стояла и перед Россией на всех этапах модернизации — в период реформ Петра I, Александра II, Петра Столыпина, во время большевистской модернизации и в настоящее время» (там же). В такой трактовке модернизации указана не только ее цель, но и на кого надо равняться, кому подражать, у кого брать пример. Здесь неясно только одно: от кого исходит это указание? Если «перед Россией стояла цель догнать западные общества», то, спрашивается, кто ее ставил перед ней?

Ссылка на объективные законы истории здесь не проходит. В отличие от них, действующих бессознательно за спинами людей, модернизация означает достижение заранее известного и сознательно планируемого результата. Она в любом случае требует наличия политической воли, мобилизующей всех для решения поставленной задачи. Политическая власть играет здесь ключевую роль. Хотя идея обновления общества может разделяться и поддерживаться разными группами людей, реальной программой развития она становится только в руках политической элиты, стоящей у власти. Последняя способна не только инициировать этот процесс, но и поставить ему на службу всю мощь государственной машины. Модернизация и есть политика в первую очередь, сознательное дело власти, ее политическая стратегия. Ставя перед обществом задачу его модернизации, власть как бы берет на себя ответственность за его современность.

На эту сторону дела не всегда обращают должное внимание, видя в модернизации что-то вроде естественно протекающего процесса. В действительности мы имеем здесь дело не столько со стихийно развивающимся процессом, сколько с сознательно сформулированной и предписанной сверху программой действий, т.е. с чем-то более искусственным, чем естественным. Скажут, она также продиктована объективными причинами (например, отсталостью страны), что, конечно, верно. Но далеко не очевидно, что данная программа содержит в себе адекватный ответ на объективный вызов истории.

Модернизация под видом строительства социализма, как теперь ясно, не прижилась на русской почве, дала сбой, закончившийся распадом государства. Замена социалистической (этатистской) модели модернизации на либерально-рыночную, заимствованную у Запада, дает пока что аналогичный результат, не менее болезненный, чем предыдущий. Обе эти модели, как бы их ни оценивать, есть субъективный выбор власти, хотя она и делает вид, что говорит от лица народа и самой истории. Именно власть в России всегда предписывала обществу, каким ему быть, на кого равняться, в чем видеть свою современность. Наши либеральные реформаторы в этом смысле не меньшие этатисты, чем их предшественники. Они, конечно, против вмешательства государства в рыночную экономику, но ради уподобления России Западу готовы терпеть и авторитарную власть. И что, кроме власти, может заставить людей жить в своей стране по чужому уставу?

Уже с Петра I власть в России рассматривала принуждение и насилие как главный инструмент своей модернизационной политики, какими бы внешними причинами она ни вызывалась. По словам В.О.Ключевского, «реформа, как она была исполнена Петром, была... делом беспримерно насильственным и, однако, произвольным и необходимым... Уже люди екатерининского времени понимали, что обновление России нельзя было представлять постепенной тихой работе времени, не подталкиваемой насильственно». По-своему эту мысль выразил и Ленин, назвав политику концентрированным выражением экономики, т.е. тем местом, где решаются все вопросы экономического развития. Все этапы российской истории, существовавшие под знаком догоняющей модернизации, отмечены ужесточением политических режимов, усилением их репрессивных функций, смещением центра общественной жизни в сторону авторитарной и тоталитарной власти. И причина тому — не сама по себе необходимость развития, а то, как оно интерпретировалось властью, одержимой идеей модернизации.

Власть, взявшая на себя миссию главного модернизатора, признает для себя только одно право — бесконтрольно и единолично командовать страной. Такая власть ни при каких обстоятельствах не будет демократической, даже и тогда, когда ради своего положительного политического имиджа на Западе будет изображать из себя подобие демократии. Относительно демократическая модернизация послевоенных ФРГ и Японии не может служить примером, так как во многом была продиктована страной-победительницей — США. Они и сейчас следуют в фарватере американской внешней политики. Нельзя сбрасывать со счета и ту огромную экономическую помощь, которую оказали им США в ходе восстановления ими своей экономики. И это при том, что и до того эти страны цивилизационно были намного ближе к западной экономической системе, чем Россия.

Скрытая модернизация, проводимая царями и большевистскими вождями под лозунгами «великой России» и «построения социализма», сменилась ныне модернизацией открытой, прямо ориентированной на Запад. Однако чем больше политики у власти пытаются копировать Запад, тем больше их политика почему-то выглядит карикатурой на него. Западничество в политике тем и отличается от Запада, что последний есть естественное образование, а второе — искусственное, сугубо «идейное» и поэтому совершенно «беспочвенное». Копия не может быть ориги-

налом. Модернизация и есть искусство копирования, а не создания оригинала. История с ее чуткостью к самобытному и индивидуальному не принимает и не признает грубых подделок, политиков-копиистов и имитаторов. Исторический плагиат столь же нетерпим, как и любой другой.

Сегодня даже на Западе модернизация признается устаревшей и непригодной к употреблению моделью развития. «В 70-е гг., — отмечает Б.С.Старостин, — эйфория вокруг модернизации постепенно сменяется разочарованием в ней. Практически нигде, за малым исключением, модель экономического роста не сработала в том виде, в каком она была задумана. Неэффективной оказалась и модель политической институализации... Началась критика предложенных моделей. Видных ученых Запада настоятельно жесткая привязанность авторов этих моделей к официальной политике. Какая же это теория, спрашивали многие, если она превратилась в служанку политики, выполняет чисто идеологические функции? К политико-идеологической критике добавилась затем и методологическая»⁴.

Нет смысла рассматривать здесь последующую трансформацию первоначальной модели, что достаточно подробно описано в нашей научной литературе. Общая тенденция состояла в замене политикоцентричной модели на культуроцентричную, развивающую идею модернизации с опорой на собственные традиции и ценности. В.Г.Федотова предлагает называть ее постмодернизацией, которая, как она справедливо полагает, не снимает противоречия институционального и культурного (ценностного) в ходе ее проведения. Могут ли традиционные ценности инициировать появление новых институтов? Пример Японии и Юго-Восточной Азии, казалось бы, убеждает в этом. Вопрос в том, является ли созданное там общество современным в западном смысле этого слова или чем-то иным по сравнению с ним, вносящим в западную модель «азиатский элемент»?

Постмодернизация есть отрицание модернизации даже по смыслу самого термина. Отрицается, однако, не сам по себе факт модернизации, как он имел место в истории и продолжает сохраняться до нашего времени, а возможность достигнуть на этом пути в настоящее время сколько-нибудь значимых результатов. Россия здесь не исключение. Результаты нынешней модернизационной волны далеко не соответствуют связанным с ней ожиданиями: Россия не сближается с Западом, а все больше отдаляется от него. По словам американского политолога Стивена Коэна,

«Россия следовала по пути модернизации сверху в течение столетий. Иногда этот процесс шел безболезненно, иногда это была «модернизация через катастрофу». Но никогда прежде результатом не становилось подобное возвратное движение вспять от современности»⁵. Полемизуя с американской политической наукой, занимающейся Россией, в ее оценке современного периода нашей истории как «переходной» (от тоталитаризма к демократии и капитализму) Коэн называет тот же период «де-модернизацией».

Смысл происходящего станет более понятен, если мы учтем, что, взяв курс на модернизацию, мы по существу продолжили старую политику, но только под другими лозунгами. Если раньше эта политика маскировалась сознанием нашего величия и даже превосходства над Западом («первая в мире страна победившего социализма»), что позволяло народу терпеливо сносить тяготы жизни и примиряло его с властью, то теперь ему внушают, что величие — удел других народов, а его участь смиренно учиться у них. Сознание своей несовременности, то есть, по сути, дикости и варварства, и есть та новая идентичность, которую власть предлагает народу. Посредством внедрения в массы «шокового сознания» (подобно тому, как раньше внедрялось социалистическое сознание) пытаются оправдать шоковую терапию. Но с таким сознанием вообще нельзя развиваться. Развитие есть удел уважающего себя человека, а ответом на национальное унижение может быть только ненависть к тем, кто тебя унижает и кого тебе ставят в пример. Убедите человека в том, что он — варвар, он и будет вести себя соответственно. В итоге получим не развитие, а произвол сверху и хаос внизу. Что и наблюдаем в настоящее время.

Дело, однако, не только в смене лозунгов. Сегодня вообще нет лозунга, который мог бы скрыть главный изъян модернизации — ее репрессивный и унижающий национальное достоинство характер. Модернизация исчерпала себя не только по форме, но и по существу — как способ перехода от традиционного общества к современному. Ведь современность отождествляется в ней с индустриальной фазой общественного развития, а сегодня эта фаза сменяется другой, как бы ее ни называть — постиндустриализмом, информационализмом, глобализмом и пр. Эпоха модерна, по мнению одних, сменяется постмодерном. По мнению других, мир вступает в новую и заключительную для себя фазу. Мир переживает переход к тому, что имеет много

названий, но пока не получило однозначного определения. Но ясно одно: этот переход сопровождается кризисом всех форм идентичности, известных до сих пор, кризисом всех модернизаторских идеологий эпохи индустриализма — от либеральной до социалистической. С какой системой идей и ценностей вынужден будет идентифицировать себя человек эпохи постмодерна (или позднего модерна) — вопрос открытый и не имеющий пока общепризнанного решения. Ситуация неопределенности, рождаемая этим переходом, как бы уравнивает всех в сознании своей «несовременности», заставляет усомниться в превосходстве любой идентичности, кем бы она ни была представлена на сегодняшний день.

Можно сказать и так: поскольку современность перестает быть в настоящее время чьей-то особой привилегией, становится проблемой для всех, постольку переход в современность (модернизация) оказывается общей судьбой, общим делом всех стран и народов. Но тогда такой переход лучше называть уже не модернизацией, а глобальным развитием. Последнее есть реальная альтернатива догоняющей модернизации. Политике, заставляющей одних жить под диктовку других, все больше противостоит политика, сочетающая собственный национальный интерес с интересами других, в пределе — мира в целом. Жить в согласии с другими и есть, пожалуй, главная ценность такой политики.

Глобализация в отличие от модернизации заключает в себе тем самым иное понимание современности, перехода к ней. Данный переход осознается здесь как задача, постоянно решаемая совместными усилиями всего мирового сообщества, а не каждым в отдельности. Современен здесь тот, кто озабочен не только своей судьбой, но и судьбой мира, его глобальными проблемами, так или иначе включен в их решение. Экономический рост, высокий уровень жизни, военное могущество и все остальные несомненные признаки процветания не являются здесь еще достаточными признаками современности, ее опознаваемым всеми знаками и символами. На первый план действительно выходят иные приоритеты и ценности. В своей совокупности они выражают способность конкретного государства, страны или народа жить не только своей обособленной, но и всеобщей жизнью, выходить за рамки своего локального, местного, национального, регионального существования. Мера этой всеобщности и становится здесь мерой собственной современности. С этой точки зрения современной нельзя считать и ту полити-

ку, которая во имя ложно понятого патриотизма и национального эгоизма отгораживается от мира, пытается противостоять глобализации, и ту, которая сводит глобализацию фактически к той же модернизации, выдавая за нее вырвавшуюся на волю и затопившую весь мир рыночную стихию. К первым относятся разного рода националисты, традиционалисты, фундаменталисты. Ко вторым — теоретики и политики неолиберального толка, трактующие глобализацию как всего лишь расширение и распространение на весь мир сложившейся в течение столетий капиталистической системы.

В обоих случаях мир остается разобращенным, хотя и по разным основаниям. В первом он разделяется по цивилизационным, конфессиональным, национальным границам, которые считаются непреодолимыми. Во втором по степени своей включенности в миркапиталистическую систему. В этом случае он сегментируется на неравные части, причем командную роль в нем будут играть те страны, которые заняли в этой системе центральное место, образуют ее ядро. Предполагается, что таким центром в XXI веке будут страны «большой семерки» с теми или иными незначительными добавлениями, а также зависимые от них международные организации типа МВФ, Международного банка и пр. Остальные страны окажутся за бортом. Они станут для первых либо поставщиками сырья и дешевой рабочей силы, хранилищем их отходов либо вообще будут исключены из их системы.

С подобной перспективой трудно согласиться. Даже некоторые дальновидные политики Запада высказывают сомнение в способности рыночной экономики без соответствующих мер государственного регулирования подчинить себе весь мир, заставить его жить по своим законам. Ряд западных авторов предостерегают провал экономического глобализма, считая, что он станет свидетельством несостоятельности идеи глобализма вообще. Глобализация, как думают многие, осуществляемая исключительно по закону конкуренции и дерегулирования рынков, лишь усилит неравенство между богатыми и бедными странами, спровоцировав со стороны последних ответные конфронтационные действия. Типичный пример тому — современный фундаментализм. Потрясающие мир финансовые кризисы, разрушение природной среды, массовая миграция населения из зон хронической нищеты и голода, рост числа безработных (в силу низкой грамотности и квалификации) в странах третьего мира, вспыхивающие в

разных точках планеты военные конфликты — все это и многое другое свидетельствует о порочности рыночного глобализма, коль скоро ему нет никаких противовесов. Полагаться только на рынок значит действительно дискредитировать идею глобализации.

Конечно, многое будет зависеть от сознательного регулирующего вмешательства государства в процесс глобализации, от желания и умения политиков реформировать систему межгосударственных отношений и союзов с учетом интересов как можно большего числа стран. Однако ставка на государство при всей ее важности не решает всей проблемы. Нужна и новая идеология, способная внедрить в сознание народов ценности и приоритеты глобальной политики, примирить их с ней. Такая идеология должна быть освобождена от классовой, узконациональной, региональной ангажированности прежних идеологий, не может быть простым повторением традиционных догм либерализма или коммунизма, сложившихся еще в XIX веке и с теми или иными изменениями дошедших до наших дней. Либеральные и социальные ценности найдут свое место и в глобальном обществе, но они перестанут здесь быть взаимоисключающими, не способными к синтезу. Не надо мыслить это общество раем, где все человеческие проблемы будут решены к всеобщему удовлетворению, но решаться они будут, несомненно, на более высоком витке разумности и гуманности. В ином случае глобализация лишена исторически оправдывающего ее смысла.

Глобальная модель развития, по нашему мнению, не является ни либерально-рыночной, ни этатистской. Последние соответствовали более экономике индустриального общества, опиравшейся либо на механизмы свободного рынка, либо на централизованную и всеохватывающую власть государства. Обе они, как известно, раскололи мир на два противостоящих лагеря, каждый из которых претендовал на мировое лидерство. Для одного из них была характерна вера во все разрешающую силу рынка, для другого — в силу и мощь государственного аппарата. Модернизация, являющаяся, по существу, запоздалой индустриализацией отставших в своем развитии стран, так и не смогла найти разумный баланс между этими двумя стратегиями развития.

С началом глобализации обе эти стратегии перестают быть надежным инструментом политики. Рынок и государство, конечно, сохраняют свое значение важнейших факторов общественного прогресса, но их действие все более коррелируется факторами иного рода — социальными и культурными.

Глобализация, как известно, является прежде всего следствием прорыва в мир информационных технологий и систем, по своей природе являющихся глобальными. Глобальный мир — предельно информатизированный мир, в котором расширенное воспроизводство информационных технологий становится главным источником прогресса, в том числе и экономического. Управлять таким миром подобно тому, как это делалось в индустриальных обществах, уже невозможно. Потому, во-первых, что информационные потоки не укладываются в национально-государственные и региональные границы, во-вторых, от человека здесь требуются иные личностные качества, чем только его рыночная активность и исполнительское послушание. Экономика, основанная на информационных технологиях, превращает человека, владеющего информацией и способного генерировать новое знание, в основной капитал, главную производительную силу общества. Соответственно возрастает значение таких структурных подразделений общества, как наука, образование, культура в целом. Именно в них формируется новый тип работника, обладающего помимо своей рабочей силы еще и тем, что принято называть культурным капиталом. Роль последнего в производстве неизмеримо возрастает даже по сравнению с вещным и денежным капиталом. Здесь мало быть просто наемным работником или частным предпринимателем, равно как и отдающим приказы бюрократом, в любом случае надо быть человеком культуры, способным творчески решать встающие перед ним задачи. Можно сказать, что на этапе глобального развития именно культура становится главным фактором решения социальных проблем.

Понятно поэтому, что целью глобальной политики, в отличие от модернизации, может быть только создание такого мирового порядка, при котором коллективные достижения человечества в разных областях деятельности становятся достоянием каждого человека и каждого народа — личным и национальным достоянием. Никто, ни один народ не может быть обделен в праве свободного доступа ко всем достижениям и благам мировой цивилизации и культуры, и только такой доступ делает их равными друг другу.

Любой дележ общественного, экономического, культурного богатства, осуществляется ли он силовыми методами или методами рыночной конкуренции, ведет к неравенству, является источником социальных конфликтов как внутри отдельной нации, так и между ними. Неравный дележ никогда не примирит

между собой проигравших и выигравших. И если в сфере рыночной экономики такой дележ практически неизбежен, то в области природопользования и культуры он опасен и вреден, в принципе недопустим. Распространение на природу и культуру рыночных институтов, их коммерциализация является причиной экологического и духовного кризиса, поразившего индустриальное общество. Там же, где природа и культура становятся основными факторами прогресса, они становятся и главными объектами управления. Первое, что надо сделать — это освободить их из-под власти рыночной стихии, то есть необходимости дележа между конкурирующими соперниками.

Культура, наука в частности, в принципе в равной степени принадлежит всем. В своих основных проявлениях она не принадлежит приватизации, хотя это часто и делается в ущерб ей. Вообще уповать на спасительную силу приватизации можно только в индустриальном обществе, тогда как за его пределами в цене повышаются те виды богатства, которые по сути своей не являются объектами дележа, принадлежат всем. Что-что, а информацию, имеющую общекультурное значение, нельзя сделать собственностью одного человека, одного государства и даже одной наднациональной корпорации. Попытка ее монополизации со стороны частного субъекта противоречит природе информации, обесценивает ее. В равной мере это относится и к богатству природному, являющемуся общечеловеческим достоянием.

Переориентация национальной политики с интересов и целей модернизации на цели глобального развития и есть единственный способ возвращения в современность, обретения идентичности, соответствующей реалиям сегодняшнего дня. Именно в этом направлении следует искать систему ценностей, способную стимулировать экономический рост и социальное развитие. Лишь включившись в решение проблем глобального порядка, Россия сможет обрести новое дыхание, преодолеть поразивший ее кризис, заявить о себе как о стране XXI века. Не повторять и копировать то, что уже пройдено другими, а вместе с ними участвовать в создании нового мира — только так можно и наверстать упущенное, и сохранить себя в этом мире. А по его поводу у России, если она внимательно прислушается к себе и основательно разберется в своем прошлом, есть что сказать и предложить миру.

Примечания

- ¹ См. *Капустин Б.Г.*: Современность как предмет политической теории. М., 1998.
- ² Там же. С. 16–17.
- ³ *Федотова В.Г.* Плюсы и минусы модели «догоняющей модернизации» М., 1998. С. 65.
- ⁴ *Старостин Б.С.* Проблема модернизации: история и современность // Модернизация и национальная культура. М., 1995. С. 13.
- ⁵ *Козн С.* Изучение России без России // Свободная мысль. 1998. № 9–12. С. 28.

Содержание

Предисловие	3
<i>И.И.Кравченко</i>	
Модернизация современной России	6
<i>В.И.Спиридонова</i>	
Демократическая перспектива этатистской модели государственности в современной России	31
<i>Р.И.Соколова</i>	
Сильное государство как фактор модернизации.....	58
<i>Е.В.Осипова</i>	
Роль государства в процессе модернизации	91
<i>В.Г.Буров</i>	
Поучительный опыт (теория и практика осуществления этатистской модели модернизации в странах Азиатско-Тихоокеанского региона)	110
<i>В.М.Межуев</i>	
Проблема современности в контексте модернизации и глобализации	138

Научное издание

Этатистские модели модернизации

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

В авторской редакции
Художник *В.К.Кузнецов*
Технический редактор *А.В.Сафонова*
Корректор *Т.М.Романова*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.
Подписано в печать с оригинал-макета 19.02.02.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 9,6. Уч.-изд. л. 8,41. Тираж 500 экз. Заказ № 050.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерный набор: *Е.Н.Платковская*
Компьютерная верстка: *Ю.А.Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
119992, Москва, Волхонка, 14